

Оксана Демченко

КАРТЫ ЧЕТЫРЕХ ЦАРСТВ

серия

Срединное царство

Книга вторая

Оксана Демченко

**Карты четырех царств.
Серия «Срединное
царство». Книга вторая**

«Издательские решения»

Демченко О.

Карты четырех царств. Серия «Срединное царство». Книга вторая
/ О. Демченко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903508-0

Понятие «карты» имеет много смыслов. Для кого-то они игральные, их предназначение — одурачивать простаков и добывать для умного деньги, власть и сведения. Для кого-то они — знаки судьбы и даже оковы предрешенности, способные лишить воли к борьбе. А еще карты — рисунок дорог, похожих на кровеносные сосуды и позволяющих перекачивать иногда товары и почту, а иногда и войска... и будить особенное, тревожное любопытство, которое толкает людей в путь и делает свободными, зрячими и равнодушными.

ISBN 978-5-44-903508-0

© Демченко О.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Путь беса. С камнем на шее	7
Столичные истории. Гости	17
Путь Ула. Ответы без вопросов	24
Столичные истории. ...да здоровствует бес!	28
Глава 2	39
Путь беса. Никакого великодушия	40
Столичные истории. Выйти в свет	52
Путь Ула. То, чего нет	60
Глава 3	62
Столичные истории. Дом, милый дом	63
Путь беса. Никаких одолжений	71
Путь Ула. Карта менялы	86
Глава 4	90
Столичные истории. Вес правды	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Карты четырех царств

Серия «Срединное царство». Книга вторая

Оксана Демченко

Корректор Борис Федорович Демченко

Иллюстратор Fernando Cortes

© Оксана Демченко, 2018

© Fernando Cortes, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-3508-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Карты – замечательное слово, имеющее много смыслов.

В этой истории первая книга – «Перевернутая карта палача» – позволила и автору, и читателю разложить карты всех видов и разобраться в этих самых видах.

А вот вторая книга дает время и место изучить подробнее все карты, такие разные и непохожие, чтобы выбрать сердцем – предназначение они, совет свыше или помощник, позволяющий сделать первый шаг на выбранном пути – за горизонт, в неизведанное, для которого еще не создано карт...

Автор от души благодарит тех, кто помогал собраться в путь написания этой книги и тех, кто захочет позже пройти свой путь прочтения.

Глава 1

В которой рассказывается о событиях осени 3210 года от начала нового времени в четвёртом царстве

Путь беса. С камнем на шее

Никому не удавалось заставить багряного беса Рэкста врасплох! Никому и никогда, если говорить о времени, которое он помнил, как рэкст – раб иерархии бессмертных. Постепенно он притерпелся к несвободе и даже приучил людей звать себя Рэкстом. Над кем издевался, взяв за имя – кличку? Над людишками или же над собою? Ведь он давно отчаялся, осознав после порабощения, что личность и даже имя древнего свободного вервра рассыпались в прах...

Он привык горько усмехаться: в сказках чудеса бывают добрыми, в реальности же целесообразна лишь смерть, недоступная подневольному бесу. По инерции он надеялся хотя бы так освободиться, он искал врага превыше сил... И вот – о, насмешка случая! – нашёл заморыша, недоросля даже по меркам людишек. Глупца! Зная тёмные дела и мрачные замыслы беса, ненавидя его, враг Ул не сделал попытки убить. Более того, принял на себя бремя неволи Рэкста – хотя его никто не просил! Хуже, враг взялся самонадеянно учить древнего вервра – жизни! Судил его, приговорил и казнил.

С казнью раб обрёл и свободу, и расплату: обузу и слепоту.

А палач – мальчишка-атл, едва получивший взрослое имя Клог хэш Ул... он с трудом пережил свою победу! Безоружный Клог в момент казни стоял в трёх шагах от беса. Он сомневался, он был слаб и неопытен... Как же получилось, что рука Клога дотянулась, впечаталась в лицо! И Рэкст – ослеп... Боль взорвала рассудок, породила бурю в душе – ярость боя, восторг свободы, жажду рвать врага, позор поражения... Под таким напором плотина забвения дала трещину! Вервр перестал быть безымянной вещью королевы, обрёл свободу вдыхать запахи мира, впитывать его вибрации... Вервр осознал, что милостью еще одного слабого человека – синего ноба Монза, он может теперь по-настоящему взять личное имя. Подарок старика. Непрошенный и... бесценный!

Вервр Ан, свободный вервр – очнулся. Любопытство погасило крик, а вместе с ним ярость. Жестоко выдвинутое из глазниц зрение умирало, напоследок обманывая мозг сотнями способов. Вервр пристально наблюдал процесс, чтобы не оказаться наедине со своей инертной, кошмарной неудобной и неуправляемой памятью.

Истинное древнее имя в первый миг не нашупалось, да и позже не пришло... Зато ненависть к врагу Клогу высветила в памяти яркий образ: из небытия улыбнулся старый друг. атл Тосэн, как живой... с терпким и острым запахом мыслей о бое, с теплотой на дне темных спокойных глаз, с мелкими морщинками у губ, накопленными бессчётными улыбками миру и людям, даже если они – враги.

С горячей болью вервр Ан сдирал шкуру с мёртвой своей памяти – и корчился, и узнал лукавый прищур, поворот головы, острый, неудобный взгляд в упор... лёгкое, по-птичьи худое тело, вроде бы – не годное бойцу.

Краткосрочная потеря сознания погасила разум Ана. Слепой и слабый, вервр пошатнулся, несколько раз глубоко вдохнул, стер с лица кровь, ощупал пустые глазницы. Криво улыбнулся: лишь ослепнув, он прозрел прошлое и смог понять, почему Клог хэш Ул при всякой встрече получал помилование от багряного беса Рэкста... Вид Клога причинял боль! Он был как соринка в глазу: мешал дурашливой манерой, прищуром, худобой – будто тело крылатого досталось человеку, и ветер готов его принять, подбросить ввысь, как родного...

Два дня назад пойманный в западню Ул так неудобно, так раздражающе смотрел в упор. Зрячий, он упрямо не видел в Рэксте свою предрешённую смерть! Не пытался сбежать, не излучал страха. Он пах... любопытством! Смутная мыслишка закопошилась тогда в сознании Рэкста, как придавленная муха. Бес зажмурился... но мысль оказалась ловчее мухи – и ускользнула. Любопытство побудило беса отсрочить смерть врага, терпеть его вопросы и сдерживать свой гнев, обычный в общении с людишками... да с кем угодно! Бес рассматривал Клога –

всклокоченного, сомневающегося. «С чего бы?» – задумался Рэкст. Пришёл к выводу: так проявляется самоедство, основанное на отвращении к идее разумного устранения выродков. Пацан стрелял в подосланных к нему убийц, и собственная меткость довела его до полуобморочного раскаяния. Это показалось забавным... и снова продлило жизнь врага. Кто мог предположить, чем завершится игра в поддавки и для загонщика, и для дичи?

Казнь дала вервру слепоту и обязанность жить без власти и достатка. Казнь превратила Клога – в палача, причастного к иерархии бессмертных... Они поменялись местами? Или произошло нечто более глубокое и сложное? Вервр Ан не знал ответа. И все же он находил занятым такое стечение неслучайностей.

Вервр Ан начал путь искупления оттуда, где почти год назад багряный бес Рэкст совершил преступление: убил старуху и ребёнка по приказу иерархии...

В рабском служении палача самым мерзким было время уничтожения душ, не тронутых гниением. Впрочем, постепенно Рэкст стал именовать раннюю насильственную смерть достойных – привилегией. Мол, я даю им уйти, не мараясь в грязи взросления... Рэкст был раб и выделял жертвам то, что мог: быструю смерть без боли... Разве мало? И разве важно, когда обрётся человечья жизнь, если и самая долгая для тебя, бессмертного, – лишь миг...

Прошлой весной багряный бес одним движением клинка вычеркнул из бытия девочку. Он ощутил, как ребёнок угас. Но, по воле Ула, неугомного, как все атлы, порядок вещей сломался. Сейчас девочка – та самая, бывший Рэкст помнил и запах, и звучание души – снова жила, высохшая и страшная в своём противоестественном упрямстве: вернуться, вырасти, преодолеть...

Слепой вервр глубоко вздохнул.

– Осень...

Ан улыбнулся, ощущая мир сполна и сливаясь с ним, как может лишь свободный вервр: он знал тяжесть напитанной влагой земли, готовой укрыться снегом и баюкать нерождённую ещё весеннюю зелень в корнях, орехах, семенах, побегам... По-звериному внятно Ан чуял дремоту жирующих по берлогам медведей, дрожь промокших зайцев, линяющих в зиму и слишком приметных теперь, до снега. Ан – слепой сам по себе – смотрел на бурый волглый лес взглядом нахохленного ворона, вместе с уткой рвал из ледяной воды малька. Он грыз осиную кору, стачивая бровные зубы...

Вервр – родня всему дикому миру, высший хищник. Ан вспоминал, как он любил прежде наблюдать окрестности с плоской скалы. Мир тогда принадлежал только ему. Не князю и не хозяину, а просто – сильнейшему.

Ан принялся, раздраженно стряхнул с руки собственную кровь. Пустые глазницы саднило... Да, при своём огромном опыте он не смог уклониться от удара Клога хэш Ула. Более того, теперь он вспомнил: в прежней жизни приём «лапа тигра» сам же и показал другу. Атлу Тосэну вервр верил больше, чем себе. Друг мёртв. Но память о нем стала нерушимой защитой для врага: ослепший, разъярённый вервр не смог отомстить! Тыльная сторона ладони мазнула по щеке Клога, прошла мимо его горла... С хрустом пальцы впечатались в кору, вонзились на полную длину в дубовую древесину.

Клог, не вполне законный по мнению вервра наследник атла Тосэна, потерял сознание и без удара в горло. Он безвольно сполз в жухлую траву, раздавленный приступом раскаяния. Палач жалел ослеплённого! Даже его. Даже сейчас...

Вервр вслух поиздевался над слабаком, хотя слушателей не было. Затем поговорил с покойным Тосэном – и не важно, что тот не мог ответить. Наконец, вервр излил боль в рычании... Сжал зубы и стал терпеть, пока рассудок остыл до вменяемости. А пока Ан сполз по стволу дуба, обдирая куртку и спину, и расслабился.

Боль немного ослабла. Ан уже мог хладнокровно оценить ситуацию. Волею врага и взятой им карты палача, отныне и до совершеннолетия младенца, вервр Ан вынужден подчиниться своей казни. Значит, он будет жить без права пользоваться тем, что бесу Рэксту давали в мире людишек страх, власть, деньги... Хотя – пустое. Сила при нем. Опыт тоже.

Губы сложились в презрительную усмешку. Вервр потянулся, и носок его башмака упёрся в свёрнутую куртку.

– Обуза! – прошипел Ан, точно зная: волосы полыхнули багрянцем ярости.

Он почти забыл... В свёртке чужой куртки покоится младенец, девочка. Ей бы умереть по весне, но упрямая дышит, пусть и реже обычного человека раз в десять. Вот сердце шевельнулось, снова замерло... Проклятуций Клог взял на себя несвободу графа Рэкста. Взамен ввёл условие: ребёнка нельзя отдать на воспитание!

– Я припомню тебе это, дождись, – прошелестел вервр, пнул врага в бок и нехотя подтянул ближе свёрток с ребёнком.

Теперь он окончательно принял свою казнь: безвластие, обузу и слепоту. Может, это и неплохо – не видеть ни обузу, ни иных людишек? Вервр зевнул, на губах проявилась усмешка, знакомая всем в свите графа Рэкста. Откуда бы людишкам знать её смысл? Ультразвука они не слышат, приборов в этом убогом мирке нет... Отосланный в ночь писк вернулся, прорисовал в сознании ближний лес, пустой от врагов и угроз. Вервр оскалился ещё раз, уточняя тропу. Конечно, без привычного зрения первое время двигаться будет менее удобно. Но, рассуждал, Ан, потеря глаз не так опасна, как утрата слуха или чутья височных и наушных рецепторов – тепловых и иных.

Вервр взрыкнул, выдрал из дуба крупный клоч волокон, ещё пахнущих летним соком. Сила при нем! Нехотя, помня об избранной Клогом казни, вервр нащупал куртку с ребёнком и сгрёб, чтобы тащить, как мешок. Касаться прохладного тельца было неприятно. Как и думать о том, что это существо придётся терпеть рядом целых семнадцать лет. Вервр нацелился шагать к опушке, но напоследок замер, принохиваясь к сонму неосознанных переживаний, терзающих врага даже в обмороке.

– Клог хэш Ул, теперь у меня есть причина, чтобы покарать тебя. Я выращу девочку, и тогда стану твоим палачом, законно. Я исполню свой план ликвидации людишек и бессмерти, убив тебя во вратах миров! – прошелестел вервр, заинтересованно улыбаясь. – Позже, чем хотел... Но разве для нас время имеет значение? Постарайся выжить. Ты отныне – мой. И ты не Тосэн, чтобы я снова прощал. Ненавижу понятие «наследник»... в тебе есть сходство с ним, и ты вдвойне виновен из-за своего преступного сходства.

Вервр отвернулся и заскользил по лесу, безошибочно уклоняясь от низких веток, перепрыгивая поваленные деревья и огибая овраги. В кармане нашёл платок, и вервр стер кровь с лица, порычал ругательно – и ускорил бег.

Осень сошла с ума. Ветер рылся в лесу, как гончая в кроличьей норе. Листья то кружились, то хлестали в лицо и царапали кожу, то норовили со спины навалиться всем ворохом, подмять... Ветер мешал понимать лес, заставлял вервра острее сожалеть о временно утраченном зрении.

От опушки Ан побежал в полную силу, желая одолеть брод до начала дождя. Не успел: иглы льдинок ударили в лицо, когда он был на самом глубоком месте, по грудь в воде, и боролся с сильным течением. Вервр зарычал, в несколько прыжков миновал стремнину, метнулся к берегу – и разобрал хруст неблизкой молнии. Он был бес и он был рядом. Один во всем мире он проследил, как для упрямого врага приоткрылась щель в ткани мира. Как снова срослась плоть мироздания, надолго сделав Ула недоступным для мести... А заодно отрезанным от любой помощи, от всего знакомого и привычного.

Ветер дичал и дичал, выл зимней стаей, кусал тело, стынущее в мокрой насквозь одежде. Первый за осень ледяной дождь облеплял все, устранял различия теплоты и холода. Ветер ревел и ярился.

Ан упрямо брёл, все хуже понимая окружающий мир. Враг посоветовал идти в дом у дороги, на отшибе, вне села. Сперва вервр не собирался принимать словесную подачку мерзавца, возомнившего себя наследником Тосэна. Но слепота в гомоне ветра, но ледяная корка одежды, но беспомощность младенца, которого надо вырастить во что бы то ни стало...

Он едва смог заметить дом. Он добрел до низкой двери и привалился к ней, хрипло дыша и даже не взрыкивая – лишь поскуливая. Он давно тащил куртку, как куль, и не сомневался: всё кончено. Второй раз за ничтожную жизнь высохшая девочка пересекла реку смерти, и теперь – бесповоротно.

Когда дверь поддалась, вервр провалился в тёплую затхлость сеней, не помня себя. Он даже не удивился тому, что дверь открыли! Всю дорогу от леса и именно в это он не верил. Когда нет денег и власти приказать – кто разберёт твой крик отчаяния? Кто согласится отворить дверь, кто впустил в дом беды... и ничего, кроме них.

Вервр рухнул на колени – и позволил себе забыться.

– Вишь ты, какая беда, – слабо, с придыхом, посетовал старческий голосок. Тонкий, скрипучий, вроде бы женский.

– Ты мне зубы-то не заговаривай, – бойчее и громче возразил другой голос, более низкий и глуховатый. – Довольно дрова изводить. Их и так нет.

– Раз нет, то и жалеть нечего, – в голосе старухи прорезалось визгливое упрямство. И сразу погасло. – Пусть хоть одёжа просохнет. Ну, очухается он, и как ему, бестолковому, намекнуть, что козы у нас нет? Нету, подохла. А без молока дитя помрёт вот прямо скорёшенько. В чем душа-то держится, косточки вон, тоньше прутиков. Ужась. – Старуха вздохнула и добавила иным тоном, деловито: – Проверь ещё, совсем кошеля нет? Хоть бы медяк разыскать, сбегать к Мобру с задатком и попросить в долг.

– О-о, ты бегать наново выучилась? – обозлился старик.

Вервр поморщился, попробовал шевельнуться и осознал, что лежит на подстилке, привалившись спиной к печному теплу. Оттого и разморило, прямо нет сил поднять голову. Не понять даже: ему до такой степени дурно или же наоборот, в нечувствительности содержится счастье...

– Очухался? – заметила старуха. – Эй, болезный, где ж тебя так отходили? Хотя оно конечно, вся округа стоном стонет. Вроде, и нобы в непокое. От баронов Могуро, сказывают, лихие люди подались во все стороны и баламутят, и пакостят. – Старуха помолчала и осторожно спросила: – Сынок, как звать-то тебя?

– Прежнее имя износилось, едва я ослеп, – покривился вервр и добавил: – По доброте одного старика я законно унаследую новое имя... Назову позже, если придётся.

Вервр сел, ощупал печь, вцепился в горячую кружку, едва она оказалась возле ладони. Он пил быстрыми крупными глотками, до дна. Напившись, ослабил намотанную в несколько слоёв повязку на лице, тронул пустые глазницы. Стер коросту крови с чувствительных к теплу рецепторов, внешне похожих на симметричные родинки у висков. Покривился, пискнул летучей мышью, собирая впечатления о помещении.

Убогое место, прав был враг Клог. Ещё вчера граф Рэкст и не подумал бы, что очнётся на земляном полу, в крохотной избе-четырёхстенке, косо навалившейся на печь, как на костыль... Под потолком щели, холод осени так и сквозит.

Ребёнок? Вервр принюхался. Вон и девочка: на руках у старухи, укутана в побитый молью вязаный платок. Вздохнула... снова как мёртвая. Теплота кожи едва заметна.

– Тут такое дело, – дед начал готовить гостя к плохой новости.

– У кого поблизости есть коза? – вервр сократил бесполезную часть разговора.

– По уму ежели, спросить бы в «Ветре удачи», а разве ж они откроют тебе или нам? – Старик вздохнул. – Ну, опять же... всё лето у них с гостями беда, а ныне и вовсе: хуже засухи потоп, да-а... Я о чем? Не было гостей – убыток, а повалили гости – и того горше горюшко, вон каковы гости-то.

– Где этот «Ветер»? – нехотя уточнил вервр, слушая вой урагана за стенами.

Старуха махнула рукой, охнула. Ласково, жалостливо тронула щеку гостя. Вервр ответно оскалился в ухмылке. Получил в руки совсем ветхий шейный платок, почти не погрызенную молью валяную шапку, дождевую куртку из толстой грубой тканины. Вырядившись чучелом, Ан развеселился. Спросил о своём ноже – и старик безропотно вернул опасную вещь, до того припрятанную «от греха» в сенях.

– Темень там, глаз коли темень, – запричитала старуха и осеклась, слушая смех ослеплённого вервра.

Она продолжала всхлипывать и сетовать на глупый бабий язык, пока вервр миновал сени, добрел до двери, переступил порог и привалился к мокрой бревенчатой стене снаружи.

Непогода разошлась в полную силу. Палый лист, водяную взвесь и иглы льдинок крутило и месило так, что направление ветра не угадать. Вервр совсем размотал повязку, принюхался к запахам дома и дождя, приладился к току стариковских тревог и переживаний. Оттолкнулся от надёжной стены – и сделал первый шаг в трясину осени...

– Гнусный Клог, буду убивать медленно, – пообещал вервр. – Зачем ты бегом поволок меня в лес, на казнь? Ночью... Оставил без ужина. Там, на постоялом дворе изжарился кролик, сочный... Свежатинка, сам ловил.

Было бы удобно приписать врагу вину за отсутствие кошеля. Даже за то, что младенцы не едят крольчатину – а ведь поймать кролика куда проще, чем отыскать посреди ночи молочную козу. А после – вот ужас! – ещё и подоить... Но вервр полагал, что даже без фальшивых обвинений долг Ула со временем вырастет до неподъёмной тяжести...

Вервр брёл, принюхивался, пищал и вслушивался, собирал чужие настроения, приближаясь к их средоточию – к селу с густо наклепанными вдоль хилых улочек избами и просторным постоялым двором, похожим на быка посреди овечьей гурьбы.

Настроения составляли общую мутную массу, знакомую по всяким людским скоплениям и мысленно именуемую – помои. Сегодняшние казались густыми, тёмными, замешанными на многочисленных страхах, пустых и настоящих. Вервр спотыкался, злился на слепоту, взрыкивал, вслушивался в эхо – и снова шёл, упрямо не растопыривая руки и не сокращая шаг. Он не слабый человечиска, чтобы выглядеть шаркающим слепцом и вызывать презрение.

Из общего вороха страхов и сомнений Ан наугад выделил всхлирывающий высокий голосок. Страх у этого человека – острый, отчётливый, он распознается ярко.

– Люди, ох, люди! Хоть кто, помогите... Ох, пустите, да пустите же, – стонала девка, плотно притиснутая к забору, в глухом и наверняка очень тёмном месте возле конюшни. – Да что же это... да пустите, умоляю, ну пустите...

Отпустить добычу, понятное дело, никто не собирался. Рта зажимать тоже не пробовали – слушать мольбы занятно. Вервр покривился, ощущая, как возвращается в привычный себе мир людишек. Такие скучны и однообразны как в бессилии, так и в насилии. Душегрейка девки валяется в углу, рубаха разорвана от ворота и до пупа... А ведь в двух шагах к стене привалены вилы, дотянуться – можно! Мало того, в ногах у девки валяется кухонный ножик – его нетрудно поддеть и всадить во врага. Но эта овца, как и многие подобные, знает своё место и покорно топает на бойню, смутно соображая, каковы последствия отчаянного сопротивления. Насилие привычно, неизвестность страшна, она – удел сильных... Так обыкновенно рассуждают людишки. И – сгибаются.

Вервр хмыкнул: вот потому был интересен мерзавец Клог. Если разобраться, куда почётнее числиться врагом беса, чем выглядеть для него парализованным кроликом или овцой, не достойной спасения.

Голова деловито сопящего мужика впечаталась в бревенчатый сруб с хрустом. Вервр разжал пальцы, высвободил прихваченные на затылке волосы наёмника – и позволил бессознательному телу сползти по стене. Само собой, внимание «овцы» теперь целиком принадлежало спасителю – и баба орала в голос, захлёбываясь и срываясь в писк. Ещё бы! Что она видит? Лицо в потёках крови, пустые глазницы, ухмылку... и всё это под смутно знакомой валяной шапкой, над смутно знакомой дождевой курткой!

– Болотник, – спасённая определилась с сортом нечисти и сразу запуталась: – Мертвяк! Старого Ясу пожрали-и...

Вервр зажал орущий рот и выждал, пока истерика поутихнет.

– Веди к хозяину, – велел он, выломал руку и развернул отчаянно постанывающую девку лицом от себя. – Быстро. Пока цела.

Хозяин постоянного двора обнаружился в дальнем подполе, в обнимку с отвратно воняющей бутылкой ведерной ёмкости, судя по плеску и булькам – ополовиненной. При виде девки-поводырки и шагающего за ней слепого, хозяин икнул и тихонько застонал.

– Гости беспокоят? – задал тему вервр.

– С весны, – всхлипнул хозяин. – Как отсыпал я мухортке проезжому лежалого овса, так и пошли дела вкривь. У-у, враг людской. Вся погань с него началась, с мора лошадиного.

– Не с тебя же, – согласился вервр. Он прислонился к стене, удобнее перехватил плечо девки. – Нужна коза. Молочная, для маленького ребёнка. Коза и вдобавок, пожалуй, дрова. На таких условиях до рассвета выгоню гостей или заставлю их заплатить и утихнуть.

Вервр поморщился с отвращением. Пока хозяин заведения пил и копил размышления, он попытался сообразить, когда оказывал столь мелкие услуги окончательно ничтожным людишкам. Память не выдала ни единого похожего случая.

– Выгнать и заплатить, ага, – по тону было ясно, что хозяин широко, тупо ухмыляется.

– Что насчёт козы?

– А гости ещё шумя-ят, – обнаглел хозяин, почуяв торг.

– Могу сам взять, что мне надо. Выйдет быстрее, проще. А гости – они твои, может, и до самой твоей же смерти, – прошелестел вервр.

Для ускорения решения он нащупал бок бутылки и выломал горсть осколков. Это просто, вот только движение должно быть очень, очень быстрым. Люди такого даже смазанным не замечают. Рядом на два голоса завывли: «Убивают!»... Вервр неподвижно ждал, пока в голове хозяина, неубитого вопреки воплям, сварится каша решения.

Наконец, девка, всхлипывая и жалуясь, поволокла по улице упирающуюся козу. Хозяин оторвал от груди бутылку с прорехой в пол-бока, принялся, назвал вервра разорителем и разжал руки. Осколков стало больше, а запах обрёл такую крепость, что вервр предпочёл задержать дыхание. Он терпеливо ждал, пока хозяин сопит и ворочается, медленно поднимаясь в условно-стоячее положение. Наконец, опробует способность ног перемещать тело туда, куда надо, а не туда, куда качнуло...

– Выдели кого потрезвее в провожатые, – предложил вервр, наблюдая, как хозяин третий раз обошёл камору, с растущим беспокойством шупая стены и сетуя на отсутствие дверей. Когда совет остался без внимания, вервр сплюнул шипящее, привычное: – Людиш-шки...

Поймав руку хозяина, вервр небожно, но чувствительно прикусил запястье, позволяя себе учуять ток крови, а жертве – её место в мире.

Пьянчуга ещё визжал и летел прочь из подпола, спиной вперёд, но уже был совершенно трезв. Удар, тишина... Вервр вынырнул на свежий воздух по узкому входу, хлебнул мокрого

ветра, хрустящего некрепкими льдинками на зубах. Улыбнулся природе: она во всяком мире друг ему и мрачная загадка – людишкам. Так и норовят испохабить. Но здесь пока не сладили.

Мир атлов исконно не желал принимать прогресс, сопротивляясь обычному в иных мирах развитию цивилизации – инстинктивно, но весьма успешно. А может, всё не так, – задумался вервр, позволяя ветру трепать свои волосы, – может, четвёртое царство ограничивает одни стороны жизни, возмещая ущерб в ином. Тосэн говорил что-то подобное, но вспомнить не получается, да и тогда присказки друга проходили мимо внимания.

– Там, – третий или четвёртый раз сообщил хозяин постоянного двора, ненадолго забытый. Икнул и завыл от ужаса, осознав, что тычет пальцем в темноту, указуя направление слепому. – То есть... прощения просим. То есть... Оно там, ну то есть как бы сказать... туда и ещё туда, да что же я... да вот же...

– Я понял с первого раза, – осклабился вервр. – Там и ещё туда. Внятно. Сколько они задолжали?

– Так... если всё учесть... А-аах. О-оо... – хозяин осип, рассмотрев в подробностях пустые глазницы, кровавые дорожки на щеках ночного гостя, бурую коросту на его пальцах и тыльной стороне ладони, тёмное пятно на рукаве дождевой куртки. – То есть...

– Сумму. Без стонов, вранья и учёта ущерба потрёпанной чести сговорчивых баб, а равно мухортости весенних лошадей и подобного маловажного, – покривился вервр.

– Шуку серебром, полновесную, – выпалил хозяин и клацнул зубами, прикусив язык и испугавшись своей неуместной честности. – То есть... но ведь коза, но ведь...

Он шептал всё тише и жалобнее, он обнимал голову и принимал вес похмелья, настигшего жертву почти сразу после внезапного протрезвления.

Вервр не слушал. Получив нужные сведения, он крадучись двинулся к главному строению через захламлённый двор, заодно прикидывая наименее затратные и проблемные пути исполнения уговора.

Графу Рэксту довольно было бы взрыгнуть, чтобы его опознали. Наёмники неизбежно сами сползлись бы к сапогу и смиренно ждали приказов, хоть бы и казни – их же собственной.

Безымянный бес, даже слепой, отпустив на волю силу и дикость свою, не оставил бы в доме живых очень быстро: в несколько ударов человеческого сердца. А сколько денег соберут с мёртвых те, кому он дозволит мародёрство – не его забота.

Вервр, обременённый полумёртвым младенцем и желающий хоть сегодня остаться неузнанным и значит, свободным... Для него не имелось простых способов исполнить задуманное.

– Клог, я выколю тебе глазёнки, – рычание было низким, людям такого не разобрать их убогими ушами. Но, не слыша слов, люди во всём селе вздрогнули, вдруг заподозрив близость смерти. – Клог, ты ведь услышал? Ты учуял? Твар-рь.

Когда вервру оставалось сделать по двору шага два до двери, она с грохотом распахнулась, и какого-то мелкого служку вынесло из темного коридора. Следом пошёл, диким вепрем взревел в дверном проёме, рослый наёмник. Его так и выламывало от беспричинного и бесконечного раздражения. Вервр подвинулся, пропуская служку, и коснулся кончиками пальцев бревна: пока не погасла вибрация от удара двери, он запомнил план строения.

Получив нужные сведения, Ан смазанной тенью скользнул крикуну за спину... и наёмник затих на полувздохе, пропал в бессознании надолго, до полудня самое малое. Вервр придержал грузное тело, мягко опустил на пол. Как раз успел исправить оплошность, допущенную вчера: рука нащупала и отстегнула наёмничий кошель. Пока деньги меняли хозяина – а они такие, сами текут в сильную руку – вервр перебрал монеты и извлёк нужную, крупную золотую. Зажатая меж пальцев, она послушно сплющилась, приняла отпечаток. Подобные «приказные монеты» граф Рэкст выдавал посланцам, показывая своё отличие от людишек. Рисунок поду-

печки пальца не раз пытались подделать, и всегда неудачно. «След беса» хранил ощущение животного страха, готовое уколоть всякого, совместившего палец с выемкой в монете.

– Попробуем так, – шепнул самому себе вервр, не вполне довольный планом.

Но – время не ждёт. Бывший Рэкст уже двигался по коридору, прилаживаясь шагать, как подобает слепому немощному человеку. Он шарил по стенам, прикашливал, шаркал... и приближался к нужной двери, заранее зная: в комнате трое, один из них мертвецки пьян, второй трезв и весел, а третий в отчаянии и весь изошёл холодным потом, даже хуже, обмочил штаны. Обычный расклад для людишек: безразличный ублюдок, жадный ублюдок и ловкий доносчик, вдруг возомнивший, что чужими грязными руками он дотянется до соседского достояния... Сам явился, денежки принёс, только не учёл, что сельская зажиточность никого не впечатлит, а вот разбуженный страх – позабавит.

Вервр покашлял и стукнул в дверь. Приоткрыл её, втиснулся в щель, пытаясь достойно кланяться. Нищие так обычно и делают. Только у нищих в дрожащей ладони не блестит неожиданным уловом – золотой.

Трезвый наёмник вмиг заметил странность и убрал руку с рукояти ножа. По уму и несуетливости вервр именно его мысленно произвёл в жоаки. Запах тела, настроение – то и другое казалось смутно знакомым. Лично граф Рэкст столь мелкого слугу не принимал, но где-то в его особняках человечиска столовался и отдыхал, нет сомнений...

– Прощения просим, – засипел вервр. – Послание до вас, наизусть велено выучить и передать, ни словечка не забыв.

Жоак хмыкнул, рассматривая пустые глазницы, одежду с чужого плеча, дрожащие пальцы. Жоаку хватило ума молча выслушать приказ Рэкста и сразу же заставить случайного гонца повторить его, проверяя, выучены слова – или же перевераны. После третьего пересказа с многими запинками и вздохами, но без единого отступления от текста, жоак поверил и недовольно поморщился. Ему не хотелось спешно покидать село, тем более так – расплатившись и не оставив по себе дурной памяти... Был невнятен и приказ двигаться к замку на перевале и безвылазно сидеть там, пока не явится старый барон. Но приказы беса не таковы, чтобы их оспаривать.

– Сядь, – жоак пнул слепого. Шагнул мимо, заорал в коридор, погнав гулкое эхо: – Эй, хозяин! Ползи, гнида, свезло тебе, платим и валим! Коней седлать, беспробудную пьянь валить в возок!

Наёмник залиvisto свистнул. Постоялый двор заскрипел, зашевелился общим недоумением, загудел спешным приготовлением к отъезду. Перекликались басовитые голоса, топали сапоги. Метались шёпоты и вздохи слуг...

Ан усмехнулся: дело сделано. Без крови, без прямого объявления своего имени... пора бы тихо сгинуть, но – не получается: крепкая рука вцепилась в ворот.

– Погасни, тля помоечная, – прошипел в самое ухо жоак и накрутил на кулак ворот куртки, норовя слегка удушить и напугать. – С нами двинешь отсель. Кто весть от беса донёс, тому и почёт... бесовский. Чё, не знал?

Ответ не требовался. Вервр мрачно pokrивился. Он, в общем-то, знал и своих людишек, и ту помойку из зависти, страха и самомнения, что смердит в их душах. Он, правда, никогда не обращал внимания на мелочи. Теперь злился на себя, сидя с крепко стянутыми локтями на дне возка, в облаке перегара.

«Горевестника» тащили в обозе до переправы. На глубоком месте пнули в спину, с борта – да в ледяную воду... а прежде камешек на шею повесили, не позабыли...

Добравшись до берега в насквозь мокрой одежде, и это второй раз за бесконечную ночь, вервр был не просто зол – он аж светился стеклянно-ломкой яростью. По волосам с шорохом пробегали искры, и бес знал: они багряные, как свежая кровь. Чего стоило сохранять волосы «человечьими» всё время, пока жертву везли и пинали... Он и теперь еле сдерживался, уго-

варивая себя не догонять ублюдков и не рвать их, не давить, не размазывать по дну повозок, наполненных сивушными парами.

– Клог, зар-раза, – рычал вервр, лязгая зубами не от холода, а от зажатой в них намертво злости, – Клог хэш Ул, ты умр-рёшь не ср-разу, стр-радай заранее! Ты... ты...

Впервые за неисчислимое время жизни вервр не нашел годных угроз. Наказание подлеца Ула стало делом, требующим холодного и неспешного обсуждения с самим собою. Пока же вервр был слишком занят: бежал во весь дух, греясь и выгоняя из тела ярость, подобную гною, остро-болезненную. Вервр мчался, и ненависть тянулась за ним черными крыльями – каменными, не дающими ни полёта, ни широкого взгляда на мир...

Рычание и шипение оборвались в единый миг. Вервр расслышал отчаянно бьющийся бубенчик, споткнулся и замер.

Ан подставил лицо дождю пополам со снегом. Принюхался. Чтобы наказать врага, надо прежде стерпеть данную им казнь. Только затем будет возможно огласить свою, ответную. Чтобы дотянуть до казни Клога, надо сберечь жизнь никчёмному детёнышу атлов. А для этого прямо теперь требуются – вот же мелочи досадные – коза и дрова. Так почему добытую с таким трудом козу сейчас, посреди ночи, волокут на верёвке обратно в село? Почему на пороге покоившейся избы бессильно всхлипывает старуха?

Вервр резво развернулся и в несколько прыжков очутился возле козы. По ушам ударил знакомый визг служанки – «болотник!»...

– Аш-ш пш-шла прочь, – прошипел вервр, выдрал верёвку из рук девки.

Коза от происходящего взбодрилась – и попыталась насадить ближнего двуногого на рога. Вервр, конечно, уклонился, но обозлился пуще прежнего. Взвалил брыкающуюся собственность на плечо и поволок домой.

– А-аа! – проверещала девка и шлепнулась в грязь. Довольно долго оставалась там, неподвижная, без сил. События ночи исчерпали её способность испытывать страх. Поэтому девка не смолчала и, отдышавшись, заорала визгливо-требовательно: – Эй! Хозяин сказывал: утоп охальник, возверни козу. Эй! Ты почему не утоп? Эй! Э-эй...

– Потому что болотник! – не оборачиваясь, прорычал вервр. Добежал до лачуги, сгрузил козу и поклонился старухе. – Годная коза? Годная?

– Годная, – подавленно согласилась та, но хотя бы прекратила плакать. – Живуч ты, мил человек. В самое время вернулся... а я только села доить-то, тут и началось... сгинул, говорят. Вор, говорят... Всяко говорят.

– Людишки, – поморщился вервр. Сунулся в сени, сбросил промокшую куртку, на ощупь отыскал дерюгу и замотался в сухое. – Дрова привезли?

– Какое там, – отмахнулась старуха и, щекоча козу под горлом, уговорила добровольно войти в сени. – Ежели ту соплюху послушать, выходит, в постоялом дворе слух гуляет: на тебе вина за учинённый в селе разбой, ты и есть всей шайке тайный заводила.

– Я и есть, – повторил с разгона вервр. Тяжело вздохнул, вдруг ощущая, как остывает гнев, накопленный за ночь, как он булыжником виснет на шее, гнёт к земле. – Я и есть... что за гадкая ночь.

– Умаялся ты. Иди, я сей же миг подою, молочко будет тёпленькое.

Рука старухи, дрожащая, совсем слабая, коснулась щеки и скользнула по шее на плечо, на бок. Вервр дёрнулся, отодвинулся и быстро юркнул из сеней в избу.

Младенец и старик рядышком спали на печи. Девочка дышала тихо, почти что в обычном для людей ритме. Сердце билось слабо, но уверенно. Вервр сполз по печной стенке, откинулся на неё, ощущая под лопатками стыки камней, замазанные глиной, сплошь пропитанные долгим теплом, хранимым в печной душе.

– Я и есть тайный заводила, – ещё раз повторил Ан, но хуже не стало. От печи спине доставалось много тепла, и горечь сказанного растворялась в нем, не смерзалась комками льда за грудиной. – Не сожалею. Мир весь из грязи слеппен.

– Гу, – сонно, едва слышно, выдохнула девочка.

– Сволочи атлы, – без прежней ярости усмехнулся вервр. – Говорить ещё не умеет, от смерти в полушаге, а туда же, спорит. Эй, ты! В любом мире нет пользы учить первым словом глупое «гу». Надо скалиться и рычать, чтобы выжить. Не я такой, мир такой.

– Гу, – тише засопела девочка.

Вервр перекатился на колени, привстал, провёл кончиками пальцев над личиком ребёнка, не касаясь кожи. Убедился: ссохшееся, бессильное создание улыбается, не приняв совет и не пробуя учиться оскалу.

– Бестолочь, – вервр снова сел спиной к печи. Зевнул. – Ну, я им устрою поутру праздник красного петуха. Или дрова мои, или они – пепел. Вот и будет пьяному борову «гу» на всю округу!

Ан облизнулся в предвкушении ярких впечатлений – и заснул мгновенно, не дождавшись тёплого молока.

Утром старухе едва удалось открыть дверь: вплотную к ней перед избой была свалена изрядная гора дров. Не ахти каких, уж всяко не дуб и не берёза, не ровные поленья – так, бросовые отходы. Но разве и на такие кто-то рассчитывал? А когда старуха, получив от слепого несколько монет, отправилась за тканью для детских распашонок, она узнала свежайшую сплетню: хозяину постоянного двора под утро приснился ужасающий пожар. Вроде бы во сне огонь занялся от искры из-под подковы жуткого, бесовского мухортого коня.

Сон был до того страшен и похож на явь, что поутру недостоверно трезвый скряга раздал все долги и, обливаясь слезами испуганного раскаяния, сгоряча замирился с соседями, коих норовил сжить со свету пятый год подряд. Был спешно перенесён на прежнее место забор, и даже за урожай с захваченного огорода возмещено серебром. Чудеса...

Столичные истории. Гости

Полуночный стук в ворота сам по себе не удивил дозорных в «Алом льве». К хэшу Лофру приходят разные люди, и многие таковы, что днём их на улице не увидишь. Одни в каретах сидят, за закрытыми шторами, а другие эти самые кареты стерегут по кустам, – так шутят младшие ученики. Но у языкастых недоумков мало надежд вырасти в старших учеников, куда более молчаливых и осведомлённых.

Ночами при воротах дежурят старшие. Им сумеречные гости понятны уже по манере стука... Но только не в этот раз. То ли царапнули, то ли мазнули костяшками пальцев – робко, с сомнением.

– Назовите себя и своё дело, – хмурясь и продолжая строить догадки о госте за воротами, потребовал безродный Омаса, в шутку именуемый теми самыми языкастыми новичками «сын хэша» за впечатляющие рост и вес. Он и правда ниже Лофра всего-то на ноготь. По ширине плеч и вовсе равен, только болезненно-вспухшего брюха у Омасы нет.

– Да откуда бы вам знать меня, мил человек, – смущённо извинился из-за ворот слабый женский голос. – А дело моё вот, всё на бумаге. Сказано передать в целости, прямо в руки хэшу Лофру, а уж он по доброте своей и решит, что к чему.

Омаса сразу разобрал деревенский выговор, ведь у него у самого был похожий лет пять назад, когда довелось стоять по другую сторону ворот и стучать, не веря, что откроют и выслушают. Ладонь Омасы протёрла затылок, не склонный потеть и зудеть от сомнений. Толстые пальцы вцепились в короткие, курчавые волосы, похожие густотой и сваянностью на медвежий мех.

– А разбудим-ка хэша, – вымолвил Омаса, сразу выбрав решение, какого от него не ждал никто из стоящих рядом. Могучая ладонь отяготила плечо соседа. – Ступай.

– Я? – пискнул, проседая под рукой, младший.

Переспрашивать, получив приказ, тем более в дозоре, тем более ночью – совсем уж плохо. Так что, пока Омаса разворачивался всем телом, сопя от недоумения, младший вывернулся из-под руки и помчался, как лист, влекомый ураганом всё далее от каменного утёса...

Омаса замер, именно как каменный. Он более не шелохнулся, покуда доски скрипом не обозначили пробуждение хэша, и сам Лофр не возник на крыльце, зевая и лениво похлопывая пухлой рукой по ненавистному своему, не желающему худеть, брюху.

Хэш облокотился на перила. Он молчал и ждал.

– Дело к вам. Как видно, особенное, – сообщил Омаса и без усилия подвинул в проушинах запорный брус, который большинство здесь полагало бревном.

– Видно ему, – оживился хэш, шурясь то ли в насмешке, то ли со сна. – Ночь глаз коли, а дубине видно. Умных учу-учу хоть днём всматриваться, а дубине – через дубовую воротину видно.

Продолжая ворчать под нос и часто повторяя про дубину, хэш спустился с крыльца и побрёл к воротам. Дозор притих. Все знали: когда Лофр вот так переваливается и смаргивает, ему изрядно плохо. И такого его поднять с постели, вынудить всунуть опухшие ноги в тапки – уже беда... а вдруг еще и нет ей причины?

Омаса играючи двинул створку ворот, отступил на шаг и поклонился гостям, еще толком не видя их.

Скрипнули колеса, застучали копыта – женщина, вежливо поклонившись в ответ, ввела под уздцы лошадь, впряжённую в лёгкую двуколку. Лофр споткнулся, хмыкнул... и прибавил шаг.

– Червяк, ты выполз из норы? Сам или опять погнажи? По твоей бледной роже моей лучшей дубине и без слов рисуется жалостливый ответ. Но я-то знаю: ты от рождения сизый

поганец, всегда по уши в... гм. Не важно, а вот как при тебе смогла завестись женщина? – Глаза Лофра блеснули ярче. – Живая, а не пером к бумаге пришпиленная. Вылезай, немочь. Помрёшь после, а покуда представь меня.

В двуколке завозились, распахивая ворох шерстяных покрывал и бормоча невнятно, толком не проснувшись. Женщина не обернулась к спутнику, она, чуть наклоня голову, пристально изучала Лофра, вслушивалась в его сиплое дыхание, считала шаги и, кажется, норвила на слух – взвесить...

– Вам лежать надобно, добрый хэш, – неожиданно строго велела гостя, подалась вперёд, взяла Лофра под локоть и принялась разворачивать к парадному крыльцу. – Испарина... так оно понятно было сразу, что испарина. Верно сын говорил, не лечат в столице этой, а только калечат. Ещё говорил, нрав у вас непростой, и лекарей вы гоняете, почём зря. В боку с утра колет или под вечер началось? Здесь или пониже и, может, немеет ещё тут и тут?

– Вот всё это, но со вчерашнего утра, если не учитывать крайние лет десять... А с лекарями... да, всякое случается.

К полнейшему изумлению дозора, хэш не сопротивлялся и брёл к крыльцу. Все указания, какие он дал – это короткий жест руки: мол, сами тут с прочим разбирайтесь, не дети. Хэш щурился, пристально, почти невежливо рассматривая гостью и без зазрения совести наваливаясь на её плечо – чтобы вела и слушала жалобы... А разве прежде хэш имел привычку перечислять свои болячки? Вслух! И даже громко, со вздохами...

– Так вы зовите меня Лофр, а не хэш. Как опыт подсказывает, хэшей лечат вовсе уж плохо. Их и за золото, и за страх, и за уважение – один край, только и делают, что калечат... Но в Тосэне другой обычай, там лечат с душой. Вон червяк Монз бодро ползает. Одно мне странно: двуколка под весом книг не хрустит.

– Он все роздал, без жалости, – сникла женщина. – Я Ула, вы моего сына, пожалуй, помните?

– Вы и есть та лучшая в мире травница. Ага, – Лофр замер, похлопывая себя по брюху. – Ага! Повезло мне. Вот только знать бы, какой такой ценой... и где сам Ул?

– Не ведаю, – всплеснула руками Ула. – Монз указал: спешно ехать сюда и лишнего не думать, а если сделается ему вовсе худо, показать письмо. Спорить было невозможно, видно ведь: он безвозвратно из дома подался.

– Худо... Червь резвее моего ползает, – Лофр отстранился, обернулся и завистливо глянул на гостя, переминающегося у двуколки. – Мне его не жаль, мне себя жаль. А ваш Ул та еще заноза, не пропадёт. Ловкий – аж не глядя выпороть охота.

– Он хороший мальчик, – смутилась Ула. Вновь поддела хэша под локоть и повела далее, по ступенькам в дом. – Тяжело на вдохе или же на выдохе донимает главная боль? Тут или левее? А вот стукну легонько, отдаёт куда?

Лофр, пропавший было в коридоре, снова выглянул в полуприкрытую дверь, тараня её брюхом. Нахмурился, наблюдая обычную, деловую суету. Коня уже распрягли и ведут прочь, тюки и короба отвязывают с задней площадки двуколки, снимают и бережно несут в дом. Прибывшего в двуколке гостя поддерживает под локоть сам Омаса, и весь, дубина здоровенная, исполнен чисто деревенской почтительности.

– Эй, короб с травами, сюда, – позвал хэш и пронаблюдал, как короб о двух ногах – лёгкий, но объёмный, человека и не видать за ним – помчался во весь дух к крыльцу. Хэш высунулся из двери по пояс и взревел: – Кухня! Самих изжарю, если гости ужина сей миг не получат.

Подворье «Алого Льва» затаилось, благоговей, пока хозяйский бас катился и дробился, вызывая эхо... Так и узнали, что гости к хэшу прибыли особенные, а Омаса – вот же дубина с чутьём, по роже и не заподозрить! – опять не сплеховал.

Утром новости подтвердились, даже с избытком. Ни свет ни заря во дворе проявился стук. Заныли, завизжали пилы. А, когда пришло время выходить для утренних занятий, всякий споткнулся, с недоумением обнаружив новое: беседку, низкий стол внутри, подушки по всему полу, на южный манер. Посреди беседки – бодрого Лофра, отоспавшегося впервые с незапамятных времён! В уголке самовар. А при нем гостью, сосредоточенно перебирающую травы перед длинным рядом разноразмерных чайничков.

– Сколько у вас детишек, – по-деревенски простовато улыбнулась гостья.

Странно, но усмехаться в ответ на такую наивность мало у кого из «детишек» получилось. Голос у гостьи был тёплый, спокойный, и смотрела она как-то... хорошо. Даже Лофр при ней выглядел непривычно мирным.

– Лентяи, – тыча пальцем в тех, кто заслужил такую оценку, сообщил Лофр и продолжил: – Олухи крайние, бездари с гонором, людоеды начинающие, мелкое зверье, дубины, лисы ядовитые. Тут всякой твари не сложно подобрать пару. Вот только где детишки? Переростки недорослые.

– И так вас ценят, глянуть радостно, – не меняя тона, продолжила гостья. Проверила уже заваренные травы и наполнила маленькую чашку. – Мой Ул был здесь под хорошим приглядом.

– В синяках ещё до зари, – кивнул Лофр, выпил отвар и поморщился.

– Мальчишка, – отмахнулась Ула. – Он шепутной, рубахи так и горят, до первой стирки иной раз не донашивает... Теперь вот такой отвар, он горьковат, но надо медленно пить, мелкими глоточками.

Лофр послушно выпил. Прокашлялся и тяжёлым взглядом обвёл двор.

– Детишки, – в голосе звучала угроза, – кто вякнет за воротами, что травница хороша, тот вякнет крайний раз в жизни, ага? Мне тут толпа больных не требуется. В ваших интересах быть умными и лечить синяки и вывихи без очереди.

Ула подсунула под большую руку ещё одну чашку с отваром. Лофр выпил, посидел, прикрыв глаза и вслушиваясь в себя. Кивнул.

– Омаса! А постой-ка при двери. Сквозняки, – Лофр неопределённо повёл ладонью, намекая на излишне развитый слух некоторых ловкачей.

Сам хэш без спешки поднялся, постоял, глубоко дыша и жмурясь. Глянул на доверенного слугу, кивнул – и тот убежал исполнять оговорённое заранее: звать ещё одного человека. Гостья засуетилась, расставляя заполненные кипятком чайники на большом подносе. Сунулась было нести его, тяжеленный... но Омаса снова оказался расторопен, опередил даже безмолвный приказ хэша. Подхватил поднос, плавно поднял и уместил на раскрытой ладони. Неловко, сопя и понуря голову, протянул руку гостье, помогая сойти по ступеням: вдруг ноги затекли, пока сидела?

От главного крыльца прошаркал, опираясь на руку доверенного слуги, второй гость. Младшие ученики примчались с кухни, нагруженные выпечкой и изюмом – на заед к большому разговору. Затем все, кроме хэша и гостей, покинули зал для бесед. Омаса пристроился подпирать дверной косяк, готовый от такой поддержки окосеть...

Так в «Алом Льве» узнали ещё одну важную новость: гости хоть и выглядят просто-ватыми, а знают нечто, ценное для сквозняков. Конечно, тайны сейчас слышит Омаса, ему внятно всё до последнего словечка, ведь давно уже проверено: слух у этого медведя – летучим мышам на зависть! Но проще уловить и допросить сквозняки, чем добиться хоть намёка от упрянца. Хуже был только прежний любимчик Лофра, Дорн хэш Боув – беловолосый красноглазый отпрыск покойного канцлера. Тот был – зверь с графским титулом и волчьей злостью... Омаса проще: он безроден и благодушен. Он не обижается, кажется, ни на кого и никогда. А красноглазый граф вскипал до начала разговора и умел известить любого, совершенного

любого – словами, молчанием, дракой или отказом от неё. Кажется, и самого хэша он раздражал...

– Монз, верно я вспомнил вчера? – Лофр начал с прямого вопроса, пока во дворе учились убивать и уклоняться, не отвлекаясь на любопытство.

– Я-то решила, вы в дружбе, и давно, – удивилась Ула.

– Пересекались. Впервые в портовом городе, лет тому... – нахмурился Лофр и махнул рукой. – Он отзывался на другое имя, вроде бы Ан... и что-то там дальше, длинно и южно. Я весил вдвое меньше, вот как это было давно, лапушка Ула. После я слышал о нем много раз от многих людей. Нобы с ярким даром заметны. Упрямые дурни с ослепительным даром – они бельмо на глазу, так заметны, что застыт. Я заказывал списки книг, когда успевал застать его там, где обещали. Знаю доподлинно, был он связан с чем-то тонким, и дело велось с покойным вторым канцлером. Как бы то дело и не укоротило жизнь старшему Боуву, заодно сделав младшего сиротой и зверенышем.

– Лапушка, – передразнил Монз скрипуче, но без раздражения. – Берегись, по молодости он был облеплен женщинами, как мёд – мухами.

– Ага, из вежливости заменил навоз на мёд?

– Я – гость, – вздохнул Монз и покосился на Омасу, тот как раз оглядел двор и заодно, искося, лица собравшихся, чтобы снова отвернуться и замереть. – Он...

– Чтоб пустить сплетню, не надо иметь хороший слух, чтоб промолчать, не надо быть немым, – хэш повёл бровью, принял очередную чашку с отваром и безропотно опустошил. – Лапушка, а вот бы мне избавиться от гадости, какая плавает перед взглядом? Будто мир зачервивел.

– Пройдёт, но нескоро, – тихо пообещала Ула.

– В том же порту и в тот же день я первый раз встретил глаза в глаза багряного беса, – продолжил Монз. – У меня ещё не было в руках целикового листа последней, может статься, из легендарных книг городов, на которые Рэкст вёл охоту. Не ведаю, укоротило ли жизнь канцлера это дело, жаль, если так... Бес весьма примечателен. Жутчайший, я долго просыпался, и грезились мне зелёное и рыжее пламя его взгляда, испепеляющее душу... Он получал удовольствие, играя и запугивая. Но ведь отпустил меня! Не вынудил стать частью свиты в роли раба. Не засунул в самую гнилую из портовых темниц.

– Душа человек, – хмыкнул хэш.

– О, он исключительно нечеловек, – живо возразил Монз. – Люди уничтожают просто так. Он – только по приказу или из здравого смысла. Его поверенные много раз находили меня и давали заказы. Выгодные, без обременений. Это в нем тоже нечеловеческое: никого не забывает. Став его добычей раз, остаёшься добычей до последнего своего дня. Сам он тоже навещал меня, и каждый раз общаться был жутко. Жутко, но интересно.

– Сейчас багряный вне столицы, – покривился Лофр, желая продвинуть разговор. – И я не допускаю лишних упоминаний о нем здесь, причин тому много.

– В день свадьбы друзей Ула меня вызвали к реке, – кивнул Монз. – Он лично сделал мне весьма спорное предложение. Я обдумал, счёл не лишённым смысла, пусть чуждого для людей. Мы заключили сделку. Я получил одно важное обещание. Он – запись, исполненную моей кровью.

– Ага, – выдохнул Лофр, подаваясь вперёд. – То-то гниль Могуро из столицы будто выдавило. Дело рисуется крупноватое. Не ожидал... как тебя угораздило встрять, червь?

– Я знаком со слухами о привычке беса покупать души, – поморщился Монз. – Нет, всё и проще, и сложнее. Я оплатил в его бессмертии короткий отрезок свободы. Цена – остаток моей жизни. Оказывается, люди четвёртого царства, как он называет нас, весьма платёжеспособны.

– Остаток... жизни? – побледнела Ула, вскидывая ладони к горлу, чтобы сразу же бес-толково, бессильно уронить их на стол.

– За каждый день его свободы сколько-то дней или лет моей старости, – кивнул Монз. – В довесок он навсегда избавил меня от боли, суставной и костной. Превосходная сделка. Я расщедрился и ответно подарил ему своё настоящее имя. Теперь придётся вымарать дарёное имя с первой страницы моей книги без переплёта. Вместо Ан Тэмон Зан укажу – Монз... Значит, сменил я родину, всерьёз сменил, коль умру с именем этого берега моря.

– В чем его интерес? – резко уточнил Лофр.

– Он раб и получил от своего хозяина прямой приказ убить Ула, это связано с полной кровью и непонятным мне наследством древних, – выбирая слова, сообщил Монз. – Бес желал иметь время, чтобы совершить с Улом сделку на правах существа, свободного от рабского ошейника. Он не скрывал угрозы для Ула. Но... я верю в мальчика. Кроме того, я показал Улу последний, наверное, во всем мире лист книги городов. Бес числит Ула наследником древних, и вряд ли ошибается. Ещё полагает, что легко заключит сделку на своих условиях. Он умеет морочить головы, а Ул – ребёнок. Я же рассудил: убить можно и чужими руками, и издали. Пусть Ул увидит врага глаза в глаза. Пусть всё, что произойдёт, зависит от него, а не от посторонних... игроков.

– Много ли в тебе жизни осталось, гадёныш раздумчивый? – поморщился Лофр.

– Он особенно настаивал на своей полной свободе на три дня, и эти дни я был вроде как мёртвый... Да и после не сразу очнулся. Ула говорит: вчера с утра даже тело остыло, она напугалась. Но я снова живу и надеюсь увидеть весну, – Монз виновато вздохнул, избегая смотреть на маму того, кого он отправил на встречу с Рэкстом.

– Ты что наворотил, червяк? – выдавил Лофр, навалился на стол и начал подниматься. – Себя заживо хоронишь, пацана сунул в...

– Он сделал, как подсказало сердце, – едва слышно, но твёрдо, выговорила Ула.

Монз и Лофр, оба, недоуменно обмякли и глянули на неё – на мать, от которой ожидали чего угодно, но уж точно не этих слов. Омаса, и тот отвлёкся от наблюдения за двором, покосился на странную женщину. Она сидела очень прямо, казалась окончательно бледной, но спокойной.

– Ул всегда ходил у самого края, вплотную со смертью, аж сердце ныло. Но я... я не вправе запирать его и просить беречься, у него особенный удел. В ночь, когда я нашла сына, я ведь пришла к реке утопиться, – Ула пожала плечами. – Жизнь сгнила на корню. Подруга увела любимого, он состарился, но не позвал по-доброму, даже похоронив вторую жену, а я-то ждала... Сыночек умер, соседи числили меня безумной и остерегались кивнуть через ограду, чтоб я не пристала. Жить было нечем. Не для кого... и тут – он. Мой Ул особенный. Он втискивается в щель меж отчаявшимися – и их смертью. Он отспорил Лию и отогрел Сэна, он вовсе безнадежных поворачивает к жизни. – Ула вздохнула, плотно сжала в кулаки слабые руки, убрала под передник. – Кто может быть безнадежнее беса? Пришло и ему время встретить моего мальчика. Мой Ул жив, сердце не обманешь. Да и вы, уважаемый Монз, не лекарь, чтобы смерть себе предсказывать. Я не чую в вас непоправимого. А угляжу, так мне дела нет до договоров с бесом. Я сама решаю, на кого травы тратить, а кого не замечать.

Ула ещё раз кивнула, встала, поклонилась окаменевшим от недоумения мужчинам и покинула зал. Шла она вроде бы уверенно, но медленно, и ноги норовили споткнуться. Омасе пришлось подхватить Улу под локоть, чтобы она не упала на крыльце...

– Удивительная женщина, – шепотом выдохнул Лофр. Деловито глянул на Монза. – Она тебе – кто?

– Всё у вас, у алых, приступом, в один миг. Кто... – Монз сник. – Было опрометчиво допускать с самого начала отношения признательности. Благодарность хуже камня на шее,

и порой делается слишком тяжела, – посетовал Монз, кутаясь в шерстяной плед.– Я занимался с Улом, я выделил им с мамой комнаты в доме и постепенно...

– Ага, ага! Дурак крайний, – не слушая длинную речь, отмахнулся Лофр.

Он вскинулся, засопел, поправил широченный пояс, утягивающий брюхо. Поддёрнул рукава, будто собираясь бить кого, и резвой рысью проскрипел по доскам, ссыпался с крыльца и умчался через двор, в ворота – и далее, пойдя пойми, куда – в город. Это показалось очень странно даже старшим ученикам: Лофр не такой человек, чтобы бегом бегать, ему стоит шепнуть, и самые недоступные люди явятся на встречу в указанное им время. Опять же, кони у хэша лучшие в городе, а пешком ему тяжело...

Пока ученики перебирали непонятное и делали беспочвенные выводы, забыв о занятиях, Ула обошла площадку стороной, вдоль внешней стены. Травница следила, как ученики вяло, без азарта, украшают друг дружку синяками. Вот поманила одного, второго – и повела в беседку.

– Бельмо-то с малолетства, – поглаживая по щеке рябого здоровяка по кличке Шельма, принялась вещать Ула, и теперь её слушали все, ведь Шельма каждого хоть раз обворовал или обманул. А ещё он никогда и никому не позволял безнаказанно рассматривать шрам на щеке и тем более свой попорченный глаз. – Наколот? Вот так голову поверни... Вижу, что переживаешь, оно и понятно: во втором-то глазу с весны мутнеет?

– Ну дык... – прокашлялся Шельма, известный тем, что двух слов без ругани связать не может, и потому вынужден отмалчиваться: браниться ему строго запретил сам Лофр. – Твою ж чешую, в точку.

– Дело поправимое, но лечиться надо усердно. Мазь для глазика, ещё травки в заварку и на примочки, – бормотала Ула, всматриваясь в здоровый глаз, бесцеремонно ворочая бритую башку Шельмы. – Воровать тебе вредно, деточка. Не лежит у тебя душа к поганому делу, а вот руки тянутся. Беда... ты уж следи за собой, не то душа с горя ослепнет, а такое самой сильной травкой не исправишь.

– Ну дык... прям вилы в кадык, – насторожился Шельма, отодвигаясь от травницы и опасливо изучая приготовленные ему баночку с мазью и тряпицу с травами.

– В роду у него сплошь ворье, до седьмого колена, – поделился кто-то из младших, таясь в общей куче.

Теперь занятия забросили все во дворе. Ученики толпилась, глазели на ошарашенного Шельму, сидящего в обнимку с пучком травы. Рот у бывшего вора без звука открывался и закрывался, и, кто умел читать по губам, тот распознавал весьма заковыристые ругательства...

– Подголоска лечить не стану, в нём душа вялая, с подрезанным корнем, – не оборачиваясь, сообщила травница и нащупала руку второго больного, помолчала, считая пульс. – Подвинься сюда, деточка. Нехороший у тебя кашель. Омаса?

Рослый старший сразу очутился рядом и кивнул, выражая внимание.

– Омаса, посели его отдельно. Заразный, и крепко, – вздохнула травница, прекращая щупать горло больного. – Из синего чайника пусть пьёт, а ты поставь кого внимательного – кипяток подливать. До завра он отлежится, а там гляну, что к чему.

Шельма, успевший за время осмотра второго больного сделать три кривых петли возле беседки, со стоном сунулся к травнице, выгрузил из-за пазухи ложку, малое полотенце. Добыл из кармана горсть меди, ссыпал на доски – и побрёл прочь.

– Хороший мальчик, – безмятежно улыбнулась Ула, глядя вслед.

– Когда спит, к стенке поворачивается... но и тогда не особо, – Омаса поскрёб затылок. – Разве руки скрутить, да в подпол... А ну его! Хэш не гонит, значит, хэшу виднее! У нас двое вчера крепко поранились, позову?

– Зови, – кивнула травница.

Дверца в левой воротине с грохотом впечаталась в стену, пропуская спешащего из города Лофра. В новенькой парадной рубаше, при тяжеленном букете. На лице хэша наблюдалась устрашающая сосредоточенность, с какой людей убивают, и никак не менее.

Лофр прошагал через двор и шваркнул букет об пол беседки.

– Живо заканчивай тереть им сопля, – велел он, взбираясь на подушки и устраиваясь. – Мне, видишь ли, гости не надобны. Обживайся по полной, а для такого женщине требуются всякости вроде мебели и платьев. Омаса, проследи, чтоб после обеда был готов выезд. Из правого крыла, из двух комнат, вон те окна, пусть начисто всё повыкинут. Ула вселится, чтоб с отдельным крыльцом, вы ж иначе через окно лазать повадитесь из-за всякого крайнего синяка.

Травница покосилась на помятый букет, занимающий полбеседки, потупилась и промолчала, то есть – согласилась селиться и ехать в город за покупками. Лофр довольно хмыкнул, принял очередную неизбежную порцию отвара и залпом выпил.

Тёртое, всякое повидавшее население «Алого Льва» впало в оцепенение: как обращаться к госте, если сам хозяин отказался называть её гостьей?

Путь Ула. Ответы без вопросов

Что это значит: добровольно принять чужую тяжкую ошибку и все её последствия? Когда Клог хэш Ул держал руку над картой палача и смотрел на багряного беса Рэкста, ответа не было. Не удалось даже задать себе такой вопрос. Колода карт иерархии с первого взгляда вызывала отвращение. Касаться тонких, чуть светящихся прямоугольников казалось невообразимо противно: ледяные они, в коросте мерзости...

Но Ул сломал себя и взял карту. То был порыв, не спровоцированный хладнокровным расчётом или страхом. В глубине рыже-алых, бешено пульсирующих зрачков беса Рэкста читалось такое... хэш Лофр называл это «краем». Бес изнемогал, раздавленный прошлым, стёртый вместе со своей памятью, окончательно страшный. Бес желал смерти всем, но в первую очередь – именно себе. Бес не нуждался в жалости, сострадании, защите... он был – бес, существо со взглядом и повадкой дикого зверя. Он назвал себя высшим хищником не ради похвальбы...

Почему же душа Ула настойчиво потребовала дать бесу казнь, а с ней и свободу, окончательную и полную после расчёта с прошлым?

«Будь я умён взрослым умом, я бы задал себе вопросы и до сих пор искал ответы, взвешивал цену и учитывал угрозы. Так и говорил драконий вервр Лоэн. Он ведь и сам бес», – подумал Ул.

Ул привёл Рэкста на место преступления и приговорил, то ли как судья, то ли как представитель жертвы. А после... ещё вопрос, кто кого казнил! Рука Ула метнулась к лицу беса, под пальцами лопнуло горячее, боль Рэкста вошла в сознание – как своя и даже острее. Ул настоящему прочувствовал, что значит стать палачом.

Бес очнулся и ушёл, не отомстив за ослепление. А слепой от ужаса содеянного Ул долго лежал, не размыкая век и не слыша ничего, кроме бешеного скака сердца... Он стал несвободен. Его, будто шавку на поводке, потянуло невесть куда, в большую игру загадочной и могучей королевы. Ул втиснулся в прореху мироздания, созданную росчерком тощей осенней молнии. Казнь забрала всё – силы, рассудок, тепло души. Ночь родного мира осталась позади... Ула сдавило, как тряпку, выкручиваемую при отжиме.

В междумирье иссякло всё привычное. Ул, не размыкая век, позволял отжимать себя, высачивать. Кто бы ни затеял эту стирку, авось, он знает, чем следует её завершить. После казни не так и плохо быть... выстиранным. Занятно: как долго его треплют и почему до сих пор не смогли растрепать?

«Я забрал карту палача, но я помню своё имя, – думал Ул. – Я помню, а бес забыл. Это важно. Я по-прежнему Клог хэш Ул, я весь тут, я знаю свою жизнь от ночи, когда мама нашла в реке корзину. Я тогда был мертвее и холоднее девочки, убитой Рэкстом. И все же я ощутил тепло маминой улыбки. И поверил ей, и смог выжить».

Щеку погладил знакомый ветерок. Он и здесь следовал за Улом, шелестел осенним листком, путался в волосах... Чутье подсказывало, что глаза открывать бессмысленно. В междумирье слоится туман. Он весь – обман, он не способен осесть влагой на рубахе и коже, он лишён запахов реки и дождя, росы и грибов, снега и болота... Туман – лишь завеса, он отгораживает от непостижимого, чуждого.

Ул едва заметно улыбнулся. Ветерок нашептал: то, что яростно мнёт тело и душу, не одолеет. Наследнику атлов посильна дорога, пока ему хватит упорства.

Но куда следует двигаться? Ул грустно усмехнулся. Впервые с рождения у него есть цель. Карта палача, пусть и жуткая – не только капкан, но и пропуск в огромный мир, доступный таким, как бес и Лоэн. Иерархия бессмертных – часть этого мира. И главный узел в опасном деле, которое надо разобрать до самой малой мелочи. С чего все началось? Преступление это было или наслоение ошибок? Кто виновен и почему не прекращается причинение вреда мирам

и царствам? С иерархией и её тайнами не стал связываться никто из атлов прошлого. Не мог отправиться или – не пожелал?

Дойти до сути нечеловеческих бед, вторгшихся вместе с бесами в мир людей – это и есть настоящее наследство. А сила, дар – не более чем средство. «К каждому толковому наследству прилагается тайна», – сказал Монз. Как обычно, учитель прав...

Теплом на спине ощущалось внимание: мама часто думает о своём Уле.

Холодом обжигал страх: знала бы мама, что наворотил её самоуверенный сын! Бес Рэкт в древние времена сделал последний свободный выбор вслепую, если помнит верно. По его словам выходит, он не ведал, какую вытянет карту, не понимал, что для любого бессмертного найдутся оковы надлежащей прочности. Но, предлагая выбор Улу, бес не скрыл необратимость его и последствия...

Сознание путалось, мысли и воспоминания крутились стаей шуршащих голосов... «Гадалки хуже татей ночных», – вздыхал лодочник Коно. В детстве со стариком было здорово рыбачить... Он как-то рассказал о весне после большого мора. Ул буквально видел последнюю в деревне костлявую корову, впряжённую в ярмо. Ну, а ляжет скотина – впрягутся люди. Им не по силам? Что с того... Жалуются богатые: в их распоряжении и время, и слушатель. А весной в поле лишь двое ведут бой, пахарь – и голодная смерть...

«Я доберусь, – пообещал себе Ул. – Разберусь. Пахать-то я умею».

Словно осознав бесполезность выжимания страха из души, не содержащей его, туман хрустнул, подался и вышвырнул Ула!

Тело с размаха впечаталась в каменно-твёрдую, полого-волнистую поверхность. По закрытым векам полоснул чудовищный свет... Ул закричал, отдал остатки родного воздуха, попытался вдохнуть здешний, выгнулся в спазме... и потерял сознание.

Скоро ли, нескоро – Ул снова очнулся. Чужой мир сделался посилен. Холодный, жёсткий. Ул осторожно сел, убрал ладонь от лица, приоткрыл глаза.

Во все стороны простирался серый камень с узором неровностей, похожих на речные волны. В каких-то пяти шагах помещался валун, на нем сидел... ворон? Ул зажмурился, поморгал и встряхнулся.

Валун остался на том же месте, хотя перестал казаться таковым. Неподвижный и чёрный... вот отчего он представился камнем! И взгляд – птичий... Острый, немигающий. Кем бы ни был «валун», он произвёл со второго взгляда огромное впечатление. Мощь плеч, тяжёлые пласты мышц... Слишком маленькая голова с волосами, невесть с чего похожими на перья. Крошечные круглые глазки, лишённые выражения.

– Здравствуйте, – Ул низко поклонился, ведь «валун» наверняка был очень и очень взрослый.

– Вторжение, – густой бас поплыл над рябью камня, и вроде бы взволновал её, и погнал звук дальше, дальше...

«Валун» гибко поднялся, перетёк в позу готовности к бою. Он навис над Улом, вдвое или даже более превышая его в росте и, пожалуй, шестеро – в ширине...

– Нет же, я не сюда шёл и у меня... – пискнул Ул, пятась.

«Валун» в одно неуловимое движение оказался рядом. Огромная лопата ладони прицелилась в горло и стала надвигаться в рубящем ударе – ближе, ближе... и медленнее. И ещё медленнее!

Ул шагнул в сторону, метнулся прочь! На пятом прыжке он разобрал рычание, камень под ногами задрожал: «валун» рухнул, вложив слишком много сил в промах.

И снова встал. И развернулся. И надвинулся.

– Вторжение, – бас покотился мощнее, зарокотал штормовым прибоем.

Две огромные руки, тяжёлые от мышц, хлёстко взмахнули – и стали сходитьсь, чтобы рёбрами ладоней срубить шею Ула. Ближе, опаснее – и медленнее... ещё медленнее! Ул отпрыгнул, метнулся прочь. Расслышал хруст почти что вывихнутых плеч врага.

– Вторжение, – третий раз прогудел неуёмный «валун».

Теперь Ул рассмотрел его: голова очень маленькая, волосы длинющие, сплетены в свободную косу и заткнуты сзади несколькими витками за пояс.

Для четвертой атаки «валун» выбрал удар ногой. Снова время остановилось, и Ул использовал заминку, чтобы – как учила книга Монза – ткнуть в несколько точек на темной коже упрямого бойца, свести вместе его безвольно повисшие руки, обмотать запястья волосами непомерно длинной косы.

– Вторжение, – пробасил воин, лёжа на боку и ворочаясь, и норовя даже теперь дотянуться до врага.

Ул ускользал от всякой попытки «валуна» перекатиться и подмять, ощупывал пояс бойца, потрошил замеченный только что плоский кошель. Наконец, Ул выудил единственную вещь, вложенную внутрь – и сел, морщась от отвращения.

Карта. Снова карта... из той же рабской колоды, оставляющей каждому бессмертному ничтожную роль исполнителя. Точно оттуда: рамки у всех карт смутно подобны, они сплошные, тёмные и будто... глубокие? В прямоугольнике этой вот рамки, как в колодце, видны вдали, в сумраке, закрытые ворота.

– Я возьму вашу карту на время разговора, – сообщил Ул и сжал карту в ладони.

Прямоугольник нагрелся, обжёг руку... и сразу захотелось сказать неизбежное – «вторжение».

– Вто-о... – бас связанного воина поперхнулся, сошёл на гудение, иссяк.

Мелкие чёрные глазки, по-птичьи круглые, в складчатых веках без ресниц, сморгнули, сделались осмысленными.

– Вы... кто? – быстро спросил Ул, пока просветление у «валуна» не закончилось.

– Привратник, – раздумчиво выговорил воин. Наморщил лоб. – Карта. Не я. Или карта – и я? Или карта... а меня нет.

– Имя своё помните?

– Тьма. Всюду тьма и... душно. Не могу уйти. Не могу ничего.

– Ну, знаете, как ещё посмотреть! Вы так меня загоняли, что я на год вперёд набегался, – посетовал Ул, на всякий случай отодвигаясь, когда «валун» качнулся и сел, используя силу едва послушных ног при безвольных, парализованных руках. – Позвольте спросить: а вы зачем взяли карту?

– Взял?.. Не брал! Она моя, всегда. Подарок? Судьба? – боец задумался.

– Вот-вот! И вы не брали, и тот бес тоже. Ничего себе загадка! Нет, скорее преступление. Порабощение, совершенное обманом. Да-а... Куда мне дальше-то идти? И что я тут делаю? – не надеясь на ответ, пробормотал Ул. Покосился на связанного. – Сперва я принял вас за ворона на камне. Ну, голова – как птица. Ворон. А на каком языке мы говорим?

– Ворон, – повторил боец и вдруг улыбнулся. – Да. Острое зрение души. И моё возвращается. Ты – маленький атл. Я – Ворон Теней, в двуногом облике имя мне Ург. Помню... сейчас – помню. Помню! Имя крылатого облика не помню. Жаль... Мог бы улететь и обрести свободу. Но даже половина памяти лучше тьмы без края.

Улыбка стала шире. Взгляд изучил Ула с головы до пят.

– Мы говорим на моём родном наречии, – помолчав, добавил Ург. – Так устроены бессмертные любого царства. Входя в мир, мы принимаем его закон и переделываем себя. Я склонен назвать такое поведение вежливостью, а не умением выжить. Ты быстро изменился. Успел до боя. Благодарю, ты остался жив. Смог вернуть мне первое имя.

– А что делать с вашей картой? Мне трудно её удерживать. Рука немеет.

– Положи, – Ург кивком указал место справа, чуть в стороне. Взрыкнул, и по серому полю прокатилась волна, накрыла карту и вплавила в себя. – Уйти не смогу... но так гораздо лучше, маленький атл. У тебя пока нет годных вопросов, слишком всё чужое, я вижу. Хорошо вернуть зрение! Я – Ворон Теней, и я оказался замурован в озеро окаменелого времени... Безвременного камня? Не важно. Вижу: ты встрял в непосильное, наследник. Решение взять чужую карту и чужую ошибку любой назовёт поспешным и неверным. Но таково решение атла. Только тебе посильно сделать его верным... если посильно.

– То вы ничего не знаете, то – всё вам ведомо... – поразился Ул.

– Не трать себя на жалобы. Не жди подсказок. – Ург прикрыл глаза. – Найди ответ о моей карте. Тогда я ещё пригожусь тебе. Пока же встань спиной к моей спине. Оттуда иди, как победитель. Дальше, до конца. Я чую на тебе запах вервра, я прежде знал его, он был могуч. Теперь ослаб душой. Умолчи, что принял его карту, и её до поры не увидят. Нет у них зрения ворона. Скажи: тот вервр пообещал тебе ценность. Сам реши, какую. Скажи: он велел готовиться к испытанию. Не поверят, но передышку получишь. Умей быть внимательным и быстрым, маленький атл. Выбирай сердцем. Иди.

– Благодарю, – ошарашено кивнул Ул.

– Благодарность пуста, – оборвал Ург. – Верни мне свободу, найди ответ: как я оказался здесь с картой, если никогда не выбирал её? Ответ – плата за то, что я проиграл тебе бой. Помни: проиграть было непросто, маленький атл.

– Ну... да, – сглотнув сухим горлом и ощутив мгновенный озноб, Ул протрезвел от глупой гордости за свою победу.

– Ты быстрее времени, но мне не важно время. Прошлое и будущее, такие мелочи... Совсем пустые, – усмехнулся Ург. – Я – Ворон Теней, именно я поставлен ждать и убить тебя, наследник. Все ответы в тебе, ты атл, идущий по тропе запредельной. Осталось подобрать к ответам вопросы, как ключи к сундукам. Иди.

Столичные истории. ...да здравствует бес!

День дал столице много сплетен: о беготне хозяина «Алого Льва» с букетом цветов, о заселении в его дом гости на правах хозяйки. Обсуждали бессчётные покупки: прежде-то поход по лавкам способен был вызвать лишь насмешки хэша. И вот, после суеты, Лофр – сам Лофр, первый на всю столицу наставник боевых искусств – проспал утренние занятия учеников! Проспал – и не расстроился!

Когда хэш всё же вышел во двор, он запрокинул голову и долго созерцал высокое солнце. Он выглядел румяным, бодрым... и окончательно невменяемым. Опустошая чайник за чайником и слушая наставления травницы, Лофр до обеда просидел в новой беседке. Он смотрел поверх голов, хмурился, пропускал мимо ушей отчёты наставников и старших учеников. Затем вызвал двух недорослей с крепким ремесленным прошлым и велел соорудить весы. Зачем? Сперва такой вопрос не возник: хэш всегда знает, что правильно в его собственном доме. И, если он пожелал взвешиваться после обеда, почему бы нет? Даже когда на следующий день он взвесился трижды, и всё это – ещё до полудня... И трижды – от обеда и до отхода ко сну... Всякое бывает.

Новое утро не успело запалить первую солнечную лучину для растопки очага зари, а хэш уже топтался на весах, разбудив Омасу и капризно – это Лофр-то! – донимая расспросами: не подменил ли кто ночью весовые мешки?

Как не счесть подобное поведение странным? Тем более, впервые на памяти учеников ответы Омасы оказались негодны, и на допрос к хэшу побрёл сонный Шельма – неизменный виновник или хотя бы свидетель любых пропаж имущества. Он долго, обиженно отнекивался: не лил воду в песок, не видел, чтоб иные меняли груз, не подстрекал малышню. Чужаков в кольце стен не примечал!

– В хорошее верить – край, как трудно, – наконец, решил Лофр, настороженно изучая три малых мешочка, убранные с платформы, уравнивающей его тушу. – Или я всерьёз худею, или все вы крайние хитрецы. Но я не худею десять лет, а в вас хитрость прибывает непрестанно...

Хэш привычно похлопал себя по брюху, пробормотал нечто маловнятное о делах, какие нипочём не отложить. Снова глянув на крохотный мешочек с песком, отложенный в сторону – свою убыль в весе, уже несомненную – Лофр потребовал выезд и парадную одежду. Побрёл переодеться, кивнув Омасе: мол, доверю выслушать наставления явившейся на шум Улы, чтобы затем упаковать нужное и в городе своевременно подавать настои, капли и по возможности запаривать травы.

Снова всё сложилось вроде бы правильно: память у «дубины» превосходная, исполнительности хватит на троих. Наконец, кто откажет любимцу Лофра, которого знает и уважает даже распоследняя шваль?

Скоро к карете вместе с переодетым Лофром прошаркал Монз, кряхтя и опираясь на новенькую полированную трость. Переписчик выглядел торжественно, даже подвязал гербовую ленту под кружевным воротом: такие дозволяется носить лишь обладателям очень яркого дара, доказанного делами. Лофр, уже сидя в карете, выглянул, щелчком пальцев привлёк внимание Омасы – и указал ему место кучера.

И вот, ни свет ни заря, четвёрка безупречных коней играючи утянула тяжёлую парадную карету – в ворота, дальше по улице, за угол... звук сделался тише, глуше... угас. Пыль осела, суета развеялась. Тут и рухнуло на двор ошарашенное, глухое недоумение.

– Вот же ж гра-бля, – разделяя надвое последнее слово, высказал общий настрой Шельма, азартно расчёсывая бритый затылок. – Чё за чё-о, козыри ох-не-ей...

– Деточка, – вздохнула Ула, вслушиваясь. – Мне бы хоть одно словечко понять.

– Ну ж... Ща ж, – смутился Шельма и... сгинул.

Все ученики знали непостижимую особенность массивного тела Шельмы: растворяться в воздухе хоть темной ночью, хоть средь бела дня. Не помогало самое усердное наблюдение. Да возьми Шельму за руку – и то без толку! Вот он сиднем сидит посреди двора, в носу ковыряет, чешет бок, сонно моргает... и вдруг – пропал! А ты весь внимание, пить не пил хмельного... но остался глупо охать и сомневаться: а всё ли ладно у тебя со зрением? Правда, в минувшие два дня отыскать Шельму удавалось даже младшим ученикам. Надо было всего лишь внимательно изучить пространство шагах в сорока от травницы, – и обязательно там обнаруживался Шельма, занятый каким угодно делом, будь то усердное исполнение урока с оружием на солнцепёке, отлынивание от забот в тени или произвольная для воровской его породы слежка хоть за кем, даже и за приятелем, но непременно украдкой.

Для травницы исчезновение Шельмы было внове, Ула шурилась и охала, смущённо улыбалась, не имея сил решить: ждать «деточку» или идти к дому? Ночь вылиняла, но ещё не стала утром, холодно на дворе по-осеннему, промозгло. Ветерок посвистывает, того и гляди – белых мух зазовёт, чтоб по первому разу высеребрить траву...

– Во!

Ула вздрогнула и всплеснула руками: Шельма снова стоял на прежнем месте. Только теперь у него на плече примостился тощий уродец, похожий на облезлого птенца. Блеклый, помятый, заспанный. Сальные волосы торчат во все стороны, как мокрые перья. Робкая улыбка подпорчена нехваткой переднего зуба.

– Брат говорит, – пропищал кривоплечий, по-цыплячьи вытягивая шею, укутанную в три оборота пухового шарфа, – что в «Алом Льве» дела решает хэш или его доверенный ученик. Омаса отбыл, никто иной не назначен. Хэш был задумчив сверх обычного. При воротах в ночь стоял брат, так что он вроде и козырь... то есть старший. Только хэш не мог его оставить. Брат думает, вы, тётушка, и есть главная. Вы должны знать о таком деле.

– Ты кто же будешь? – улыбнулась Ула.

Она с некоторым недоумением приняла из рук Шельмы вышитую шаль – новую, выбранную в подарок самим Лофром. Накинула, вмиг согрелась и предпочла не думать, как ловкач добыл вещь, с вечера уложенную в сундук, на дно: слишком дорогая, носить такую показалось неловко. В комнате при разборе покупок никого не было, занавески на окне оставались опущены, да и сундук – а не на замке ли он? Похоже, остался не заперт, привычки к сбережению имущества у Улы не водилось с молодости. И прятать нечего, и травники – они живут при открытых дверях, ведь больные находят к ним путь днём и ночью, в хорошую погоду и в дождь.

– Зябко... до чего ты заботливый, деточка.

– Ну дык... – шея Шельмы заметно порозовела.

– Он такой, – пискнул уродец. – Только не все видят. Я зовусь Голос, тётушка. Шельма умыкнул меня у воров. Я до воров жил в доме синего ноба, числился за ученика. Ноб оказался мошенником, влез в долги и оставил в залог меня. Когда он сбежал, за его долг меня – в сывки пегие... простите, это примерно значит: последним в раздаче еды и первым при битье.

– Почему ты не живёшь в «Алом Льве»? – Ула расправила на плечах шаль и двинулась к беседке, как ей украдкой показал Шельма.

– Хэш прогнал, – Голос улыбнулся во весь щербатый рот. – Прав, не сомневайтесь! Шельму дай слабину, он в один день натащит сюда прорву народа и утащит отсюда воз ценностей.

– Твою ж чешую! Нык... хе... н-да...

Шельма яростно глотал большую часть слов, давился ими. Лишние звуки так и булькали глубоко в горле. Но даже там узнавались, как ругательные.

– Он сказал, тётушка, что теперь старается не брать чужого, даже когда оно совсем криво лежит, – перевёл Голос, сморщил нос в недоумении и что-то быстро прошелестел в ухо Шельме. Выслушал тихий, мимолётный ответ. – Шельма сказал, что... а, не важно. Он не то говорит, что

думает. Он заинтересован в травах. Я бы так спросил вместо его слов: травами можно занять руки, чтобы вышло надёжно и с пользой?

– Можно, – кивнула Ула, оперлась на неловко подсунутый локоть Шельмы и поднялась в беседку.

Двое младших уже разжигали самовар, ещё двое, стоило Шельме моргнуть, приволокли с десятков подушек и меховое одеяло, которым укутали ноги Улы.

Шельма безразлично к погоде плюхнулся на холодную землю рядом с беседкой, принялся без слов тыкать пальцем в людей и направлять их по обычным делам, обозначаемым жестами и движениями бровей. Ученики понимали без слов – к немалому удивлению Улы.

Что бы ни вынудило Лофра уехать внезапно и без пояснений, пожалуй, при усердии Шельмы день минует благополучно, – решила травница, готовя настои для больных и здоровых, чайник за чайником. Ула осторожно улыбнулась: самым большим событием дня она сочла двуглавое существо, составленное из онемевшего по приказу Лофра вора – и сидящего на его плече болтливого уродца. Вдвоём они были умнее и спокойнее Шельмы, здоровее и солиднее цыплёнка-Голоса...

Заря румянила небо, ученики разминались, слушали задания на утро и поглядывали в сторону кухни, принюхивались к приманчивым запахам. Куда бы ни уехал Лофр, – рассуждала Ула, успокаиваясь по-настоящему, – наверняка он вернётся скоро, раз не оставил старшего. И всё обойдётся складно.

– Шель, деточка, постуди и приложи к глазу, – велела Ула, осторожно подавая чашку. В обжигающем отваре был утоплен тряпичный узелок, набитый травой. – Горячее в пользу, лишь бы терпеть можно. И моргай почаще.

– Блы... благ-дрю, – с заминкой выговорил Шельма и принял чашку.

Голос так и сидел у него на плече. Кажется, для Шельмы это было удобно и привычно.

– Сколько тебе лет? – задумалась Ула, глядя на кривого недоросля. – Ты почти взрослый, так?

– Никто не сообразил с одного взгляда кроме вас, тётушка. Семнадцать, если мне в ту зиму не всю память отбили и поморозили, – усмехнулся Голос. – Шель умыкнул меня, как только приметил, и было это давно, лет пять назад. Так худо приходилось, я кошмар от яви не различал уже... много раз думал, что умер. Очухавшись, жалел, что не сдох... У Шеля в логове отлежался, и к весне мне полегчало. Тогда я всерьёз понял: даже обмороженным уродам жизнь – в радость. К тому же Шель меня не бросил, пристроил писарем. Постепенно я сделался состоятельный, живу в своей комнате. Раз в неделю мы вдвоём вкусно обедаем. Лофр его отпускает, вроде как в гости.

Ула посмотрела на свои пальцы – слабые, тонкие. Виновато вздохнула.

– Косточки я не умею, – признала она. – Много раз пробовала, а оно не ладится, ни в какую. Тебе бы спину поправить. Не поздно ещё, я вижу.

Голос отмахнулся без огорчения. Рука у него – отметила внимательная к знакам болезни Ула – невесомая, с длинными пальцами в чернильных пятнышках, похожих на старческие родинки. Ногти синюшные, вены пустые, суставы крупноваты и наверняка к непогоде ноют, что почти немисливо в семнадцать-то лет.

– Мой сынок справился бы, – предположила Ула. Прикрыла глаза, думая о своём Уле... где он, здоров ли, ведь ни весточки, ни знака. – Мой Ул – он...

– Во-ро-та-а, – вдруг заверещал Голос.

Ула распахнула глаза. От покоя прохладного утра не осталось и следа! Уродец-Голос лежал на краю настила беседки, нелепо сучил бессильными ногами и всё кричал про ворота, запрокидывая голову и стучаясь затылком о доски.

– Бы-ра! Ща урою ёх... нах!

Шельма рычал жутко и спешил злее злого! Вот он перекатился, взвился в прыжке, и в полете извернулся и развернулся... оскалился зверем, прынул через двор, рыча ещё более невнятно.

Ула вздрогнула. Ей показалось, что мир рушится, и всё происходит так непоправимо и страшно, как бывает только в кошмарном сне. Дышать нет мочи! Тьма застит. Вдали, на улице, крепнет рокот: храп, конский топот, хлёткие удары – кнут?

– С-сук, кол в.. вых в жо-о-оп-о... – Шельма подавился, начал утробно подвывать, не тра-тясь на слова.

Младшие всколыхнулись, кто-то ближний к воротам первым рванулся отпирать, налёг на тяжёлый брус. Другие стали помогать. Вот, охая от натуги, уже четверо отпихивают... Шельма долетел до ворот, впечатался в закрытую створку и перекатился по ней, извернулся, вкладывая силу и толкая соседнюю – отпираемую.

Копыта грохотали уже совсем рядом. Воротина охнула, подалась, подчиняясь натиску снаружи. Шельму отшвырнуло – и в щель ворвался, как огонь при хорошей тяге, алый, яростно-яркий конь.

– Во-ба, бы-ра! – взревел Шельма, перекатился по плиткам и упруго вскочил.

– Запирай! – крикнул Голос.

Люди уже исполняли дело, поняв его без подсказки и перевода. На выдохе, с криком, налегли, одолевая набранную створкой ворот силу движения – стали толкать обратно... Уже четверо, и пятый помогает, шестой... Шельма прыжком оказался у арки ворот и в одно движение вогнал в проушины запорный брус.

Алый скакун тем временем в три прыжка ворвался в центр двора, расчистил себе обширное пространство, танцуя, непрестанно изворачиваясь. Вот он особенно ловко кинул задом – ноги выше головы и пошли винтом, махнули широко... Седок с оханьем улетел... упал далеко, впечатался в плиты двора, сник без движения.

Свободный от людской власти скакун победно завизжал, загарцевал, непрестанно взвиваясь на дыбы и разворачиваясь, чтобы отбиться – будто он в гуще кипучего смертного боя... Конь ржал отчаянно и зло, крутился снова и снова... Но постепенно круги делались меньше: Шельма тоже метался по двору, влившись в бешеный ритм конской паники и умудряясь скользить неуловимо быстро, совершенно плавно. Он постоянно оставался перед оскаленной мордой. Он протягивал раскрытую руку к этой клацающей зубами вспененной морде. Он, не пытаясь поймать повод, лишь приглашал поверить, что вражды нет.

– Ча, ча-а, – Шельма негромко приговаривал, причмокивал, чуть приседал. Он покачивался и кивал, то отступал на полшага, то приближался, чтобы снова отскочить и кружить... – А-а, ча-а... а-ча-а-а... Ща-ча-аа урою всех, вашу – ча-а...

Ула осмотрелась, комкая шаль. Старшие ученики уже покидали оружейную, их было десятка два, все при оголённых саблях. Несколько человек натягивали тетивы на луки. Мелюзга деятельно сновала туда-сюда, убирая со двора всё лишнее и расставляя дощатые заслоны, раздавая пластинчатые щиты.

От главного дома подходили слуги... и только старший конюх – Ула смутно помнила его в лицо – стоял столбом и моргал. Именно его, похоже, и собирался уречь Шельма за столь бестолковое поведение.

– Или знают, что Лофра нет на дворе, или налёт вовсе случайный, – пискнул Голос, поймав взгляд Улы. Подумал и добавил: – У хэша тихо, он умён. Да и бешеный он, как подобает алому. Надо выжить из ума, чтоб открыто враждовать с нобом его опыта и силы крови. Пожалуй, беда внезапная. Абы кто сюда не сунется, тётушка.

За стенами постоянного двора, вдали, копился и катился всё ближе шум, он был обширный, смутный и тревожный. Люди, лошади, сталь... Но Шельма не обращал внимания на новые

беды и продолжал успокаивать скакуна. И все во дворе, как ни странно, смотрели на коня, словно он – чудо и невидаль.

– В конях я понимаю мало, – пискнул Голос, и Ула преисполнилась уважения к рассудительности и хладнокровию приятеля Шельмы, – а только как бы не оказался в нашем дворе конь самого графа Рэкста. То есть багряного беса, тётушка. Страннее странного дело выворачивается: конь его всегда при нем. Никто не вправе сесть в седло. Какое там! Повод тронешь без приказа, и не жилец ты... Совсем дело непонятное.

Алый скакун резко встал, всхрапнул... раздумчиво нагнул голову и рассмотрел Шельму, сидящего перед ним на четвереньках. Напоследок конь клацнул зубами, для порядка. И вздохнул спокойно, переступая и поводя боками.

– Мать вашу нах.. ды-ык, чтоб меня-а, – восторженно вывел Шельма, протянул руку и осторожно коснулся вспененных конских губ. – Пэм. Алый Пэм! Алый Пэм. Алый... Алый... Ча-а... Пэм. Ча-а...

Шельма повторял эти слова снова и снова, шёпотом и нараспев, как заклинание. Он пьяно, широко улыбался и припадал к копытам, трогал их дрожащими от возбуждения пальцами. Он прослезился от избытка чувств!

– Да, конь беса, – перевёл происходящее Голос. – Мечта хэша. И Шеля – тоже... он жаждал умыкнуть Пэма с того дня, как увидел впервые.

Ула сбросила с ног меховое одеяло и быстро прошла к лежащему без движения седоку яростного коня. Краем глаза она отметила: Шельма уже щупает уздечку и гладит конскую шею, тёмную от пота. Пэм более не скалится, а всего-то доверчиво, устало упирается в крепкое человеческое плечо...

Скинутый седок оказался совсем молодым. Он, судя по первому осмотру, не пострадал, при падении потерял сознание даже не от удара – от усталости, а сверх того от страха, который наконец нагнал и одолел бедолагу... Лицо землистое, под глазами тёмные круги. Рубаха насквозь мокрая, мышцы дрожат в спазме, не унимаются – не иначе, мчаться вскачь пришлось долго, без отдыха.

Ула приготовила неразбавленные капли, влила из малого напёрстка в рот беспмятному. Набрызгала крепкой, остро пахнущей настойки на платок и велела присевшему рядом младшему ученику держать у ноздрей больного. Приказала ещё кому-то, не глядя, готовить кровать: кости целы, пострадавшего можно без опаски поднять и унести. И обязательно следует менять холодные примочки на лбу, и ещё...

В запертые ворота вломилось нечто чудовищно тяжёлое! Прочные створки загудели, вроде бы даже прогнулись... Выдержали.

Стало тихо. Ула отвернулась от беспмятного парня, встала, выпрямилась – и настороженно глянула на ворота, чуя за ними беду. Неожиданную и очень большую. Прямо-таки огромную... На улице всё стихло. Только кони переступали и всхрапывали, только позвякивала сбруя. И – ни голоса людского, ни звука шагов, ни скрипа повозок. Будто вымер огромный город.

– Открывайте, – приказал бархатный, великолепно красивый мужской голос. Довольно низкий, но ещё не бас. Весьма властный, но ещё не грубый. – Именем беса. В вашем дворе незаконно укрыто моё имущество. Я заберу его, я в своём праве. Верну своё и накажу воров. Вы внутри, ворота заперты. Значит, вы – воры.

Шельма уронил повод из дрогнувшей руки. Он тоже обернулся к воротам. Теперь туда смотрели все. Молча, насторожено, а то и обречённо. Старшие ученики опустили оружие. Младшие более не натягивали тетивы, не брали в руки стрел. Как воевать с бесом, когда он прав, а хэша даже нет дома? За что воевать, если конь чужой, а седок его – вовсе незнакомый человек... может, впрямь вор?

– Именем беса и властью его, – повторил чарующий голос.

Ула вздрогнула, будто прямо теперь очнулась от кошмарного сна. Ведь это – явь! Травница поёжилась, чуя пробирающий сквозь шаль ветерок. Бодрый, зябкий... зато – пробуждающий. Ула огляделась, жестом велела скорее унести бессознательного седока. Какой там вор, – прикинула она, в один взгляд рассмотрев простоватое, деревенское лицо, бедную, но опрятную одежду.

Как ни странно, приказа Улы послушались сразу, охотно. Люди переложили на её плечи ответственность... кто назван старшим, тот и должен решать.

Чуть дрожавшие пальцы перебрали бесполезные травы в бесполезном малом коробе... Ула поправила роскошную шаль, подарок Лофра. Теплее не стало, но беспокойство сгинуло. Рука нащупала тонкий нож для резки корней, сжала.

– Укажите имя беса, коим вы прикрываетесь, – резко пропищал Голос. Вытянул кривую свою шейку, и голова дёрнулась, запрокинулась. – Ваш голос не принадлежит известному нам багряному бесу. Имущество же его, и только его именем может быть востребовано.

– Имя моё Альвир, и отныне это мой город, а пожалуй и так: это мой мир, – отозвался чарующий голос из-за ворот. – Воры, ваше время иссякло.

Шельма дёрнулся вперёд, хмуро, исподлобья, глядя на запертые ворота. Ула как-то сразу поняла: упрямец один из немногих во дворе готов взять на себя бремя ответственности. Он намерен выйти на улицу и назваться вором, снимая угрозу с прочих людей «Алого Льва».

– Стой, без пользы затея, – вымолвила Ула. – Им не вор надобен, им иное важно.

– В-ремя, – запнулся Шельма, мельком оглянулся на Улу и снова шагнул к воротам.

Ула кивнула. Все знают: кто виновен перед бесом напрямую, может быть наказан им без посредничества людских законов. Убить бес не убьёт, по крайней мере сам... но изуродует как угодно тяжело. Или же отдаст ближним, свите.

Кем бы ни был загадочный Альвир – а Ула не слышала прежде такого имени беса – нелюдь сейчас заявил о себе, как о преемнике Рэкста. Значит, он стремится доказать силу, но кому? Лофру, столице, вообще всем людям? Пойди пойми, он – бессмерть! Ясно лишь, что бесу жизненно важно заполучить алого коня. Может, ещё и его седока... Виден в словах беса и затаённый подвох: новоявленный Альвир страшает из-за ворот, торопит. Вот и Шельма сказал: главное – время.

Ула прошла и встала рядом с Шельмой, прихватив его за рубаху. Выдав хоть одного человека, ничего уже не выиграть и никого не остановить. И, как бы то ни было, она не позволит такого.

– Я жду, – прошелестел бес.

– Шель, уж прости, – едва слышно выдохнула Ула, решившись. Она жестом приказала лечь. – Прости... а только быть тебе мёртвым.

Шельма недоуменно сморгнул, но продолжил исполнять указания руки, поправляющей положение его плеч, головы. Тонкий нож рассёк кожу на щеке и лбу почти безболезненно, крови много – вреда мало... и шрама не останется, – пообещала себе Ула. Нащупала по одной шпильки, выбрала из причёски.

Волосы упали на плечи, руки помогли дополнить беспорядок. Ула прошла к беспокойно вздрагивающему алому коню, собралась стегнуть скакуна. Рядом возник рослый ученик Лофра, почти незнакомый в лицо – из старших, определённо – отстранил, сам хлестнул коня и сам же подставился под удар копыт.

Визг, цокот, оханье, звук падения тела... всё это разобрали за воротами. Притихли, вслушиваясь и недоумевая.

– Уби-ли-и, – припоминая родную деревню и себя, лучшую в Тихой Заводи плакальщицу, Ула тонко и пронзительно завела пробную жалобу. – Уби-и-или...

За воротами стало тише, чем это вообще возможно! Двор тоже замер, окаменел весь, до последнего ученика.

Есть лишь одно дело, недопустимое для беса: беспричинное убийство. Если верить слухам, из-за такого поступка сам бес может сгинуть из мира!

– Лю-ди-и, да что ж это-о де-ет-ся, – горло осваивалось с нужным тоном, постепенно позволяя прибавить громкости и расширить границы звучания, вплетая в плач и дрожащий, пугающе-высокий звон, и низкие, утробно-жуткие переливы волчьего воя. – Лю-у-ди... Убили... да мо-ло-до-го ж... да за-зря ж... Ой-беда, горюшко-о, ой, бесовым конём стоп-тали-и, ой по бесовой прихоти-и, лю-у-ди...

За воротами кто-то смущённо кашлянул. Ула прикрыла глаза и повторила жалобу, раскачиваясь и продолжая приводить волосы в подобающий для плакальщицы окончательный беспорядок.

То, что она теперь делала, было прямым обвинением. Громким, внятным не для одного беса, для всего города! За воротами не могли не понять вызова. Не могли пока что и унять крик или сделать так, чтобы его никто не слышал.

В створку постучали тихо, можно сказать – вежливо. Ула заныла на одной невыносимо нудной, тянущей нервы ноте – без слов, без отдыха, сжигая лёгкие... Травница мягко, почти крадучись, приближалась к воротам, заранее выбрав себе место в трёх шагах от створок.

Ула плакала горячо, искренне. Она давно научилась жаловаться в голос... Она через оплаченные слезы выплёскивала то, что не могла избыть иначе – свою боль. Люди в настоящее время верят меньше, чем в заказанное по прихоти. Ты потеряла любимого, растратила молодость? Тебя оболгали и обманули, тебя травили, над тобой издевались... кому это важно? Хоть кричи, хоть умоляй, ничего не изменишь. Люди только посмеются в ответ. Ула знала это – и продавала слезы. Подлинные горячие слезы... Сейчас к боли примешивалась благодарность: Шельма относился к происходящему серьёзно и помогал! Он лежал и даже не дышал, по крайней мере, никто бы не заметил дыхания, нагнувшись к самому лицу вора.

Ула замерла на выбранном месте и настороженно осмотрела ворота. Она теперь перегородивала путь всякому, кто вдруг вздумает войти во двор.

Ула оборвала плач, и над двором, над улицей, нависла тяжёлая тишина... По спине Улы пробежал холодок: плотно пригнанные, тщательно обтёсанные и заполированные до блеска дубовые бревна... шевелились, вздрагивали. На темной поверхности проступал узор древесины, снова пропадал. Ворота дышали, будто норовили ожить!

Травница позволила себе глубокий вздох, не без гордости оценивая как успех эту натянутую, звенящую тишину. Можно не сомневаться: сейчас вымолвить хоть один звук не смеет никто. Даже, наверное, сам бес... У слез есть сила. Жутковатая и печальная – ведь они никого не вернут, даже разорвав душу в клочья.

– Многое вершится именем беса, – нараспев выговорила Ула, вскрывая нарыв тишины. – А только смерть вошла в наш двор непрощенная, неурочная... Седок бесова коня лежит без памяти и выживет ли, не ведаю. Ученик хэша попал под копыта, голова у него разбита, он не дышит. Ваш, говорите, конь? Тогда и вина в смерти ваша.

На улице охнули. По дубовой древесине ещё раз прошла волна искажения – и пропала, снова делая ворота обычными.

– Смерти не было, – бархат голоса не смог спрятать натянутость сомнений, дрожь напряжения. – Не было... я бы заметил кровь на траве.

Новоявленный бес осёкся: определённо, он знал, что на траву натекло предостаточно крови с порезанной щеки Шельмы. И тело на траве неподвижное – это за воротами тоже знали... Отчего есть такая уверенность, Ула не могла объяснить, но сейчас она именно знала – и верила в своё неожиданное знание.

– Всякому бесу надобно поставить имя виновного в смертный список, надо заручиться поддержкой золотого ноба, чтобы законно дать ход приговору, – Ула выждала и заголосила опять, напоминая городу о случившемся: – Убили-и... да безвременно, да безвинно, да...

– Нет! – рявкнул голос, теперь совсем не бархатный, дрожащий.

– Именем беса пустили на двор яростного коня, – с привизгом, высоко и тонко, обвинила Ула, не смущаясь того, что выкрикивает прямую ложь. – Двоих он смял, двоих! Все мы видели, все мы скорби полны.

За спиной Улы бесновался и хрипел алый конь, будто подтверждая обвинение. Он снова метался, не подпуская ни конюхов, ни слуг... И казалось – вот-вот он впрямь кому-то разобьёт голову.

– Н-нет, – голос по ту сторону ворот сошёл в настороженный шёпот.

Каждому ведомо: Рэкст способен одолеть любого. Но приговор на момент казни даже он всегда имел при себе – заполненный. А сейчас по ту сторону ворот вовсе не знаменитый багряный бес, и сила самозванца непонятна. К тому же он, в свою очередь, не ведает имени Шельмы, которого Ула объявила убитым!

– Убили, – тихо, отчаянно выдохнула Ула.

– Не чую, – усомнились по ту сторону ворот.

Травница закрыла глаза, возвращаясь всей израненной душой в худший день жизни, когда хоронила родного сына. Маленького, ему не было и семи... И умер он по весне, и все в Заводе сказали: от болезни. А она – мать и травница – знала дважды надёжно, что сыночек не просто так перестал дышать, что бывшая подруга, забрав любимого, нанесла и худший удар. И, что ещё больнее, для мести душа Улы оказалась не годна, с рождения она такая... Даже лопаясь от боли, не способна вложить силу в проклятие. Ничтожна она в чёрном слове – душа лекаря. Кровоточащая и израненная. Поникшая, как подрезанный колос. Опустевшая, как разрушенное гнездо...

Слезинки сбегали по щеке, и казалось – жадная трава их ловит, тянется, впитывает – и ощущает горечь, способную прожечь камень.

– Невозможно, – прошептали за воротами, но по голосу было понятно, что в худшее уже всерьёз верят.

– Откройте ворота, пусть видят наше горе, – строго велела Ула. – Но войти во двор я не позволю. По воротам идёт черта, для беса неодолимая. Я не приглашу в дом убийцу.

Все в мире знают: бесу никакая черта не помеха, перешагнёт и не поморщится... и всё же по неведомым причинам бессмерть не войдёт в чужой дом, если хозяин заступит дорогу и будет стоять до конца. Правда, надо быть нобом, и сильной крови... лучше всего золотым или белым. И стоять надо за правду!

Ула стояла у ворот, и ей было совершенно безразлично сейчас, кем надо быть, как надлежит стоять и за какую такую правду.

За спиной – дом Лофра. И деточки... его ученики. Начинающие людоеды, дубины, воры... как он звал их? А как бы ни звал, всегда с болью и теплотой. У Лофра душа большая, и вся она кровоточит. Много в той душе боли, иначе не получится отдать себя ученикам, которые порой и оценить дар не в состоянии. Но разве высшие дары подлежат оценке?

Запорный брус скользнул в сторону. Обе воротины стали расходиться. Обозначилась щель. И первым Ула увидела обладателя бархатного голоса. Травница не сомневалась: только он и может так выглядеть. Златовласый, нечеловечески совершенный в каждой чёрточке своей. Рослый, молодой. И поза гордая, и стать...

Огромные изумрудные глаза беса смотрели холодно, хищно. Страх прятался на самом их дне. Страх колыхал траву у ног златовласого, гнал волну внимания вперёд, за незримую черту у ворот, во двор... до самых башмаков Улы.

Волна докатилась, ногам стало холодно, будто стопы пронзили иглы травинок, прорастающих сквозь тело. Пытка длилась и длилась, но Ула терпела, сжав слабые кулаки и не позволяя спине горбиться. Холод поднимался, леденил колени... вгонял когти боли – выше, глубже... уже в позвоночник, в поясницу...

– Я отныне хозяин мира, имя моё Альвир. Я желаю войти и разоблачить твой жалкий обман, – прошелестел бес, и Ула более не сомневалась, что к ней обращается именно бес. – Твоё обвинение, старуха, лишь глупая ложь. Ты никчемная побирушка. Ты никто в этом дворе, ты здесь не хозяйка, сгинь!

– Я сказала: никто не войдёт, – почти без звука выдавили губы.

Ула смотрела в зелёные, как весенний лес, глаза беса. И ощущала, как ещё одна тяжёлая слеза катится по щеке – памятью о сыне, которого не вернуть... обещанием жизни тем детям, которые сейчас за спиной и не должны пострадать.

– Хрипи что угодно, но я войду, глупая старуха, – улыбнулся бес.

Ула смотрела в зелёные глаза, где мёрз в бесконечной ненависти загубленный лес... Она совсем заледенела от холода и боли, но не желала уступить. Она солгала? Да разве хоть в одном мире, самом жутком и несправедливом, назовут ложью слова матери, желающей защитить ни в чем не повинного ребёнка?

Златовласый бес поморщился – и нехотя отвёл взгляд. Ула смогла вздохнуть. Проследила, как бес цепко ощупывает издали всеми доступными себе способами неподвижное тело Шельмы. И – сомневается. И сам, такой могучий, холодеет от страха.

– Я могу войти! – голос казался убедительным, он не мог лгать. – Я бессмертен. Я воистину и несомненно...

Над городом скользнуло нечто мимолётное, и Ула вроде бы ощутила, как ветерок шевельнул её волосы... Бес дрогнул, отступил на шаг, вскинул руку, заслоняясь от промелька тени. Ула ощутила, как понемногу возвращается в пальцы тепло – колючее, болезненное, но живое. Она вздохнула, повела плечами. Холод отпустил позвоночник. Даже ноги снова чувствовались!

Златовласый отступил ещё на шаг, продолжая рассматривать нечто над головой Улы, на арке ворот.

– Да кто ты такая? Да откуда бы здесь... – в голосе отчётливо зазвучал страх. – Это... это невозможно. Невозможно!

Бес отвернулся, не позволяя себе даже покоситься на ворота. Он жестом велел скорее закрыть створки тем, кого Ула лишь теперь и заметила – свите, многим вооружённым людям вне двора, на улице.

– Я не верю в заявленную смерть, но я выше базарных склок с выжившими из ума старухами. Так и быть, пользуйтесь украденным, подлые людишки. Воистину ничто не связывает меня ни с бедами сего дома, ни с людьми его, живыми и мёртвыми, – скороговоркой вещал бес, шагая прочь всё быстрее.

Створки ворот с грохотом сошлись.

Ула ощутила, как из неё вынимают стержень решимости – и сползла на колени. Мягкие, прямо-таки бескостные руки ткнулись о плитки двора, подломились в локтях... В голове шевельнулась мысль: «Отчего привиделась трава? Ведь мнилось она под ногами, и у меня – и у беса... а нет травы! Только каменные плитки. Нет травы, нет и не было!»...

Со спины кто-то бережно подхватил, помог не упасть, не удариться помертвевшим лицом о холодные камни...

Травница упрямо заставила себя задрать голову на дрожащей, ноющей шее. Что за тень? Что напугало беса, могучего и непобедимого?

На арке ворот не было совершенно никого и ничего. Ула оттолкнула учеников, жестом запретила поддерживать себя и тем более уводить, уносить прочь. Она упрямо озиралась и выискивала хоть малую подсказку.

Нашла! Охнула, зажмурилась... снова посмотрела. Очень длинная тень ворот лежала в сумерках окружённого стенами двора, едва намеченная утренним светом. «Мёртвый» Шельма с бледным, залитым кровью лицом, скорчился как раз в тени арки – а дальше, у него

за спиной, тень продолжалась очень и очень странно. Выходило так, будто на воротах сидит огромная птица.

Ула обернулась: нет птицы! Тем более огромной. Да никакой нет! Травница снова осмотрела тень ворот... И ошарашено проследила, как тень птицы расправляет крылья. Волосы тронул ветерок полёта – неспешного, мощного. Загадочный ветерок избрал лишь волосы травницы, не потревожив более ничьи.

Птица взмывала выше, тень её делалась меньше, слабее... А с души падал, уносился во тьму, пропадал навсегда камень давней боли. Ула знала: никогда впредь не выдавить ей и слезинки по погибшему сыну. Никогда... он оплакан и принадлежит прошлому. Он ушёл в невозвратный путь, и его пора отпустить.

Тень птицы сделалась ничтожна, пропала... Ула глубоко, спокойно вздохнула. Осмотрела отвоёванный у беса двор. Вот и Шельма шевельнулся, приоткрыл здоровый глаз, разобрал кивок Улы – можно, ты опять жив, ты вправе двигаться.

Шельма сел, потянулся, тыльной стороной ладони размазал по лицу кровь, не замечая боли. Он рассмеялся, подмигнул травнице – сразу же скорчил отвратнейшую рожу в сторону ворот... Снова тревожно обернулся к Уле. Прыжком вскинулся, вмиг оказался рядом, отёр всех, подхватил Улу на руки. Нахмурился, всматриваясь в лицо и стараясь понять то, что травнице не удавалось внятно выговорить. Язык отнялся... усталость давила, сминала...

– Ворон, – пробовала пояснить Ула. – От детей весточка... один ушёл и не вернётся, а второй-то, мой Ул, жив. Жив!

Травница слабо улыбнулась – и стала сползать во мрак запоздалого страха, накрывающего сознание плотным, долгим обмороком.

Когда Ула очнулась снова, бас Лоффра рокотал, разливался во весь двор. Это было замечательно: расслабленно лежать в беседке, под ворохом одеял. Глядеть в потолок с весёлыми жёлтыми глазами сосновых сучков. Слушать, как дребезжат в переплётах стекла, до дрожи испуганные хозяйским криком.

– Где воры? – ревел Лофр, обнимая конскую шею и счастливо похрюкивая, когда Алый Пэм норовил прикусить ворот его куртки. – Мой конь! Законно мой, вот вам, удавитесь! Мой Пэм, сокровище и гордость... Кто ж мог удумать, что бес получше многих людей дела наладит, когда на край ступит? Мой конь!

Лофр тряс какими-то бумагами, хлопал алого скакуна по шее и приплясывал, а рядом с ним приплясывал Шельма – тот, кто мечтал уворовать Пэма и заполучил его законно, чтобы кланяться копытам и шептать жутчайшие ругательства в точёное, безупречное конское ухо...

– Вам лучше, тётушка? – пропищал рядом Голос. – Вы долго отдохали. Жаль, много упустили, смешной был переполох. Мне разрешено тут жить, а кто Шельму назовёт вором, того сказано удавить. А вы теперь хозяйка, и все дела. А ещё от князя был гонец, и от канцлера тоже. Никто не понимает, что за новый бес и куда делся Рэкст. Никто нового беса не уважает, если травница из деревни заступила ему дорогу и в глаза врала, а он утёрся и утёк.

Голос зачирикал слабым, неловким смехом. Ула улыбнулась в ответ. И махнула рукой, приветствуя неожиданную радость: от ворот через двор, вежливо поклонившись Лофру и не задерживаясь, шагал его прежний любимый ученик – Дорн хэш Боув. Он спешил к Уле, издали звал матушкой, растроганно улыбался – и некоторые икали от удивления, видя у красноглазого ублюдка такое выражение лица.

– Дорн, и ты добрался, деточка, – порадовалась Ула. – Шель, а приготовь короб с травами и заложь повозку. Надо глянуть больного. Сэн жив, я по лицу Дорна это вижу, а ещё вижу – нездоров... лечить надобно, и спешно. Поедешь со мной, научу растирать травы в ступке. Надо ведь с чего-то начать привычку к лекарству.

– Дык же ж, – порадовался Шельма, издали разобрал приказы.

Он даже отвернулся от скакуна, последний раз огладив великолепную шею – неужели травы ему важнее бесценного Пэма?

Ула осмотрела двор хэша Лофра... весь он казался иным, чем вчера. Совсем иным. Потому что сегодня он был – дом, родной отныне и надолго... навсегда?

Солгать можно бесу, но никак не детям, однажды вставшим к тебе за спину в поисках защиты и помощи.

Глава 2

В которой рассказывается о событиях зимы 3211 года

Путь беса. Никакого великодушия

На соломенной крыше лежал вервр, уже привыкший называть себя дарёным именем Ан. Вервр вдыхал запахи хлева, дыма, городской гнили, снежной свежести – и блаженно шурился.

Город Эйне, столица княжества Мийро... Люди бы сказали, возвращаясь после отлучки: сколько лет, сколько зим. Людям удобно мерить время малыми отрезками сезонов. А он помнит Эйне от самого рождения – не своего, а этого вот города. Он выбрал место под личный особняк, и тогда никто из свиты не мог понять, почему бес селится в стороне от прочих, в глуши... Люди не смотрят далеко вперёд. Людям не просчитать заранее и без ошибки, где спустя несколько веков вырастет самое богатое предместье и как оно станет сплошным парком с редкими шпилями дворцов.

Вервр усмехнулся воспоминаниям – без горечи... Да, тогда он основательно устраивался в мире, покинутом атлами, которые невесть с чего избрали смерть и влились в здешний род людской, хотя обладали бессмертием. Рэкст привыкал жить в неудобном для себя четвёртом царстве, где убивать разумных и одушевлённых можно лишь с разрешения других таких же разумных и одушевлённых... Хотя ограничение оказалось столь же фальшивым, как понятия разумности и одушевлённости. Люди охотно отдавали бесу все, что он желал взять.

И вот – он вернулся в город без громкого имени, без золота и славы. Слепой, и люди вокруг тоже будто ослепли, не узнают и не замечают бывшего своего хозяина. Он постепенно привык, лишь изредка поминает ядовитым шёпотом врага Клога. Он не стремился в Эйне, но душа... душа ныла, помня незавершённое.

Более года бес не навевался в город, где прежде каждая собака испуганно скулила, если шёпотом упоминали Рэкста. Теперь и не шепчутся, вроде. Людишки стали похожи на давно непуганую дичь, гордую своей лихостью, куда не хрустнет случайная ветка – вмиг напомнив поступь мягкой тяжёлой лапы... И тогда липкий страх проявится, он ведь у дичи внутри, вроде костяка. Он и делает дичь – добычей.

– Людишки, – промурлыкал вервр, ошупал мешок и добыл крольчонка.

Он бы предпочёл поймать дикого, но – город... Приходится брать из клетки.

– Людишки, – снова шепнул вервр, уже с отчётливым презрением. Приладился и перекусил добыче позвоночник.

Ан пил кровь, ощущал последние судороги тельца – и хмурился. Люди так жалки и нелепы... До отвращения. Они дарят кроликов детям, украшают чашки слащавыми рисунками с ушастыми мордашками и заходятся праведной истерикой, стоит у них на глазах вот так вот – поужинать свежатиной. А сами-то? Чуть не заживо сдирают шкуру с подросших кролей. Забивают зверьков небрежно, не с первого удара, и жрут пережаренную мертвечину. Вдохновенно рассуждают о вкусе и мастерстве повара, в то же время коркой хлеба подчищая подливу с миски – на дне которой намалёван всё тот же пушистый милаха-крольчонок...

Облизнувшись, вервр сел и вслушался в звуки ночи. Напрягся, прыжком взвился – и, разворачиваясь в движении, сразу метнулся к тому сараю, где оставил в тепле и безопасности свою обузу.

В два с половиной года (хотя пойдя учти возраст в случае Аны!) детям подобает спать всю ночь. Уж всяко им не открыть надёжно подпёртую снаружи дверь, им не выбраться в ничтожное по размеру слуховое оконце, им...

– Зар-раза, – прорычал вервр, не пытаясь разобрать, о ком он, о себе или о младенце.

Девочка не спала и не сидела тихо, где ей велено. Девочка топала маленькими ножками по обледенелой загаженной мостовой, падала на попку, хихикала, поднималась и шагала дальше, иногда повторяя своё любимое: «Тя-тя-тя!».

Крошечная девочка, за жизнь которой он отвечал, оказалась одна посреди тёмного воровского пригорода. Того самого, где и столичная стража после полуночи старается лишний раз не шуметь.

Вервр домчался до нужной улицы, резко остановился, зевнул, собирая сведения о месте – и заскользил по низким крышам, крытым где камышом, а где и черепицей. Тень вервра не касалась мостовой, ползла по краю крыш. А внизу, совсем рядом с тенью, вышагивала, сопя и смачно сморкаясь, чудовищная бабища. В своей косматой шубе нараспашку она казалась похожей на медведицу. Рослая, с тяжёлыми мужскими плечами и поступью ломовой лошади – вон, окна вздрагивают... Вервр принюхался и усмехнулся: он прежде не раз прибегал к помощи этой особы в ночных делах специфического свойства. Знал её в лицо и по запаху, а не только по прозвищу, которым и в лачугах, и в богатейших дворцах пугали капризных детишек: «Не плачь, а то Белоручка услышит, умыкнёт! И не увидишь маму и папу больше никогда!».

Белоручка, первая на всю тёмную сторону столицы в добыче живого товара для любых нужд, икнула и, запинаясь, помянула старого беса. Затем она... остановилась. Редкостное зрелище! Ну, сами посудите: пёрло по родной улице чудище, пёрло так, что крепостную стену бы прошибло, не заметив... и вдруг затопталось в тупом недоумении. А дальше – хуже: Белоручка улыбнулась щербатой пастью, всплеснула крупными руками, всегда красными, припухшими и упрятыми в кружевные перчатки.

– Да где-ж-ты-ж её-ж мать в корень? – басом проревела Белоручка.

Лёгкие, едва слышные шажки топотали по ледяной корке мостовой. От таракана было бы больше шума, пожалуй. И он бы наверняка догадался улизнуть в щель, спасаясь от ужасной встречи.

– Уёй-ё-оо, – оживлённо, деловито умилилась Белоручка.

Она была для чутья вервра пятном тьмы посреди полуночного спящего города – вся в мыслях и делах, лишённых намёка на свет... Да ещё косматая шуба, распахнутая на груди, да здоровенный платок, накрученный на то место, где у слабаков сужение – шея.

Детские шаги все так же топотали, не сбиваясь в бег.

Чудовищная бабища – а её и стражники боялись издали – упёрла ручищи в бока, шире расставила ноги, перегородила своей тушей улицу и смачно сплюнула. Кажется, именно от плевка, а не по воле проворных рук подельника, задрожал и сдох последний на всю округу масляный фонарь. Заботами градоправителя столица освещалась весьма ярко, но тёмная сторона – она и есть тёмная. Фонарики тоже люди, тоже хотят жить...

На улицу медленно, как пуховый снег в безветрие, опустилась тишина. Детские шаги более не шуршали: девочка плюхнулась на солому у стены сарая-развалюхи и принялась скрести снег с обледенелого сугроба. Снега оказалось мало, шарик снежка не слепился, и девочка бросила бестолковую игру. Села удобнее и осмотрелась.

– Гу! – широко улыбнулось Белоручке самое наивное во всём мире дитя.

Белоручка прищурилась, заинтересованно хмыкнула. Теперь вервр, считывая настроение, знал: его обуза, по мнению воровки, настолько хорошенькая – хоть теперь с неё картинку рисуй да в постоялом дворе вешай, к чаю, на сладкое... То есть малышка Ана – готовый товар в упаковке, такой можно сбыть в древнейший нобский дом, если он бездетный! Да на таких детей заказы вперёд расписаны невесть на сколько...

– Эгм-эх, – прочистила горло Белоручка.

– Гу! – охотно отозвалась девочка, она ведь вышла погулять, чтобы не было скучно. – Тя-тя-тя-а...

Белоручка недоуменно хмыкнула и снова осмотрела тёмную улицу: ни намёка на нянь и родителей, ни шума поисков дитяти, ни проблесков света вдали...

Девочка улыбнулась шире, сунула ручонку за пазуху и добыла липкий комок. Облизала пальцы, хихикнула – и протянула комок самой страшной для любого ребёнка тёте, как будто такую можно угощать. По-дружески.

– Шельма-ж, – взревела Белоручка, с подозрением оглядывая крыши и заборы, поворачиваясь неожиданно проворно для её веса. – Сучонок, а ну подь! Добью-ж... твои затеи, бесов сыночка?

Ночь проглотила эхо – и не отозвалась, не выдала и намёка на присутствие того, кто, даже выгнанный с обещанием убить при встрече, часто мешал родной матушке пополнять запертый накрепко сарай неродными детьми, без их на то согласия.

– Тя-тя-а! – внятно выговорила девочка, рассмеялась, встала и затопала к Белоручке, держа комок на вытянутой руке.

Белоручка крикнула и плюхнулась на колени. Нагнулась, приняла комок, наконец опознав в нем несколько слипшихся сушёных абрикосов.

– Кусно! – доверительно пообещала девочка.

Она смотрела на косматое чудище, запрокинув голову, и улыбалась. Затем и вовсе, вцепилась в красную руку, обтянутую нелепым, неуместным кружевом. Воздух звенел и шуршал, ночь кружилась и опадала кристалликами снежинок... На кружевную перчатку, на слипшиеся абрикосы, на вспотевшую невесту с чего щеку Белоручки.

– Ты чья-ж, дурёха? – сморгнув, вдруг спросила воровка серьёзно. Сунула за щеку абрикосы, прожевала, проглотила и ещё посидела, морщась и гулко, длинно выдыхая.

Девочка снова порылась в своей шубке, добыла ленту и принялась её вязать бантиком на толстом указательном пальце Белоручки.

– Касиво, – важно сообщала «дурёха», хотя бантик не получился.

– Вот же-ж вилы, – задумалась Белоручка, глядя в глаза девочки и смаргивая в каком-то вялом, коровьем недоумении. Наконец, она вздрогнула и взвыла, очнувшись: – Зуб!

Тощий мужичок выделился из подворотни, из теней, недавно проглотивших свет последнего уличного фонаря. Подручный воровки подбежал споро и замер в исключительном почтении, полуприсев перед хозяйкой.

– Эта-ж... – выдавила Белоручка, шупая дарёную ленту. Стряхнула с плеч шубу и укутала ею ребёнка. – Во зараза! Ты, рожа кривая-ж... Вмёрзни тут, покуда три часа не пробыёт. Во так вот, да-ж.

– И чё? – задумался Зуб, ощупывая засапожный нож.

– И ничё! – взревела Белоручка, оттолкнулась обеими руками от ледяной мостовой, встала и зашагала прочь. – Ну значит... будет три и не заберут её, вот и станет чё...

Белоручка почесала в затылке. Пощупала дарёную ленту и криво усмехнулась, то ли ёжась от холода, то ли недоумеая. Вервр замер на краю крыши ровно в таком же недоумении, до сих пор не решив, стоит ли прыгнуть и вмешаться, ведь угрозы для воспитанницы нет? И что в мире сломалось, если воровка отдаёт шубу, хотя в столице знают: родного сына она выгнала из дома в лютую зиму, да ещё и в тонкой мокрой рубахе – уморить желала, сочтя выродком и мстя, как мстила бы любому в шайке.

Снова потоптавшись и повздыхав, Белоручка побрела далее, оглядывая подворотни и косясь на щели прикрытых дверей сараев. Вервр скользил тенью – следом. До самого угла, пока не скрылся из виду Зуб, замерший с разинутым ртом, всё ещё не способный очухаться от приказа.

Когда вервр прыгнул с крыши, звука не возникло, но чутье у воровки сработало, и она обернулась, заранее рыча в ответ на невнятную угрозу. Белоручке хватило короткого взгляда, чтобы резко захлопнуть пасть. Вервр мгновение подумал и понял причину столбняка. Его не узнали как беса, но без имени и славы Рэкста сейчас он, пожалуй, мог бы кого угодно напугать: босой, в просторной драной рубахе, лохматый, с пустыми запавшими глазницами, в потё-

ках крови от губ по подбородку, по шее, по пальцам и запястьям. Да ещё и заляпанный темным мешок дёргается, шевелится в левой руке...

– Вот же-ж смертушка ходячая, – поразилась Белоручка, усилием воли проглотив ком страха. – Чё надо?

– Ответ. Почему сказала «старый бес»? – прошелестел вервр, облизываясь.

– Так чё, я багряного припомнила, – разговорилась воровка, сообразив, что убивать сразу не будут, а, раз интерес есть, то в торге или время протянется, или найдётся повод вывернуться. – Рэкст-то был с понятием, а ныне два их, беса, и оба – дерьмастые, без хватки и разумения.

– Оба тут, как и чуялось, – усмехнулся вервр и шепнул совсем тихо: – Я думал, всё же поостерегутся.

– Ежели у тебя с ними счёты, без оплаты поспособствую, а то-ж, – сразу решила Белоручка, щурясь от досады, ведь ей казалось важно рассмотреть собеседника, слишком невнятного в ночи.

– Я не склонен лезть в их дела, – зевнул вервр, изучая улицу и убеждаясь: двое крадутся, пробуют зайти со спины. – Но вопрос принципа: Рэкст отписал имущество во временное управление. Оно досталось тем, кому выделено?

– А чё, Лофр мужик железный, – Белоручка движением ладони отменила нападение, подготовленное её людьми. Заговорила быстро и деловито, отбросив мычание и ругань: – Лофр железный, а прочие нобы так-сяк, ржавчина да говно. Свиту старого беса манят золотом да тюрьмой страшат, особняк его пустой стынет, княжьем указом тянется волокита с наследными бумагами. Ну, советник сбоку пыхтит, пользу себе ищет. А новые бесы – тьфу, фальшивка. С Рэкстом по-всякому бывало, а только слово у него одно: что сказал, то уж сказал. Новые ж копошатся, оба чисто – ужаки под вилами. То да, то нет, а всякий раз убыток в оконцовке.

Проведя пять дней в городе, Ан и сам пришел к тем же мыслям. Но его выводы не могли считаться приговором: он наблюдал издали и украдкой, не желая себя обозначить. Так что слова прежней подельницы полагал ценными.

– Кто из бесов меньше вреден? – усмехнулся вервр, обдумав услышанное.

– Бабник погаже в обхождении, мозги засирает, – отозвалась Белоручка, с растущим подозрением изучая собеседника. – Но тухлявый – тот вконец гад. Трясина, а не человек. Хотя разве ж он человек? Опять же, не в козырях он. Лютует. Слух есть: хочет приподняться и второго беса потеснить. Знамо дело, при таком раскладе самое то кровь пустить. И род он вырежет яркий. Под корень вырежет, вот же ж...

– Вы щедры в пояснениях, благодарю, – вервр счел сказанное достаточным для оценки ситуации, поклонился, собрался было сгнуться, но приостановился. – Ваш изгнанный сын всё так же при Лофре?

– А, ну да, – хмыкнула Белоручка. – Важнявый, в старших. Его оттоль не выколупнуть. Бес отписал Лофру коня, того самого Пэма, чё ещё сказать-же-ж?

– Чего ещё, – вздохнул вервр, отвернулся и зашагал к близкому перекрёстку. Следом затопала Белоручка. – Что в мире перевернулось, если вы отдали ребёнку шубу? Хотя это было умно, это вас очень выручило.

– То-то-ж дело ясное, к тебе белобрысая прилеплена, – Белоручка догнала и пристроилась рядом. – А бес же ж его знает, чё... Глаза у ней особенные. Поверишь: глянула и надумала засранца Шельму не удавливать при встрече... во морок! Теперь-то я очухалась.

– Особенности – какие? – не унялся вервр. – Цвет, разрез, выражение. Что в них есть?

– Тепло, – задумчиво выговорила Белоручка. – Такое тепло, аж в пот кидает.

Вервр встал возле своей обузы, и сразу был опознан.

– Ан! Тя-тя-тя-а, – широко улыбнулась девочка, вывернулась из шубы, вцепилась в ногу и поползла по ней вверх, как по дереву. Добралась до шеи, ловко оседлала вервру и намертво вцепилась в левое ухо. Помахала Белоручке. – Па-ка!

Вервр усмехнулся и побрёл прочь от воровки и её людей. Он двигался по улице, не спеша и не мешкая, и в такт шагам обдумывал новости.

Четвёртое царство – особенное. Когда ушли атлы, они оставили нерушимое до возрождения себе подобным ограничение: в гости в их мир могут пройти без провожатого трое бессмертных, по одному от каждого царства. И только те, кто прежде был сюда приглашён. Пусть он предал себя и стал частью иерархии, пусть забыл имя и утратил личность. Но приглашение в силе, оно – вроде надежды на прощение... Так думал даже Рэкст, себя не помня, и так он смог войти в этот мир. Он ведь имел, кажется, тройное право быть гостем, и позже вспомнил Тосэна – одного из пригласивших. Имена двух других не вернулись... Рэкст был гостем от третьего царства, а кто два другие беса—гостя? Это в памяти цело.

Один – горгл, бессмерть первого царства, в иерархии королевы он стал зваться Кукольник. Кто мог пригласить тварь с каменным сердцем? Кем он был прежде, в свободной жизни? И кем стал, если сама Белоручка назвала его трухлявым!

Наконец, последний из гостей – альв, бессмертный второго царства. В иерархии за ним карта отравителя. У альва утонченная красота и холодный, как сама стужа, взгляд, полный ненависти к людям. Альв забыл себя прежнего, но помнит, кто убил всё зелёное в родном мире и тем свёл с ума его – тихого обитателя леса, не склонного общаться с людьми и жить в городах. Кто пригласил альва? Вроде бы – двое. Память плохо отзывается. Но – да, двое. И, кажется, один из них снова Тосэн. Наивный друг так охотно звал в гости... Кажется, и тогда кипело в душе древнего вервру раздражение, как сейчас кипит при мысли о Клоге хэш Уле – слишком дурашливом и беспечном. Тосэн был особенным, он жил без малейшей соринки страха в душе, а ведь страх порой важен для самосохранения и здравого смысла. Хотя... у Тосэна не было ни одного из этих полезных качеств. Потому он и был – лучший друг.

Итак, оба беса, допущенные в мир атлов, обнаглели, едва заподозрив пропажу Рэкста. Вероятно, это событие связали мысленно с боем Лоэна и его дракона в Тосэне. Метки багряного Рэкста действительно поблёкли. Проверив это, оба беса сунулись в ту самую столицу, которую прежде облюбовал багряный. Оба именно здесь желают показать свою окрепшую власть и назваться хозяевами мира! Толковую драку затеять не решаются, но и без того вреда от них... Сколько жизней, сил и золота уже перемолото в жерновах склоки двух бесов? Сколько изуродовано людишек – не по делу, а просто так, мимоходом. И хуже, из пустой и жалкой мстительности слабых.

Бес Рэкст тоже не щадил людишек. Но иначе, используя их рачительно и строго по необходимости. Потому что он полагал этот мир своим. И себя видел подлинным хозяином, а не временщиком.

– Страх потеряли, вылезли на свет, сволота... – прошипел вервр.

Смолк и задумался. Значит, по мнению рабов королевы, Рэкст мёртв? А пожалуй так, раз карта палача не отзывается. Скорее всего, для королевского взгляда этой карты сейчас вроде как и нет... Плохо ли быть для иерархии бессмерти – мёртвым? Он пока не в силе, он не вернул имя и не помнит свой второй облик. Ему требуется время. Его не ищут? А ведь и неплохо.

– Трухлявый травил: он уморил старого беса, – пробасила воровка в спину.

– Мне неинтересно, – зевнул вервр.

– Всех, кого Рэкст особо ценил, трухля уже знает поименно, – добавила воровка. – Есть слух, он подробно выведывал про красноглазого Нода. Яркий ноб, все его знают, а силы в столице еще не набрал. Да, еще люди бают, сам трухлявый травил: Рэкст слюни пускал, умолял сберечь ему жизнь и клялся служить.

– Да ладно усердствовать, – развеселился вервр, даже остановился возле удобной подворотни, не ныряя во мрак. – Сама три года назад что трепала? Мол, Рэкста на спор задавишь и череп вывесишь над очагом. Хотя спьяну обещано, но и так редко кто раззадоривался.

– Чё, донесли? – взревела Белоручка, и было слышно по голосу, как в ней вскипел веселый гнев.

– А как же, – ласково промурлыкал вервр.

– Долго прожили опосля ж? – расхохоталась воровка. Гулко влепила по ближней подвешенной спине, согнутой в натяг, барабаном. – Вот же ж кролики, мать их... Всех порешу. Шкуры до жопы спущу-ж!

– Душевная женщина, – вздохнул вервр, освободил ноющее ухо от детских пальчиков и шагнул в сумрак. – Ана, я удивлён. Я думал, её ничем не пронять. Рэкста, канцлера и Лофра – никого не боится. В ночной слободе ей сам Клоп не страшен. Почему же отдала тебе шубу?

– Гу!

– Содержательно беседуем. Не прикидывайся младенцем, у тебя есть ум, я знаю. Я велел сидеть в сарае, так? Строго велел. Ты поняла меня, но ты обманула меня. Плохо. Вот уйду и не вернусь. Оставлю тебя тётке Белоручке, чтобы пристроила к богатым нобам, тихим и бездетным. Так и сделаю. Прямо теперь.

– Тя-тя-тя-а, – угрожая расплакаться, пропищала Ана.

– Не разговор, – вервр тряхнул головой, спасая ухо из хватки маленьких пальцев. – Я должен завершить свои дела. Ты ведь слышала: тетя-глыба намекнула, что надо бы поспешить. Ты будешь ждать. Где велю, там и сиди. Только там. Безвылазно! И не начинай это своё «тя-тя, кусно-касиво», ты выговариваешь «р», и слова произносишь внятно, если постарайся.

– Да, – пропищала Ана и хихикнула, пробуя укусить многострадальное ухо.

– Да – очень важное слово, его нельзя отменить, – строго указал вервр, шевеля ухом и смиряясь с тем, что оно снова поймано и измято.

– Да!

– Ты обещала.

– Абикос!

– Ненавижу торг. И не глотай «р». Ах, да... ты отдала абрикосы тете-глыбе.

– Тя-тя-гыбе! Кушно!

– Скучно? То есть когда я уйду надолго, то я виноват. Получается, по возвращении я обязан извиниться, ты это имеешь в виду? Ладно, добуду абрикосы в качестве извинений. Но мы точно договорились, ты сидишь в сарае? И никуда, ни-ни?

– Ни-ни.

– Проще вырезать начисто город, чем достичь определённости в договоре с одной мелкой обузой. Проклятый Клог! Чтоб ему так ухо выкрутили.

– Клок.

– Клог. Так зовут моего врага. Придёт время, и я прикончу его. Это будет вкусно, красиво и сладко, как абрикос.

– Абикос!

Вервр разбежался, перемахнул улочку и в три прыжка оказался на крыше сарая, облюбованного для ночёвки. Ана разжала руки и безмятежно упала с шеи – зная, что подхватят и усадят. Или просто не понимая, что такое страх высоты...

– Сидеть здесь! – строго велел вервр.

– Иде! Кушно...

– Не скучно. Ночью дети должны спать, – отчаялся вервр.

– Кушно. Куш-но!

Вервр едва слышно взвыл, обхватил голову руками и обречённо сник. Ана копошилась на сене, покрытом плащом. Норовила разгрести ткань и зарыться с головой. Одновременно она держала вервра за руку. То есть не унималась и спать не собиралась.

– Ан! Кушно! Игать!

– Не играть, а спать! Тихо-тихо... вот так... Баю-баюшки, – сквозь зубы прошелестел вервр, презирая себя и надеясь, что этого о нем никто и никогда не узнает, – баю-баюшки баю... спи малышка а-ю-ю... а я малость потерплю... а после Клога удавлю... прям за шею его гада... прям за шею удавлю...

Несмотря на странность колыбельной, Ана осталась довольна, свернулась клубком, крепко вцепившись в большой палец левой руки вервра. Ещё несколько куплетиков, шипящих усталым, неопасным ядом, и Ана задышала ровно, сонно. Вервр выждал, бережно, в несколько попыток, высвободил палец. Подтянул куртку, брошенную в угол. Укрыл девочку. Обошёл сарай дважды, ощупывая доски и старательно заделывая подозрительные щели: вдруг и в такую вёрткая Ана выскользнет? Наконец, остался доволен проделанной работой. Гибко взвился в прыжке, дотянулся до стропил, вмиг оказался снаружи, на крыше.

– Трухлявый, – облизнулся вервр, распотрошил мешок и добыл второго крольчонка, ещё живого. – Жди. Или лучше не жди, зачем тебе волноваться, каменная тварь? Хотя... когда ты дрожишь, из тебя смешно сыплется песок.

Крольчонок затих. Выпив тёплую кровь, вервр облизнулся и потянулся. Он много раз задавал себе вопрос: откуда у него привычка к свежатине? И почему именно кролики? Ведь он высший хищник, было бы куда солиднее, сытнее и занятнее перегрызть горло лосю или сломать могучую шею зубра. В конце концов, есть ведь и слоны... Но тёмная, неуправляемая жажда требовала снова и снова выслеживать кроликов. По осени это принесло хоть какую-то пользу – он набрал шкурок и сшил Ане шубку. Он был зол тогда и всё ещё зол теперь... он не знает в точности, какого цвета шубка. Он ничего не знает толком, наверняка! Он устал не видеть луну. Выть, не видя – отвратительно и скучно.

– Кушно, – усмехнулся вервр.

Он закинул голову, оскалился, напряг горло – и не отдал ночи ни единого звука. В столице много чутких ушей. Здесь пахнет тем пацаном – нобом Дорном хэш Боувом. Парень живет среди людей, вся его семья – люди... уже много поколений. Но бес, тогда еще граф Рэкст, сразу причислил Дорна к родне вервров и назвал белым тигром. И даже почти вспомнил облик первого в роду Боуов... почти. В городе пахнет и женщиной Дорна – она вервр-лань. Эти двое определенно расслышат вой и разнюхают место. Сами они, может, и не опасны, даже интересно было бы размяться. Но обузу надо защищать.

– Верно сказала Белоручка. Кое-кто хочет себе трофей: шкурку тигренка, – шепнул вервр, прикидывая, где в эти дни он ощущал Дорна и где тот мог бы находиться теперь. – Вряд ли вот прямо убить. Скорее с ним станут разговаривать. Кто? А вот пойду и гляну. Где? А вот уж это яснее ясного!

Вервр протёр ладонями лицо, по мере сил соскреб засохшую и свежую кровь. Отмахнулся от попытки умыться – и причесал пальцами волосы. Довольно длинные, хотя логика давно шепчет: отрежь! Впадёшь в гнев – они вспыхнут багрянцем, и попробуй тогда докажи, что ты не тот самый бес, известный людям, как Рэкст. Останется лишь устранить свидетелей. А если рядом будет Ана? А стоит ли ломать шеи при ней?

– Пустое, – вервр встряхнулся, прогоняя сомнения.

Он заскользил по крышам, беззвучный и вроде бы невесомый. Не скрипнула доска, не прошелестела солома, не хрустнул камыш, не лязгнула черепица... Всё ближе богатые особняки, всё просторнее улицы, всё слышнее звон доспеха городской стражи.

Утихают запахи гнили и ветхости. Здесь нет соломы, нет и камыша. За окнами дорожного стекла спят богатые старухи, пропитанные духом дряхлости. Они устали караулить своих

похотливых, как кошки, младших родственников. А те не спят, и укараулить их уже некому – в покоях пахнет духами, вином, потом... В других домах звенят сабли – алые нобы развлекаются, зазвав гостей своей же ветви дара. И снова пахнет вином и потом, а ещё кровью и азартом.

Вот мелькнул постоялый двор для гостей с достатком – в нос так и полез дух баранины, чеснока и южных приправ. Желанный запах для голодного Лоэна... Врёт ли полудохлая память, утверждая, что вервр-дракон родственник, и даже родной младший брат? И что его при встрече не стоит ни убивать, ни полагать достойным извинений.

Теперь ударил в нос конский пот, острый – рядом большая конюшня, и сегодня были скачки. Еще бы, скоро дальние зимние забеги по льду реки. Сам князь наградит победителя. Год назад первым мог бы стать Алый Пэм, младший из любимых скакунов беса Рэкста. Ему пять лет, и для него это была бы первая скачка, пробная. Некоторые ставят лошадей с трёх лет, но бес не любил портить то, что полагал достойным внимания. Он прекрасно знал и чуял, как растёт сила коня и как он входит в свою настоящую форму... Осмелится ли Лофр выставить Пэма в нынешнем сезоне? Сможет ли подготовить? Кого посадит в седло, ведь Пэм не таков, чтобы подпустить случайного человека.

Вервр резко оборвал бег мыслей, прыгнул на мостовую, метнулся, нырнул в колючий кустарник – и прильнул к высокой стене. Большая часть ограды – узорный чугуун, но парадный въезд оформлен башенками и колоннами.

По ту сторону каменной кладки сонно мёрз парк – исконная вотчина багряного беса. За парком темной глыбой стыл особняк. Ни огонька – ни шелеста живого сердца... Не обманула воровка: пусто в городском доме Рэкста. Между тем, «гербовый дворец графа Гост» в осень казни бес отписал кровному брату Аны, ещё не зная такого совпадения... Он отдавал золото и дворец вовсе не из попытки загладить вину перед выжившим, но лишённым всего мальчишкой. С чего бы винить себя – не убив? Вервр перед казнью действовал из простой предусмотрительности: мало ли, как всё сложится. У мальчишки нет надёжной родни и нет связей. Отобрать у него имущество можно в любой день... Определённо, не было ни вины, ни жалости! Не могло быть.

– Значит, именем князя, – пробурчал Ан.

Вздыхнув глубоко и полно, вервр замер. Избыток внимания к своему особняку он заметил еще в первый день в столице. Позже дважды проверял цепочки следов и запах мыслей тех, кто бродил у ограды, и оба раза опознавал людишек из своей прежней свиты. Так что ждал – не просто так, не наугад.

Ан стыл, делаясь для взгляда и чутья такого же беса неотличимым от стены. Никто не умеет готовить засады так, как высший хищник. Даже бессмерть первого царства, каменная по своей природе – ничтожна в сравнении. Слишком мало в горглах азарта, рвения... не зря говорят: под лежачий камень вода не течёт. А горглы в значительной мере таковы, их надо ох как растолкать, чтоб они – покатались, но уж тогда дело неизбежно обернётся жутким каменным обвалом. Так, пожалуй, и накрыли всех замыслы разъярённой, отчаявшейся королевы. А может, всё было иначе и строилось на холодном расчёте? Память молчит...

Ночь медленно впитывала одиночные снежинки в свой мрак, впитывала и не светлела. Здесь не настоящий север, лютости у холодов нет, но разница в длине дня зимой и летом заметная. Так что снегу ещё падать и падать, белить и белить слепые потёмки, чтобы высветлить до предрассветной серости.

Вервр отогнал грусть. Хотя... что он сейчас знает о мраке, серости и, тем более, рассвете? Какая ему разница, слепому? С рассветом ничего не переменится, разве людских глаз станет больше... Но это не скоро. Здесь, среди богатых особняков, даже молочники и лакеи не встают затемно. Вдобавок тот, чьи намерения смутно прочлись не так давно, эхом зазвучали возле большой конюшни – он тоже не желает быть замеченным. Наверняка.

Превосходно съезженная пара прикатила двуколку намного раньше, чем вервр ожидал: он ещё ощущал снежинки на щеках и ведал, как изморозь шьёт узор по канве бровей. Из двуколки выбрался тот, кого вервр, в общем-то, не рассчитывал подстеречь прямо теперь: у конюшен он почуял намерение человека, а не этой твари. Значит, засада обещает быть занятой?

Прибывший отпустил двуколку, побродил вдоль стены, расставляя новые ловушки и проверяя старые, настороженные днями и неделями ранее. Наконец, не заметив странностей, новый устроитель засад притих в десяти шагах от вервра.

Изморозь более не щекотала брови. Теплота кожи совсем иссякла, когда чутье зверя опознало крадущиеся шаги на одной из улиц, сходящихся близ особняка.

Двое. Идущего первым вервр опознал мгновенно – мелкий прилипала из свиты графа Рэкста, тот ещё флюгер. При бесе служил кое-как: то на хозяина работал, то норовил его же заложить барону Могуро, то сдавал барона людям советника Хэйда. Иной раз из-за золота, а порой от недержания секретов в слабом, склонном к словесному поносу, организме...

– Всё верно, здесь, – глухим шёпотом сообщил «флюгер» тому, чьи мысли и пронюхал бес ещё у конюшен.

«Флюгер» старался, обрабатывал золото... и он уже был трупом. Вервр ждал, не мешая бывшему своему прихвостню сделать последние шаги. Он не желал согреться прежде времени, делаясь заметным. Он без удивления – а как ещё могло быть, если засаду рядом выстроил горгл, бес первого царства? – проследил, как мостовая щетинится пиками яростного льда. Пики прицельно бьют по жертве – и человечиска, нанизанный на их острия, предсмертно дергается, затихает. Предал всех и вся – и вот, странная гримаса справедливости, оказался сам предан, окончательно.

Приготовитесь засады – бес первого царства, обладатель карты мастера кукол с кличкой Кукольник – медленно, торжественно отделился от стены и потянулся. Он счёл засаду успешной и теперь дал жертве увидеть себя и осознать происходящее.

Вервр готов был мурлыкать от удовольствия. Сказанное воровкой пригодится куда скорее, чем он ожидал... И её выбор худшего из двух «новых» бесов был, пожалуй, верным.

Удивительно, как изменился невзрачный, сгорбленный старик – таким горгл выглядел рядом с Рэкстом, чтобы даже видом своим не претендовать на место вожака.

Сейчас Кукольнику не дать более сорока человеческих лет. Он рослый, иконописно-благообразный, с крупными грустными глазами и крохотными губами, не тонкими и хорошо прорисованными... Так и подобает по большинству иконных канонов миров, где внедрён монотеизм.

«Опять в Спасители готовится, гнилоота», – мысленно вызверился вервр и кое-как унял гнев. Не время. Не место. Сейчас он наблюдает встречу Кукольника с тем, кто пока не кукла и кто игрушкой стать уж точно не пожелает. Не зря для него устроена засада...

Человек рассмотрел засаду, зарычал и обнажил саблю. Для вервра было обжигающе внятно всё – и как вскипела молодая кровь, готова тело к бою, и как, наверняка, полыхнули искрами алости кончики волос. И как человек сдержал себя, буквально скрутил. Справился с яростью и вместо атаки лишь кивнул врагу. Человек старался быть взрослым. Он пришёл, потому что кто-то дал ему задание выслушать врага. Кто-то, кого этот юнец уважает.

– Умный мальчик, – проскрипел Кукольник. Его горло ещё оставалось слишком холодным, кожа при всяком движении звенела льдинками и шуршала каменно, мертво. – Выслушай. Пока ты слушаешь, важные тебе люди дышат. Князь подписал указ. Ты уже почти овдовел, Дорн хэш Боув, граф Нод. Овдоветь для вервра тягостно... звериная тоска. Не знаешь её? И не стремись узнать.

– Ничего он не подписывал, – упрямо отмахнулся Дорн, а это был именно он.

– Глупая вера в людей... Бес Рэкст называл тебя белым тигром, так? Не отвечай, я знаю ответ, я просто поддерживаю беседу, – голос Кукольника оживал и обретал оттенки и интонации. – Нас трое может быть в вашем мире – бесов нижних царств. Рэкст заигрался и сдох,

вполне по заслугам. Мы устали от его звериной тупости. Тебя выманили, чтобы ты принял предложение. Не выслушал, как тебе обещали... а принял. Я не Рэкст, я не даю иллюзию выбора. Займи место багряного. Людям до бесов не дорасти, а ты самое малое наполовину – жалкий человечиска. Но я дам тебе славу и даже отчасти власть багряного беса. Так ты сохранишь жену и обретёшь положение. И не надо давать обещаний. Лишь возьми карту. Любую из этих.

– Я отвык драться ночами, пришёл для разговора, как взрослый... дурак, – пробормотал Дорн, отступая на шаг и озираясь. – Ничуть не полезна моя новая привычка не убивать до того, как заговорят... Что ж, убью теперь, выслушав.

– Человеку не убить горгла, – назидательно сообщил Кукольник. Скрипуче рассмеялся. – Если я кого и опасался, то...

– Меня, – прошелестел Ан.

Сердце завибрировало с чудовищной частотой, мгновенно прогревая тело Ана, почти кипятя кровь. Дорн подпрыгнул от неожиданности и охнул, отступил ещё на шаг и благоразумно выбрал позицию так, чтобы за спиной оказалась стена.

– Это ошибка, тигрёнок. Отойди от стены, – посоветовал вервр. – Имея дело с горглом, не приближайся к тому, что ему послушно. Мостовая, камни кладки, статуи, стены, целиковые дома... а равно вода, лёд, песок, туман обычный и ядовитый...

– Мы непобедимы, – портя весь эффект похвалы, икнул Кукольник, и песок зашуршал по его телу, дрожащему в ознобе большого страха.

Вервр оказался вплотную к врагу.

В один мгновенный шаг выдавил из Кукольника дыхание, притиснул дрожащее тело к стене.

Вмял в грудину когтистую лапу ладони.

Теперь он был хозяином положения – правда, для этого приходилось непрерывно рвать грудину и живот горгла мгновенными ударами, раз за разом разрушая тело, мешая ему восстановиться в полной мере. И устрашая! И нависая над врагом, чтобы тот знал своё место жертвы. Только жертвы, всегда и неизменно – жертвы.

Песок сыпался, каменное крошево брызгало во все стороны. Дорн, часто дыша и не двигаясь, мог видеть то, чего в этом мире давным-давно никто из людей не видел: как из каменных обломков тела мгновенно тянутся, формируются руки, иногда две, а иногда и четыре сразу. Как эти руки обламываются под ударами, рассыпаются песком... Снова растут из тела, из стены за спиной горгла, из мостовой...

Иглы льда копиями дыбят ближние сугробы, срываются в полет – и ломаются под блокирующим ударом ладоней вервра. Некоторые летят издали, и Дорн, окончательно придя в себя, рубит их, приняв неожиданно легко то, что в нынешнем бою он на стороне багряного беса.

Удар! Камни под пальцами мнутся и трещат. Удар – песок сыплется. Удар – лава течёт и сжигает кожу, лёд остро царапает щеку... И можно рычать в голос, наконец-то не пряча себя настоящего – хищника, который жаждет боя превыше сил, потому что слабые враги недостойны его внимания.

Судорожное сопротивление горгла длилось и длилось – а затем сломалось резко, мгновенно. Настала неподвижность. Вервр всё так же давил каменное тело к стене, но противник внутренне исчерпал надежду если не победить, то ускользнуть, испариться...

– Нельзя давать ему сбежать, – посоветовал вервр. – Фиксируй голыми руками, клинок тут не в пользу, клинок для горгла не враг, ему лишь живое непосильно... Кстати, худший враг горгла – бессмерть второго царства, ведь первое жертвует ему, становясь почвой для травы и питьём для плодов. Мы, вервры, вынуждены быть крайне жёсткими и бесконечно быстрыми в бою с горглами. Наша сила – натиск. Наше оружие – умение ценить жизнь и быть победителем. Издали горглы сложные противники, вблизи они не годны для боя! Этот секрет знают

немногие. Горглы на поверку вроде песчаных куличиков, какие лепят дети. По виду прочны, а прихлопни – песок-песком. Хотя есть среди них те, кто умеет вести бой... есть или были? Не помню в точности.

Вервр на миг отстранился, и тело врага потекло, меняясь, чтобы восстановиться с пугающей быстротой. Но вервр взревел, полосую добычу крест-накрест, обеими лапами ладоней. Он отсек едва отросшие каменные руки от плеч и подрубил ноги горгла выше коленей...

– Если ты быстр и силен, всё возможно в ближнем бою с горглом. Но, – назидательно продолжил Ан, игнорируя оханье Дорна и его саблю, нацеленную в спину, довольно близко. – Но бессмерть, даже став песком, не сдохнет.

Вервр отступил на шаг, почти упираясь спиной в острие сабли. Выждал, пока тело Кукольника стечёт на мостовую, скопится в тестопободную массу и снова восстанет – человеком, более рослым и крепким, чем прежде.

– Он в шоке, – промурлыкал вервр. – Иначе восстал бы в наилучшем для боя теле. Тигром, драконом, змеем... Лавой огня или ледяным ежом. Он тем опаснее, чем ближе к смерти. Тем опаснее, чем опытнее. Кукольник способен прикончить целый мир, как ты – комара... Но я-то не комар. Этот мир я назвал своим. Он знал, но посмел забыть.

– Пощади, – прохрипел Кукольник и рухнул на колени.

– Ты видел мои метки? – зарычал вервр. —Ты на моей территории, сколько раз было сказано, на моей! Всюду и всегда, и это – неизменно...

– Пощади, – всхлипнул Кукольник и стал осыпаться песком, как древняя обветренная скала. Скоро от прежней мощи уцелел лишь тощий, дряхлый старикашка...

– Торгуется, – снова разрушая тело врага, скривился вервр. – Всегда так, у горглов холодная голова, они умеют выгадывать время, ещё умеют играть на слабостях.

Дорн отодвинулся и опустил оружие, признавая своё место в схватке – зрителя и даже, кажется, ученика.

– Но... победить можно? – понадеялся он, сделав ещё шаг назад.

– Не оружием. Мы, вервры, уничтожаем врага, как единственные хозяева своей территории. Мы впадаем в ярость, ослепительную по своей яркости. Бессмертие наших врагов плавитя, создавая проплешины в бытии, они не имеют силы осознать, как можно ценить и любить жизнь в её полноте... И это омертвляет их. Мы выдавливаем из них кровь жизни, до капли. Так мы создаём печати боя, они же – надгробия наших врагов.

Вервр закинул голову и излил в ночь голос – в полную силу, со всей накопленной за год яростью ослепшего, с обретённым за тот же год восторгом свободного... Тело горгла трепетало и плавилось, обжигая руку. Лапа ладони врезалась всё глубже в плоть, пока не нащупала камень сердца – чтобы выдрать его и сплющить в пальцах, раскрошить в стеклянное, звонкое ничто осыпающихся осколков...

Эхо рычания угасло, тишина залепила уши восковой пробкой.

Вервр стоял на горячей, сплавленной в стекло, площадке у пролома в ограде парка. Ан знал, что стекло уже твердеет, и застыв, навсегда сохранит контур старческого тела – плоским узором... Ан улыбался. Сейчас, когда Кукольник мёртв, вервр мог признать: пока он оставался Рэкстом, он сомневался в своей способности одолеть такого опытного врага. Тварь на поводке лишена яростного стремления к победе. Хищник на поводке жаждет иного: отгрызть себе лапу, даже умереть, чтобы хоть так – освободиться.

За спиной шевельнулся Дорн, в длинном выдохе стравил напряжение от созерцания чужого боя.

– Это ведь... вы? – голос не предал Дорна. – Но я чую вас иначе. Я шёл сюда и ещё тогда, возле конюшен, учуял вас, но не поверил. Почему вы учите меня? И... спасаете?

– Глупый тигрёнок, верящий даже мне, даже без повода, – промурлыкал вервр, не обращаясь. – У нас с Кукольником давние счёты. Я предупреждал его: не лезь в мой город,

уничтожу. Предупредил: не начинай балаган с самообожествлением, этого никому не прощу... Разве я хотя бы раз не исполнял обещанного?

– Да, за вами не водится нарушений данного слова, – Дорн убрал клинок в ножны и поклонился, как кланялся бы старшему в учебном дворе Лофра. – Не думал, что скажу однажды... Я благодарен вам. Я обязан.

– Твоя женщина носит ребёнка? – вервр принялся и шумно чихнул. – Подумай о смене зверя. Пока ты молод, зверь лишь образ в сознании и тень в ночи. Настоящий приходит много позже. Настоящий так же свободен, как и ты. Он выбирает тебя так же, как ты его... я говорю о верном и трудном пути вервра, а не о том убожестве наследного права, что выдумал Лоэн, умиляясь кротости ланей. Да... я вспомнил. Так мы поссорились. Из-за выбора породы зверя для вервра-подростка. Лоэн твердил, что до четвёртого порядка опыта надо растить травоядных. Я говорил, что свобода – не такая штука, которую можно регулировать, как поводок. Отвечать за себя следует и в тридцать, и в триста. Твоей женщине не обязательно быть ланью, она может меняться. И ты можешь. Тигр и лань – опасное сочетание, ссоры до крови и боль обоим, каждодневно. Не бросайся в крайности. Не меняй зверя из-за интереса к его возможностям или в угоду жене. Ищи того, кому отзовется душа. Обязательно посмотри зверя на свободе. Без сабли и лука.

– Почему вы снова говорите важное и... без условий? – поразился Дорн.

– Я покидаю город, устранив лишь одного врага. Может явиться иной горгл, хотя вряд ли, портал гроз закрыт. Но и без того в мире есть альв, бес второго царства. Добавлю, даже без нас, бесов, в Эйнэ гнили людской выше крыш... Я желал бы оставить город под присмотром вервра, пусть младенца по силе и опыту. Я желал бы, чтобы самонадеянный тигрёнок знал: это моя территория. Я желал бы, чтобы он не рассказывал, что видел меня. Никому, пока мы снова не увидимся, если такое случится.

– И что тогда? – заподозрил Дорн. – Будет испрошена плата за мою жизнь?

– Твоя жизнь стоит так дорого, чтобы я помнил о ней, как о ценности? – прошелестел вервр. – Уходи. Ты отказался от места в свите. Ты оскорбил меня, а ведь я предлагал от души.

– Вы лжёте? – насторожился Дорн. – Шутите?

– Издеваюсь, – поправил вервр. – Скажи Лофру: если мой Пэм не придёт первым, прибью. Скажи князю: Рэкст передал привет. Пусть, подписывая всякую дрянь, помнит мой рассказ о памятнике в городе Корфе. Скажи Дохлятине, что я на него зол. Да, Дохлятине Хэйду, лично. Можешь добавить, что сам ты тоже зол. Он ведь убил тебя сегодняшним поручением. Еще скажи Монзу... тихо, не ставя в известность прочих: я удивлён, что он жив. Но я... рад. И ещё скажи ему: имя удачно прижилось, благодарю.

– Но я уже пообещал вам, что не видел вас!

– Не видел. Но скажи. Ещё навести беса Альвира. Скажи, что я люблю точить когти о дерево. Он по природе альв, то есть бес второго царства. С ним боя не будет, помни. Он мастер ядов. Это тоже помни.

– Я понял, постараюсь всё исполнить наилучшим образом. А что с Улом? – спросил Дорн, передумав уходить.

– Ар-р, – взвился вервр, обернулся и сразу прыгнул в ночь, не желая показывать своё изуродованное лицо. – Клог враг мне, навсегда враг! Выживет там – приговорю здесь!

Столичные истории. Выйти в свет

– Мы можем изрядно экономить на свечах, – съязвила Лионэла вместо приветствия, не оборачиваясь к шагнувшему через порог Дорну и не отвлекаясь от починки платья.

Она, конечно же, готовилась к очередному визиту вежливости. Переделывала одно из трёх своих платьев, чтобы с новым кружевом и лентами оно казалось и само – новым. Чтобы никто не посмел вообразить, будто гордая ноба хэш Донго с осени питается исключительно кашей на воде. Сейчас щепетильность Лии раздражала страшно, поэтому и думалось о ней с полным именем, официальным. Ведь ничто не уязвляет более, чем отчуждение друга. Дорн знал, был зол и непременно съязвил бы в ответ, прицельно и больно... Но – не до того!

В голове пойманной птицей бьётся мысль: а если князь всё же вцепился в нечто ценное для себя и подписал бумагу? А если жены нет дома, а если...

– Чиа! – отчаянно вскрикнул Дорн, втянул воздух и сполз вдоль стены, мысленно проклиная себя за то, что разбудил и растревожил жену. – Ты дома...

– О-о, если вы изволите гневаться вдвоём с Сэном, то света хватит и на бальный зал. Неужели так сложно выслушать неприятного человека и не тратиться на раздражение? Хочешь расшвыривать ценности, брось монету нищему, немногим больше проку, зато куда меньше вреда, – отчитала Лионэла. Лёд так и звенел в её насмешливом голосе. – Сколько можно оставаться ребёнком!

– Достойная Лионэла хэш Донго Тэйт, – прорычал Дорн, перемогая вспышку злости, – проглоти язык, покуда я не отрезал его! Я сыт поучениями. Сыт по горло!

– О-о, выше шеи, в мозг, опять ничто не проникло, – Лионэла встряхнула платье и еще раз придиричливо прощупала кружево по воротнику. – Он назвал тебя тигром, и ты вмиг изошёл на пар, о кипучий граф? Разве это повод кричать на весь дом посреди ночи? Тебе что, требуется сочувствие? Или тебя, уж прости за грубость, пожалеть? Ты здоров, ни царапины, и ты, кажется, даже не дрался? При чём тут я?

«Не дрался» было сказано громко. Дорн расслабился, прикрыл глаза и стал ждать, когда ярость осядет, а призрак оскаленного зверя потускнеет в сознании, уберётся глубже, во тьму неосознанного... В логово белого тигра – так иногда говорила Чиа, и голос её делался тих, и плечи горбились.

Поведение жены вдруг представилось внятно, а затем в памяти прошелестел голос ненавистного до недавних пор багряного беса: «Смени зверя, ты молод и он – лишь тень...». Трудно принимать от врага совет, еще труднее – собственную жизнь, подаренную снисходительно и даже без условий. Мир так и норовит перевернуться, рухнуть, разбиться вдребезги...

Шагов Дорн не услышал – Чиа умела двигаться беззвучно. Дорн воспринял кожей взгляд, как луч весеннего солнца. Чиа умела смотреть так кротко, что любой гнев утихал.

Когда Дорн открыл глаза, в комнате уже было темно – собственные волосы более не рдели яростью и спешкой, а слабый огонёк лампы едва теплился и чадил: кажется, масло снова попало негодное, зато очень дешёвое... Чиа улыбнулась мужу одними глазами – и пропала в сумраке соседней комнаты. Ночь еще густа, и жена, конечно, до неуместного крика спала. Последнее время она много отдыхает. Побледнела... Пожалуй, не все ладно с вынашиванием ребёнка, – вдруг остро резанул страх. Следом уколола догадка: а ведь Лионэла разговаривает намеренно сухо и строго! Для Чиа очевидно, что так отчитывать можно лишь здорового и виноватого друга Дорна. И ей – спокойнее.

– Что он сказал? – нетерпеливо переспросила Лионэла. – Это важно.

Дорн прикрыл глаза, надеясь, что ярость не вспыхнет, и тигр не вернётся. Лионэла порой в обхождении хуже врагов, и общаться с ней не проще, чем с советником Хэйдом... Но в своём

доме, ночью, когда жена отдыхает – можно ли рычать? И как его ещё привести в чувство, чтобы умирал кипение ярости, внятное для Чиа. То есть не был ребёнком.

Стало стыдно. Уже год друг Сэн с женой живёт в так называемом фамильном особняке нобов Боув, полученном очень давно, вместе с графским титулом и потому чаще именуемом «замок Нод». Уже год Лия пытается вести дом – так она это называет... Хотя что тут звать домом? Разве руины, величаво и бесполезно лежащие посреди огромного задичалого парка.

Еще в детстве Дорна последний, кто помнил замок целым – старый конюх – рассказывал, что полвека назад стены рухнули из-за пустых споров с кем-то не менее драчливым, чем сами Боувы... Алая кровь взыграла, и, когда нобы успокоилась, уцелели лишь сарай с имуществом слуг, конюшня и розарий: слуги вне спора дурных нобов, обижать лошадей алые не стали бы, а розы любила жена графа, как можно было огорчить её? Мысль, что руины замка тоже способны расстроить женщину, не проникла в кипящее боем мужнее сознание.

– Кто «он» в твоём понимании? – попытался мирно уточнить Дорн после долгого молчания. Дыхание выровнялось, злость сменилась на виноватость пополам с раздражением. – Как далеко, по вашему мнению, вы с Хэйдом послали меня?

– Тебя ждал второй человек в прежней свите Рэкста, так полагал Хэйд, – отозвалась Лионэла. – Он опытный боец, перерожденец из алых. Итак, я слушаю!

Нехотя, еще не уняв раздражение, Дорн приподнял веки, прекрасно зная – его глаза сейчас малость звериные и даже, пожалуй, светятся... Зато в полумраке всё видно, как днём! Окончательно загнав тигра в логово и утратив его силу, Дорн бы и не заметил: Лионэла пятый раз щупает перешитое платье лишь оттого, что у неё дрожат пальцы. Золотая ветвь дара имеет свои особенности. Взрослея, такие нобы предпочитают не выказывать подлинных чувств. Даже перед близкими. Или не так: особенно пред близкими, которых не стоит попусту волновать. Значит, Лионэла сидит тут, чтобы Чиа мирно спала? Можно было понять сразу. Нужно было!

– К бесам Хэйда. Мне интересно твоё мнение, – проворчал Дорн, как-то сразу примирившись с ночным допросом.

– Кто я столице, чтобы иметь право на мнение, – Лионэла наконец отложила платье и позволила себе виноватую полуулыбку. – Все, что я могла – это выбрать время. Хэйд желал устроить встречу в иную ночь, но я отсмотрела все даты, и только в этой ощутила какую-то... нежданную пользу. Редчайшее стечение обстоятельств. Как пояснить? Я – золото, и хотя не могу учуять удачу или же предвидеть беду, но чую людей и их связи. Столица для меня подобна сложнейшей паутине влияний, где любая случайно затронутая нить создает звон и колеблет иные нити. Уже два дня всё вокруг колеблется и дрожит, хотя никто не трогает нити. Как еще пояснить? Словно нечто могучее не вмешивается, но присутствует и способно повлиять, если того пожелает. Как-то так... Могла бы объяснить точнее, сделала бы это ещё с вечера.

– А не сидела в темноте, исколов все пальцы, – усмехнулся Дорн. – Ладно же, признаю: когда я в гневе, могу обидеть кого угодно и не заметить что угодно. И еще ты права, он здесь два дня. Шкурой я учуял это, стал зол и беспокоен... Сэн спит?

– Пустырник, сон-трава и шишечки хмеля, – едва слышно выговорила Лионэла. – Можешь счесть это подлостью. Но один ты или вы двое, мне казалось, это в нынешнюю ночь не имело значения. Мой Сэн всё ещё болен. И я не намерена оправдываться.

– Да уж, заметно, – Дорн расстегнул пояс и отпихнул саблю в сторону. – Если бы я не был так голоден, я бы не был так зол.

Лионэла молча прошла к столику у дальней стены, на ощупь нашла и сдёрнула вышитую салфетку. Сразу запахло острее – курятиной в пряностях, хлебом, крепкой настойкой на травах. Дорн еще принюхивался и шурился, а поднос на ножках – на таких богатым лентяям подают завтрак в постель – уже был пристроен ему на колени.

– Лия, – промурлыкал Дорн, облизываясь.

– Тебя за кусок мяса купит с потрохами самый гнусный лесной разбойник, – улыгнулась Лионэла, и по голосу было понятно, как ей приятно слышать это своё имя, домашнее. – Кто пришёл на встречу, если ты так пылаешь?

– М-мм, с чесночком! Рэкст вроде бы звал его Кукольником... а, даже с имбирём? – вгрызаясь в курятину, невнятно прочавкал Дорн. – Еще звал горглом. О! Начинка из риса с грибами... Первый раз видел бой бесов. М-мм... сама запекала?

– То есть... погоди, бесы? Не один, а больше... оба? Нет, ты сказал «звал», значит, вот кто колебал нити связей, даже и невидимый. Невозможно. Но ладно же. И второй, – голос Лионэлы стал ровно так спокоен, как это случалось с осени при проявлении крайней степени настроенности. – Кто же? Златовласого ублюдка Альвира я видела днём, он уехал на бал, а после к графам Кайд, в их загородное поместье. За тихоней-праведником, так и не знаю его имени, обещал проследить Хэйд. Клялся, что всё отменит, если тварь в столице.

– М-мм... он был там. М-мм, грибочки, – сопел Дорн, выуживая начинку из куриного брюха. – Он сдох там. Зрелище, скажу я! Да! Ради такого стоило выжить. М-мм, вкусно. А как он рвал его! В крошево, в лоскутки, в прах!

– Погоди, он – его? – вздрогнула Лионэла. – Или что-то не то с грибами, или... Я верно понимаю, что погиб Кукольник, поскольку некто смог порвать его и в порошок? Трудно усомниться, кто этот «некто»! И – невозможно... Дорн! Прекрати мычать и чавкать. Кого же ты видел? Мне нужна определенность.

– Я обещал ему, что не видел его, так что я точно его не видел, слово графа Нод, – Дорн облизал пальцы, с сожалением принялся к обглоданному скелетику. – Отвратительно мелкий курёнок. Я только вошёл во вкус.

– Ты видел *его*? – Лионэла сделала ударение на последнем слове, вздрогнула и замерла. —Определенно, так. Но, если все верно, уцелел ли Ул?

– Слово Боува: я *его* не видел, поэтому я никак не мог спросить, а он бы точно не ответил, что Ул ему враг и что при следующей встрече они то ли подерутся, то ли помирятся, сами пока не знают... но, выходит, Ул жив, – Дорн выговорил всё это залпом и немедленно выпил обжигающе крепкую настойку. Сморгнул, потянулся к толстостенной чашке с тепловатым морсом. – Брусничный! Моя Чиа готовила. Эй, а ты умеешь бледнеть. Прямо как человек. Переживаешь за друга Ула? А убили бы меня, ты бы тоже побледнела или пробурчала брезгливо: «Он так и не вырос».

– Ты... ты везучий негодяй, – Лия забрала поднос и отвернулась, чтобы отнести на дальний столик, а заодно спрятать лицо. – Мне следует всё обдумать.

Дорн сыто потянулся и прижмурился, наблюдая, как Лия ходит из угла в угол, слепотрогает стулья, кивает своим мыслям, вздыхает... спотыкается и наконец-то садится у стола. Хотелось извиниться за свои недавние мысли. Разве на такую умную дурёху можно обижаться? И, увы, разве можно её запросто понять и принять с её странностями? Три шуки золота – всё оставшееся после устройства свадеб и дороги до столицы состояние семьи Донго – Лия истратила или распределила впрок до медяка, безжалостно и хладнокровно. На отопление нищенского сарая графа Нода, на два платья для визитов, на лекарства для Сэна и регулярные закупки свежей зелени для Чиа – та не может без зелени, даже зимой, когда её запросы обходятся ужасно, непомерно дорого.

Наверняка купленный вчера курёнок вне планов. И уж точно он был разделён так же рационально: потроха для больного мужа, кожа и лапы на суп, прочее – рычащему после боя хозяину дома... ведь его и ранить могли!

– Эй, немочь голубых кровей, сама-то ужинала? – тяжело вздохнул Дорн.

– Да.

– Ври Хэйду.

– Да!

– Еще два дня такой сытости, и ты начнёшь светиться насквозь. Пошли к Лофру в гости, а? Там ох как кормят... подумаю, и уже в пот бросает, заранее.

– Почему ты не желаешь знать очевидного? За матушкой Улой приглядывают. За тобой теперь уж точно следят. – Лия покачала головой. – Это столица. Мы не имеем права выживать и подниматься за счёт сложностей, создаваемых тем, кто нам дорог. Мы не имеем права вступать в альянсы, подставляя тех, кто нам дорог. Мы не...

– Я вижу, но я пользуюсь теми, кто мне дорог. И мне не стыдно, а с твоей щепетильностью мы сдохнем.

– Сам ври Хэйду, что пользуешься и что не стыдно, – вскинулась Лия, сразу же зажала рот ладонью и опасно покосилась на тёмный проем двери.

– Чем ты опоила Чию? – Дорн усмехнулся без раздражения и пояснил: – Она спит, не шепчи. Даже не учуяла, что я свечусь от злости. Вскочила на мой крик, но так и не проснулась. Кстати – благодарю. Слышала? И ещё извиняюсь.

– Не знаю состав. Матушка Ула прислала по моей просьбе.

Дорн кивнул и задумался.

– Нельзя к друзьям. Ладно, тогда вот что: я дал слово Боува тому, кого не видел, что устно передам его послания князю, бесу Альвиру, Хэйду и Лофру. И еще кое-кому, но это отдельно, это личное.

– погоди, ты видел его и говоришь о нем спокойно, даже охотно, – нахмурилась Лия. Подвинула лампаду, жестом предложила Дорну место, дождалась, пока тот переберётся к столу, и постаралась рассмотреть выражение его лица. – Дорн, не важно, что ты обещал. Мне надо знать: Рэкст возвращается?

– Рэкста больше... нет, – Дорн осторожно выбрал ответ среди своих предположений и догадок. – Нет и не будет. Долго? Никогда? А, разве важно! Главное в ином: я свободен сменить зверя. Точно. Почти понял, как это сделать. Только на кого? Он бы мог сказать прямо, а не намёком!

– Устно передать... это великолепно, – ядовито улыбнулась Лионэла. – Возьми из денег на еду сколько надо, немедленно найми самую дешёвую карету, лишь бы закрытую, ведь Чию мёрзнет. Пора нам всем плотно позавтракать.

– Неужели? – приятно удивился Дорн. – Бегу!

Утро еще не разурмянилось, когда ветхий возок, влекомый дряхлым меринком, перестал скрипеть полозьями по снегу, едва покрывающему булыжники, и замер. Кучер покашлял, намекая: пора платить.

– Нам точно сюда? – задумался Дорн, ссыпал мелочь в варежку кучера, прыгнул на обледенелую брусчатку и открыл дверцу.

Он подал руку Лионэле, и ноба с видом княгини спустилась из драного возка. Она безмятежно отряхнула соломинку с побитой молью меховой накидки и обвела взглядом тихую площадь, кованые решётки особняков, статуи драгоценного розового мрамора при парадных входах и замерших изваяниями стражей в безмерно дорогих шубах, при позолоченных алебардах... Никакой неловкости Лионэла не испытывала, или не выказывала. А вот Чию – наоборот, так и ёжилась от особенного, душного и гниловатого настроения этого безмерно дорогого места. Вербр-лань скользнула из возка и сразу прильнула к боку мужа, уткнулась в его плечо. Последним на площадь ступил Сэн – кое-как сполз с драных подушек, оперся на саблю, как на палку. Побрёл к ближней кованой ограде, привычно делая вид, что двигаться ему ничуть не трудно.

Княжеский треугольник, или просто Треугольник – площадь, куда выходят фасады легендарно дорогих постоянных дворов, а вернее, дворцов. Ранним утром здесь так тихо, что слышен шорох падающих снежинок. Дзынь-дзынь-дзынь... здесь, по мнению Дорна, и мысли, и сне-

жинки звучат, как монетки. Здесь и лучи солнца – золотые нити. Сюда никогда, совершенно никогда, не приходят пешком. Но всяко лучше пешком, чем при таком-то выезде!

Лионэла прищурилась, поправила прядь волос, выбившуюся из-под просторного капюшона – и бестрепетно направилась вверх по мраморным ступеням. Дворец Трайд был самым помпезным из трёх. Дорн прикрыл глаза, отчаянно недоумевая... и все же смолчал, не желая обесценивать надетое заранее выражение ленивой скуки.

Громадный лакей ожил. Его шуба, намёрзшая коростой льда на плечах, заскрипела, когда великан поклонился и распахнул перед гостьей дверь. Дорн убрал руку с рукояти клинка и по-настоящему расслабился. Золотая кровь – что делать, когда она взиграет, даже алым нобам делается слегка завидно. Сейчас Лионэла приняла важное решение и идёт к цели, и такой ей не надо проламывать стен. Лакеи с поклоном распахнут любые двери, – ей ведь нельзя не открыть прямо теперь. Никто не умеет сплестать альянсы и строить связи так, как золотая ветвь дара. И никто не умеет производить столь сокрушительного впечатления своей исключительной важности.

– Немедленно доставьте адресату, – без выражения велела Лионэла. Обернулась, миновав двери. – Мы пока что намерены позавтракать, вот список блюд. Сервируйте в малом нефритовом каминном зале на... да, на пять персон. Ближе к полудню я уточню число гостей к дневному чаю и укажу, где мы собираемся отобедать. Пригласите распорядителя, мы обсудим блюда. Это, учтите, очень деликатная тема.

Сэн всё стоял у ограды, шурился и сонно, почти бессознательно улыбался. Дорну вдруг пришло в голову: кажется, друг лишь сейчас вдохнул полной грудью зиму и осознал, что пришло её время. На щеках наметился румянец... то ли ему сегодня лучше, то ли от вида Треугольника в алом проснулся азарт.

Вроде бы однажды, еще по молодости, ныне покойный дед Дорна гулял близ Треугольника и заявил насмешнику-богатею из бесцветной знати: «Следует смиренно подарить алому всё, что он не может купить. Иначе дарить станет нечего». И деду подарили. Он ведь был почти трезв и зол до того, что сабля звенела, норовя выпрыгнуть из ножен...

Казалось очень странно шагать в стоптанных сапогах по драгоценному мрамору, укрытому шёлковыми коврами, не имеющими цены. С подмётки облетал лёд, звенел и мелкими кристалликами катился, чтобы таять повсюду и разрушать идеальный порядок дворца, всегда готового к встрече очень важных гостей. Дорн втягивал носом запахи и настроения – и все более внятно понимал: да, он и есть особенный гость. И, войдя в этот дворец, никто из друзей Лионэлы не останется прежним. К добру или худу, но голодная зима закончилась... а с ней иссякла и относительная, фальшивая независимость от дел столицы.

Часом позже Дорн блаженно лежал в кресле, закинув ноги на решётку камина и созерцая слегка дымящиеся подмётки просохших сапог. К ночному чахоточному цыплёнку в животе добавились половина утки и целикомый зеркальный карп.

Друг Сэн взбодрился с двух бокалов горячего вина с мёдом. Он охотно слушал вранье Лии о том, как всё в столице хорошо и просто – и верил, вопреки слуху чести. Сытым чужды подозрения. Чиа счастливо вздыхала над огромной корзиной с зеленью и цветами. Выбирала растения, трогала, принюхивалась, жевала по одной травинке – и тоже выглядела румяной и здоровой впервые с осени.

– Что же можно продать мне настолько дорого? – ещё из галереи спросил советник Хэйд, почти бегом миновал зал и опустился в кресло, остро и жадно глядя на Лионэлу.

– Я не решила, вам ли. Всё это, – Лия небрежно очертила пальцем накрытый стол, – ничуть не извиняет ваш промах. Вы обещали, что проследите за праведником. Но вчера в столице было даже не два... их. И праведник твердил, что смог получить бумаги с именем, – Лия коротко покосилась на Чиа, не замечающую ничего, кроме зелени. – Просто чудо, что мы можем так славно позавтракать впятером.

– А! – Хэйд жестом пригласил лакея и тот явился, заранее готовый услужить, с любимым блюдом советника и кубком горячего вина. – Их... и не два. Было. Достоянная ноба торгуется, как на базаре. Я разочарован.

– Так идите на базар, там раздадут пряники. Почти даром, – ласково предложила Лия.

– Почему здесь? – поморщился Хэйд.

– Вот список тех, кого следует увидеть графу Ноду, чтобы передать то, что он поклялся передать. Устно и лично. Вас я указала первым, вы занятой человек, и весь ваш ценный день вот-вот высвободится, – Лия сладко улыбнулась Хэйду. Обернулась к Дорну и велела: – Скажи то, что надлежит услышать именно ему. И ни словом более.

– Мне надлежит услышать всё, и ещё много слов сверх того, много более, – возразил советник, повторно просмотрев список, где значились князь, новоявленный бес Альвир, Лофр и сам он под своим негласным прозвищем – Дохлятина.

– Вы торгуетесь, как на базаре, – вернула недавний упрёк Лия, чуть шевельнув бровью. – Я разочарована.

Дорн поймал прямой взгляд Лии. Встал, принял горделивую позу, достойную случая.

– Я, Дорн хэш Боув, граф Нод, даю слово в том, что не видел его сегодня ночью, – сказал он то, что, вероятно, предстояло повторить раз сто в течение дня. – Однако же багряный бес Рэкст передаёт вам: он зол. Если дословно... «Скажи Дохлятине, что я на него зол». Это всё.

– Что? Это всё? – смотреть на Хэйда было смешно, он вскипел мгновенно и остыл так же мгновенно, замер с занесённой над взбитыми сливками ложечкой, раздумав шуметь. – Где ваш второй список, вымогательница-хэш-Донго?

– Беса Альвира мы пригласим к полуденному чаю, – Лия добыла из складок платья конверт и положила на стол. – А вы прогуляетесь к особняку графа Рэкста и лично изучите то, о чем вам вот-вот донесут ваши нерасторопные люди. Дорн сказал, оно того стоит.

– Но если пригласить его к чаю, он примет меры и будет знать и то, что за обедом услышит князь, – нахмурился Хэйд. – Стоит поменять порядок лиц в этом списке.

Он вскрыл конверт и быстро пробежал глазами короткий текст. Кивнул и даже не поморщился.

– Хэш Донго, здесь указано: вы поправились настолько, чтобы еженедельно посещать дворец канцлера и нести службу. Всё верно?

Сэн улыбнулся, отвлекаясь от созерцания огня в камине.

– Мне определённo лучше, – негромко выговорил он. – Не могу понять, отчего я так медленно выздоравливаю. Но именно сегодня я понял, что иду на поправку. С вашей стороны было неосмотрительно и расточительно пригласить нас сюда на завтрак. Но Лия сказала, вы настаивали. Признателен за этот семейный праздник.

– Вы весьма интересная пара, так друг друга... дополняете, – скривился Хэйд и сразу убрал с лица кислую мину. – Коня, жалование и прочее, что вам причитается по службе, доставят завтра. Канцлер дважды спрашивал о вас, так что со следующей недели извольте навещать его. И... да, вы с женой теперь обязаны бывать на балах княжеского двора. Если бы его светлость прибыл именно в полдень и именно на чай...

– А разве вы ещё не пригласили его светлость именно на это время? – издевательским тоном уточнил Дорн, чтобы не вынуждать Лию говорить и эти слова.

Сэн обернулся к другу и довольно долго смотрел прямо в глаза – а затем как-то смущённо улыбнулся и откинулся в кресле, глядя в потолок. Невесть с чего в зале стало тихо, разговор угас, и только дрова в камине потрескивали, и с каждым щелчком напряжённость нарастала.

– Хэш Хэйд, сколько в столице нобов, наделённых полноценным слухом чести? – Сэн оборвал натянутую тишину.

– Гм... Кроме вас? Пожалуй...

– Вот и я так думаю, – Сэн пресёк длинный ответ. – Но вы хладнокровно наблюдали, как моя жена выбивается из сил, пытаюсь выжить и не стать вашей куклой, и не сделать меня такой же куклой. Мне говорил о вас Ул. Разное... просил не судить прямолинейно. Но я слушаю вас сейчас и сужу, уж простите. Вам было в пользу проклятие чёрного мерзавца из свиты Рэкста. Пока вы боролись из последних сил и знали о своей скорой смерти, вы жили во имя высокой цели. Сейчас вы копите на старость. Я слышу это в каждом вашем слове. Вы отвратительны, хэш Хэйд. Посмели думать о моей жене с презрением.

Сэн неожиданно гибко поднялся, кончики его волос полыхнули чистой белизной – и даже Дорн не проследил, когда фамильная сабля Донго нащупала яремную вену на шее Хэйда. Нащупала и прижала, не добывая пока ни капли крови.

Хэйд перестал дышать. Сэна покачивало, но рука его оставалась твёрдой, и сабля ни на волос не смещалась из выбранного для неё положения.

– Вы посмели судить о чести моей семьи? Увы, стали путать честь и выгоду. Я готов оказать вам услугу, – Сэн наметил кивок. – В любой удобный вам день укорочу вашу жизнь, чтобы в ней снова появился смысл. Я вижу правду в таком решении. Для меня, Лии и проржавевшей фамильной чести рода Хэйд. Старость вам не к лицу, хэш. Она труслива и грязна.

Хэйд позволил себе осторожно сместить взгляд, не более того. Он всё ещё не дышал и не моргал. Он смотрел на Лию.

– А на базаре кушали бы пряники, почти даром... – Лия кашлянула и рассмеялась.

Сабля с тихим шелестом вернулась в ножны, Сэн рухнул в кресло – спиной, не стараясь сесть красиво. Он промахнулся, угодив на подушки лишь локтями и затылком, резко побледнел и некоторое время лежал в неудобной позе, глядя в потолок. Затем, помогая руками, подтянул колени. Рывком поднялся и сел-таки в кресло, как подобает.

– Мне сегодня определённо лучше. Пусть принесут ещё мяса. И вина. Много мяса и много вина. Дворцу полезно, чтобы я стал сыт и пьян. Тут столько всего... бьющегося.

Сэн огляделся, усмехнулся и подмигнул жене. Лия позволила себе заложить морщинку укоризны меж бровей. Хэш Хэйд, наблюдая семейную сцену, благоразумно пересел в дальнее от Сэна кресло, к окну.

– Какой разный смысл можно вложить в слова «он за все заплатит», – промурлыкал Дорн, щурясь на Хэйда и зная, что будет изруган Лией чуть позже. Ведь его числят ловким, и для него не видят права на таранные методы решения недоразумений. – Хэш, сейчас вы куда больше, чем минуту назад, похожи на того, кого я с детства уважал.

– Старость, – прокряхтел Хэйд, устраиваясь в кресле. – Как же... Да я почти поседел, пытаюсь уладить осложнения и дать вам тихо перезимовать.

Дорн кивнул и сделал вид, что верит. Сэн вздохнул и подставил кубок – слуга как раз обносил желающих горячим вином. Лия вспорхнула с места и пристроилась на подлокотник кресла мужа, тронула его лоб и улыбнулась: нет испарины... И жара нет? Значит, румянец обычный, а не болезненный.

– Вы сами не уверены, стоит ли вращать в жизнь столицы, – нехотя буркнул Хэйд. – Здесь все копят на старость. Совершенно все.

– Алые не сильны в выборе целей. Отец говорил: нам важно найти того, кому мы готовы доверить такое дело. Вы много раз пробовали подобрать мне хозяина. В столице я устроюсь или вне её, ни вы, ни прочие, не забудут о моем клинке и моем слухе чести. О прозвище Дорна и тайне его семьи. Поэтому ставлю вас в известность: выбирать цели будет моя жена, – безмятежно улыбнулся Сэн. – Вне боя, хэш, она вправе принимать все решения в семье. Совершенно все. Не уверен, что каждое решение придётся мне по душе, но так есть и так же будет впредь.

– Гм... и вы не пожалеете? Никогда? – вкрадчиво уточнил Хэйд, покосился на Дорна и, по взгляду понятно, рассудил, что кресло красноглазого располагается опасно близко.

– Боль – часть жизни любого, кто рождён для боя.

– Ваш батюшка, помнится, действительно так говорил, – на лице Хэйда проступила усталость. – До полудня есть время. Я намерен посмотреть на особенное место близ особняка Рэкста и вернуться. До того не пробуйте выторговать пряники у кого-то ещё, чтимая ноба.

Хэйд выбрался из кресла, отвернулся не кланяясь, и побрёл прочь. Он выглядел старым и несчастным. Проигравшим. Даже сломленным. Его провожали пять пар глаз. Ему почти верил Сэн. Один из всех, для кого так усердно хромал премудрый хэш...

Путь Ула. То, чего нет

Междумирье, решил Ул, похоже на зимнюю реку. Нырнул – и терпи через «не могу». Он ещё мальчишкой, живя в Тихой Заводи, нырял и терпел так часто и подолгу, что разучился бояться шуршащей льдинками воды, тьмы прочного свода-панциря, скользкого дна с ловушками коряг и вьюнами течений.

Сейчас он шёл к цели, которую однажды избрал. Он наследник атлов и значит, обязан понять, кто изуродовал мир бессмертных – мир, который Ул сперва счёл великолепным! Нет немощи старости, ущерба от болезни, страха незавершённых дел, предела развития. На всё хватит времени и сил. Как можно вывернуть совершенство наизнанку и сделать пыткой, каторгой, рабством? Пусть это наивно и слишком по-детски, но так хочется дойти и задать вопрос: зачем? Увидеть глаза королевы. Понять, что делает её королевой и почему никто, ни разу за всю вечность, не смог восстать? Даже Эн, могучий и мудрый дракон, даже он всего лишь оберегал малый клочок прошлого... И, кажется, не справился, ведь Чиа едва ли не последняя из подобных ей вервров-ланей осталась на свободе.

Или Ворон Теней: воин, загадочный и волевой – тоже не смог одолеть навязанную ему роль стража. И гордый, вольный волк-одиночка – вервр с временным именем Ан, бывший багряный бес Рэкст... О нем не получается думать, как о враге. О нем болит душа... Как он там, ведь он единственный, кажется, смог очнуться и освободиться. Или – не смог? Тогда что случилось с девочкой, и как можно было доверить ребёнка Рэксту?

Именно об эту мысль Ул споткнулся. Он дёрнулся, забился суматошно – и обмяк. Оказывается, в междумирье можно увязнуть, как в омуте.

Сходство с зимней рекой усилилось. Ул едва не утонул в первую зиму после золотого лета, когда Лия помогла ему вернуть полноту здоровья. Он еще не понимал реку и переоценивал себя. Он радовался обретённой силе, горел жадной построить дом, порадовать маму, доказать себе и ей: он вырос и справится с любым делом, даже большим... Он нырнул, скорее почуяв подтопленную дубовую колоду, чем увидев её на дне, в слоях ила. Он стремился к желанной цели – а течение тянуло и крутило, и полынья вмиг осталась далеко, высоко, невесть где... Сразу пришло понимание настоящей силы реки и своей ничтожности в мутном ледяном потоке. Искорка жизни, горсть тепла, один глоток воздуха – вот и всё, что ты собою представляешь. Тёмная вода перекачивает тебя в складках волн, выстуживает. Придвигаются тени – и делаются страшны небыли, совсем не пугавшие у очага, на берегу. Русалочьи волосы, колючий ус водяного, мертвящий взгляд утопленника... И уже не понять, что более настоящее, что тебя окружает: ледяная река – или мрачные, предсмертные страхи.

Тогда мальчишка-Ул смог проломить лёд и вернулся в студёную, но полную света и воздуха явь. Теперь юноша-Ул боролся с иной рекой, омывающей не берега – миры. И понятия не имел, где искать поверхность, какой толщины намёрз лёд из страхов и сомнений. Одно он знал наверняка: важно открыть глаза. Постараться увидеть, что путает и тянет, что мешает идти к цели.

Зрелище оказалось столь странным, что едва не погасило сознание. Ул скрипнул зубами, порадовался реальному ощущению – солёная кровь попала на язык! – и стал перемогать чуждость, искать способ вместить её, принять.

«Это можно счесть книгой на незнакомом языке, я успешно осилил одну, не понимая её знаков, несхожих с буквами», – предложил себе Ул и стал смотреть, как смотрят на книгу. Он старательно прорисовывал понятое контуром узора – словно под дальнейшую обработку разными кистями и красками.

Чуждость упиралась, не желала читаться, но постепенно поддавалась. Ул вроде бы принял себя, зажатого меж страниц безмерно огромной книги. Одна сторона казалась теневой,

холодной, даже мертвенной – в ней узор воспринимался, как стёртый, обугленный. Он принадлежал прошлому, словно страницу давно сожгли.

Зато другая страница-сторона охотно раскрылась взгляду – тёплая, изменчивая.

Для себя Ул назвал стороны правой и левой, живой и мёртвой. В живой переливался красками летний лес, он радовался взгляду и расцветал в ответ на внимание. Стоило подумать: тут не хватает деталей, а там бы кстати смотрелся цветок, хитрый изгиб ствола – и они прорисовывались, занимали предложенное место...

Слева был тот же самый лес, – нехотя принял правду Ул. Тот же лес, но весь, до последнего изгиба ветки, зимний и мёртвый. Лес необратимо принадлежал прошлому, он сгинул, но нечто мешало страницам яви и небыли сомкнуться. Будто время здесь крутилось в глубоком, гибельном водовороте...

«Лес хранит долг или тайну, упрямо цепляется за явь и ждёт того, кому можно отдать бремя», – решил Ул, следуя наитию.

Он осторожно пошевелился – и стал протискиваться меж цветным летним лесом и его стёртой зимней тенью. Дальше, дальше – туда, куда тянула взгляд нить внимания. Именно там охотнее добавлялись подробности в узор. Взблёскивало золото, тонко и точно нанесённое – совсем как на заглавных буквах в книгах Монза...

Ул приноровился к движению и не удивился, когда оно вывело на поляну. Справа яркими пятнами впечатлений и воспоминаний лучилась жизнь. Слева стена тёмного льда создавала зеркало, и в нем мертвяще-точно отражалась красота давно сгинувшего лета. На грани холода и жара пульсировал единственный реальный во всей этой чуждости цветок. Алый, как свет в ладони. Он трепетал – и сердце сбивалось, чтобы подстроиться в такт.

«Я заберу тебя отсюда», – пообещал Ул.

Ненадолго лес сделался единым, настоящим. Ул вдохнул пряный, незнакомый аромат лета. Ощутил ветер другого мира, добрый и влажный, густо заполненный перламутром пыльцы. Краем глаза отметил полет бабочек, взмах птичьего крыла. Прошёл по траве, слыша её шелест и улыбаясь – росинки срывались и падали со звоном крохотных хрустальных колокольчиков.

Ул нагнулся к цветку и сложил ладони лодочкой, оберегая алость лепестков, как огонёк свечи. Коже стало тепло. Слуха коснулся шёпот: слов не разобрать, но звучит, как просьба. Цветок раскрыл лепестки, перенёс свой узор на ладони – и поблёк, впитываясь в кожу. Свет медленно потускнел, а затем распался в ничто загадочный лес: и живой справа, и ледяной слева. «Для кого этот цветок?» – запоздало подумал Ул. Но шёпот на незнакомом наречии не вернулся, не наделил даже намёком на ответ.

Междумирье снова стало рекой без дна и берегов. Ул вытянул вперёд руку. Он отчего-то знал: вот-вот ладонь ощутит поверхность и пробьёт её, позволяя вступить в новый мир.

Глава 3

В которой рассказывается о событиях лета 3213 года

Столичные истории. Дом, милый дом

– Матушка, я безнадёжный для семьи человек, – выговорил Дорн, глядя в пол.

Ула безмятежно улыбнулась, подозвала прилежного Шельму. Уже два года он называет себя учеником лекарки. Сперва казалось: рослому и ловкому парню скоро надоест горбиться над ступкой и перетирать травы, вязать узелки на пучочках и тщательно вымывать землю из мелких, спутанных корневищ. Но Шельма и его приятель Голос не унимались. Они искренне радовались новому делу. Общему для них, позволяющему обоим найти что-то важное.

Сейчас Шель – а его все чаще звали этим именем – сидел в углу, в тени, и всматривался в выражение лица Дорна, оценивал цвет кожи и дрожь пальцев, примечал пот, сбоя в дыхании. Так он должен был опознать нарушение наилучшего для человека состояния души и тела. Это задание Шеля на всё лето. И он исполняет, от усердия прикусывая нижнюю губу – откуда выискал привычку? Обычно Шель молчит, пока не поймает обращённую к нему улыбку Улы, её разрешение высказаться.

– Дык... залить со всей дури валерьянкой. Или кулаком в под дых? – смущённо сообщил Шель, двигаясь ближе. И сам побурел щеками и шеей от нелепого своего совета. – А чё? Он же ж дурию мается.

– Ваш ученик и без Голоса сделался говорлив, – встрепенулся Дорн, во взгляде блеснуло раздражение. И погасло, вытесненное грустью. – Под дых... я не прочь размяться. Матушка, что делать? Я старался верить, что всё наладится, если выждать. Но Чиа не привыкает к городу. Пока у нас жили Лия и Сэн, она держалась. Пока кормила грудью и надеялась, что сын будет в неё – ланью, а не в меня... Только малыш тот ещё хищник, настоящий красноглазый ноб Боув.

Дорн улыбнулся. Сын – особая тема. Когда нет уже никакого способа смягчить норы старшего мужчины семьи Боув, ему скороговоркой кричат нечто вроде: «Ваш малыш так подрос, весь в отца!»... И вызов на поединок остаётся невысказанным, Дорн убирает ладонь с рукояти клинка, расплывается в улыбке и принимается, удивляясь себе, болтать о пользе овсяной каши или о лучших методах обучения детей основам боя.

– Ты собирался сменить зверя, – припомнила Ула. – Мы думали, помогали... Монз нашёл ценный текст и написал тебе ещё один, вроде бы важный для такого дела.

– Сменил, – без радости кивнул Дорн. – Тигра на медведя. Мне казалось, дело полезное, было трудно... Теперь я обожаю мёд и кашу. Почти безразличен к мясу, но ценю рыбу. В холода меня тенет ко сну до заката. Я старался! Но дело вышло пустое... А она всё равно плачет ночами. Запах хищника. Она молчит, но я знаю. Что же нам, в лес уходить? Или мне уходить, одному?

– Трудно поверить, но ты... жалуешься? – Ула чуть наклонила голову, вслушиваясь в тон и искоса поглядывая на Шеля.

Тот вскинулся, мотнул головой – нет, напрасный навет! Дорн хмыкнул, заметив порыв Шельмы, кивнул благодарно. Мол, всё так, разве я пришёл бы жаловаться? Разве... Дорн сник. Он, судя по всему, уже и сам не знал, на что готов. Если Чиа поможет жалоба, годна и она.

– А схожу-ка я в гости к вам, – решила Ула.

– Матушка, но Лия сказала... – начал Дорн.

– Нельзя же ж! – вскочил на ноги Шельма.

– Что-то не то, что-то неладно, – не слушая обоих, нахмурилась Ула.

– Шель смотрел. Пусть глянет снова, – насторожился Дорн. – Вам нельзя выходить.

И Лофр так сказал, я знаю.

Ула смущённо повела рукой – помню, с ним не спорю... а всё же сделаю по-своему. Дорн даже кашлянул, вспомнив: блистающий при дворе бес Альвир люто ненавидит травницу! Так и не остыл с той первой их встречи. Не забыл своего позора... Этот бес – не граф Рэкст, кото-

рый смотрел на людей сверху вниз просто из-за разницы в силе и опыте, не опускаясь до мелочной мести, до доказательства того, что в доказательстве не нуждается. Как он называл это? «Я – высший хищник!»

Альвир, увы, даже не хищник. Он – вьюнок, так сказала однажды Ула, грустно улыбаясь. Добавила: у этого беса нет спинного хребта, и, хотя он способен достать до неба, но прежде ему надо найти ствол, по которому можно ползти ввысь. Ещё Ула шепнула, что жадный вьюн, утверждая своё величие, сушит тех, кто дал ему опору.

По весне Ула стала законной хозяйкой «Алого льва». Гости и ученики, не удостоенные права именовать её «матушка», кланялись и называли нобой Баст. Или того хуже – нобой хэш Баст, ведь Лофр хэш Баст ввёл её не только в имущественные права, но и вписал в фамильное древо рода.

В день свадьбы Ула получила с посыльным роскошный букет роз – и сверх того свёрток. Книгу, написанную по указанию Альвира. Очень дорогая работа, переплёт с золотом и самоцветами. Внутри, под обложкой, короткий пересказ известной сказки о княжне, уснувшей после укола о шип розы. Только в дарёной книге княжна умерла. Половину текста занимало описание болезни и мучительной кончины, и в этой части книги всякая правая страница отводилась под рисунок. Умиравшая княжна была один в один – Ула... Даже свадебное платье прорисовано до мелочей. Значит, доверенные люди Альвира вывели нужное у портных. Лофр о подарке узнал, но текста не прочёл: книгу у него из рук утянул и успел сжечь Шельма. Иначе наставник лучших наёмников в столице, пожалуй, явился бы воевать дворец Альвира. Тот очень надеялся на вспышку слепого гнева. Это знал Дорн: после свадьбы именно он сопровождал к бесу хэша Хэйда. И по пути учуял, услышал до сотни бойцов в засадах. Их оружие пахло остро, травянисто. Резкие ароматы щекотали ноздри, дразнили воображение – и оставались нераспознанными. Но Дорн не сомневался в ядовитой смертоносности запаха.

Лёгкая ладонь Улы коснулась запястья. Дорн вздрогнул, возвращаясь из задумчивости. Травница улыбнулась светло и тихо.

– Не переживай. Дважды я стояла на краю. Оба раза было так страшно, и не высказать, а после... я вроде бы договорилась с собою. Что толку в страхе? Или вот ещё: ты посуди, а каков страх у беса внутри! И сверх того пустота. Весной, прочтя ту книгу, я собиралась повидать его. Уж так ему дурно... Монз показал мне записи, что сделал со слов багряного Рэкста. Тогда мне сделалось ясно, что Альвир происходит из второго царства. К зелёному лесу его душа близка. Что же он сам со своей души сдирает кору?

– Не стоит страдать по всякому уроду, – прорычал Дорн.

Рука Улы легла на его кулак, похлопала, потребовала расслабить мышцы.

– Ты белый лекарь. Особенный, прирождённый. Но в лечении пока не преуспел. Учись у Шея. Быть лекарем – большая работа. Сперва усвой привычку прощать людей. Покуда у тебя не получается столь важное, но ты перемогай. Чиа станет легче дышать, когда справишься.

– Он не человек. Он чудовище! Он не пожалеет ни вас, ни...

– Отговорки имеются всегда, – Ула жестом предложила Шелю собирать короб и закладывать двуколку. – Разве я прошу назвать беса светочем доброты? Я хочу и требую, чтобы ты не рычал и не уходил в злость с головой, как в болото.

Дорн кивнул. Он был в злости не просто с головой! Он был раздавлен жадной прикончить Альвира. Он видел однажды, как багряный бес рвал соплеменника. Память сладко и фальшиво обещала: и ты справишься. Ты тоже хищник...

– Мы скоренько обернёмся, – сказала Ула, когда близ конюшни ей загородил дорогу сам Омаса, первый ученик. Огромный и непререкаемый, как скала.

– Хэш не велел.

– День таков, что нет в нём смертей, – Ула изучила над воротами что-то, видимое лишь ей: Дорн тоже глянул и ничего не заметил ни глазами, ни чутьём. – Я знаю. Но возьму с собой дружка моего мальчика, так и скажи мужу. Ещё попроси, если Лофр вернётся прежде меня, пусть дожждётся тут и не устраивает переполох на весь город.

Омаса навис над Шельмой: тот как раз явился от конюшни, привел под уздцы смиренную лошадку, запряжённую в двуколку. Огромный ученик Лофра, которого трижды норовили переманить аж во дворец и не абы кем, а первым стражем с титулом ноба, придавил Шельму взглядом.

– Душу вытрясу, ежели что, – тихо и проникновенно сообщил Омаса.

– Сам же ж вытрясусь, ежели что, – криво усмехнулся Шельма.

Было странно слышать, как Шельма без икания и сопения произносит слова, не соединяя их удобными связками ругательств. Хотя он сейчас зол: взгляд бешеный, зубы сжаты... От затеи Улы покинуть двор ему тошно более, чем даже Омасе.

– Провожу и туда, и обратно, – Дорн поклонился Омасе, отвернулся и зашагал к воротам.

Стоило выбраться на улицу, как из-за угла показался, чтобы тотчас сгинуть, неприметный человечиска. Шельма оскалился, Дорн жестом успокоил: не по вашу душу. Этот – от канцлера и ходит за мной. Проверяет... как будто хэш Боув уже согласился наследовать не только титул отца, но и его судьбу. Ту самую судьбу второго или третьего канцлера княжества Мийро, которая приводила к ранней смерти очень и очень многих в семье.

Лошадка шагала бойко, Шельма то бесшумно возникал справа от конской морды, то вдруг оказывался слева. Отросшие волосы металась по его плечам, позволяя понять, как старательно оценивает всякого встречного и попутного этот лекарь, готовый в любой день и без предупреждения резать здоровых, сунься они, куда не следует. На месте кучера пристроился Голос, и его тощая шея по-голубиному непрестанно кивала, отмечая мелкие движения головы.

Дорн чуть поотстал, он шел и втягивал запахи и настроения, слегка сутулился. Новый зверь имел совершенно иные повадки, нежели тигр. А вернее, именно теперь Дорн осознал, что значит быть вервром и сливаться со своим вторым «я», понимая в себе две грани: и человека, и зверя. Он научился использовать возможности зверя, избрав медведя, знакомого чуть ли не с рождения – по сказкам, а после по охоте, и вдобавок по весенним встречам в лесу, без оружия.

Медведь всегда пребывал рядом и его, в отличие от тигра, не приходилось загонять в небытие, как в клетку. Медведь брёл косматой тенью-невидимкой, поглядывал на людей мелкими глазами, переваливался неуклюже и неторопливо. Принюхивался к сладкому и добродушно улыбался во всю пасть, готовый немедленно ударить. В любой миг. Без смены настроения, без рычания, кошачьего выгибания спины и иной показухи.

Медведь приближался к своему логову – сараю в заброшенном парке замка графов Нод. И мех на его загривке вставал дыбом. Опять... Дорн-человек не мог понять настороженности Дорна-зверя. Собственно, потому и пошёл к матушке Уле. Она сказала верно и даже... точно. Что остаётся, кроме невнятных жалоб? Кому вообще скажешь такое: «У меня уже в воротах родного парка мех дыбом и нос будто пчёлами искусан». Но, говори или молчи, а в воротах непременно споткнёшься.

Дорн споткнулся, тяжело вздохнул – и шагнул в парк. За два года он выкорчевал сухие деревья, постриг кустарники и отсыпал несколько дорожек мелким камнем. Покрыл сарай черепицей. Лия год назад помогла разбить цветник перед домом. Весной раз пять присылала черенки для укоренения. Смотреть на дом вполне приятно, даже сараем назвать уже неловко. Человек-Дорн это понимает, а вот его зверь...

– Останови, пешком пойду, – вдруг велела Ула. Дождалась, пока Шельма возьмёт лошадку под уздцы, прыгнула из двуколки и осмотрелась. Тихо, едва различимо, шепнула: – Будь я медведем, у меня бы мех стоял дыбом.

– Что? – опешил Дорн.

– А то, что жаловаться надо было еще по весне, – покачала головой Ула и пошла по дорожке, озираясь и хмурясь. – Ох, и худо... да вовсе худо!

– Ну вилы ж! – хлопнул себя по штанам Шельма, расхохотался, добыл невесть откуда нож, подбросил и снова припрятал. – Во глаз! Вот же ж... Эх же ж ёж!

Не унявшись, Шельма присел, вскочил и снова хлопнул себя по бокам, то ли танцуя, то ли обманывая несуществующего врага и готовя удар. Вздохнул, чуть успокоился и занял место у конской морды. Почти смешно было смотреть, как крупный, хваткий детина впадает в детство, меняется – и, даже успокоившись, продолжает лучиться гордостью за травницу, которая умеет распознать самую тайную беду.

– Откуда взялось эдакое? – спросила Ула, останавливаясь у порога и с опаской рассматривая хмель, высаженный по весне и распространившийся на весь фасад, уже взметнувший курчавую весёлую зелень до конька крыши. – Откуда тут... такое?

– Лия прислала, – насторожился Дорн, тоже всматриваясь в хмель и пробуя найти в нем хоть самую малую странность.

Травница сокрушённо покачала головой, села на ступеньку крыльца и задумалась. Дорн прикрыл глаза, греясь на солнце и впервые с весны ощущая себя в парке относительно спокойно.

– Шель, – травница, наконец, выбрала решение, – а ведь сколько раз говорила я Голосу, что пора искать белого лекаря и править косточки?

– Дык...

– Вас из столицы княжьем указом не выставить, – вроде бы рассердилась Ула, даже заговорила громче. – Медуница в цвет идёт, солнышко играет, по лесу такой дух – не наладуешься, а вы и не видите, и не чувствуете!

– Ну дык... – не понял Шельма, но сделал виноватый вид, просто на всякий случай.

Дорн краем глаза отметил: в комнате, за опущенной занавеской, качнулась едва приметная тень. Там упреки Улы слушают. И там понимают, что такое радость и какой в лесу дух от медуницы...

– И клевер луговой, в два цвета, мягонький, молоденький, весь в сладеньких цветочках. Мой сыночек уж так любил его в книжные узоры вплетать. Даже в золото заглавных букв! – не унялась Ула. – А ты в городе сидишь! А разве то гоже? Ты, конечно, уродился тут и за ворота, пожалуй, не выходил ни разу. Тебе бы кого толкового в проводники, чтоб в лесу не заплутал и ног не сбил с непривычки, – спокойнее и напевнее стала рассуждать Ула. – Сезон-то каков, дожди вон, после укуса так и копятся. Туманы ночами пушатся, зелень кутают, и сами травяным духом пропитаны, и свежим сеном пахнут так... духмяно.

Штора качнулась, взволнованная движением. Дверь без скрипа приоткрылась, выпуская на порог Чиа.

– Матушка, вы не ругайте его, – прошептала Чиа, глядя мимо людей, в тот туман, что травница нарисовала, пообещала словами и вздохами. – Не надо ругать.

– Не ругаю, но скорехоньхо в путь собираю, – Ула улыбнулась, погладила ступеньку, приглашая хозяйку дома сесть рядом, и та сразу пристроилась, положила голову на плечо травницы, прикрыла глаза... – Тропками, а не большой дорогой. Березняками, а дальше сосновым лесом. На Тосэн, глянуть, что там и как. А далее уж вдоль речки. Непременно передать весточку Сото, он живёт в деревне Заводь, я с рождения его знаю. Такой человек тёплый, широкий... Я не видела его давно, вот и хочу узнать: здоров ли его сыночек? Я лечила, мой Ул лечил, как не проведать? А после можно лодкой. Там заводи кувшинок. Стрекозки зашуршат, как лето через макушку перекинется... Камыши у нас в Заводи знатные, сторожевые – будто пики. Я Улу всегда говорила: через такие сам банник не пролезет!

– Стрекозки, клевер, туман... – не открывая глаз, улыбнулась Чиа. – Я бы проводила. Только ему идти из города надо, а мне тут быть приходится. Всем не то дано, к чему они тянутся. Людской удел.

– Твой ноб столь неумён, что запер жену в городе? – нахмурилась Ула. – Да пусть сам плечи под дела подставляет. Проводи Шеля. Я разрешаю.

– А сын? – глаза Чиа распахнулись, тёмные от испуга.

– Я пригляжу.

– А...

Рука Улы мягко, в одно касание, уговорила губы Чиа сомкнуться, запирая умные возражения. Травница погладила темноволосую голову, взглядом указала на двуколку, на Голоса, дремлющего с вожжами в руках.

– А прямо теперь поезжай, куда не напридумывала себе причин, чтобы отказать. Гляди, какой день ясный. И ветерок годный, и облако не тяжёлое, не грозное. И людской мошкеры нет, ни гонцов из дворцов, ни вестей про гостей.

Ула выговорила присказку складно, хлопнула в ладоши и рассмеялась. Чиа тоже хлопнула в ладоши и тихонько, осторожно улыбнулась. Посмотрела на мужа – робко, из-под отросшей чёлки, прячущей взгляд...

– Клевер, туман, стрекозки, – вздохнул Дорн. – Матушка, можно мне тоже сбежать из столицы?

– А кто давал обещание Омасе? – укорила Ула.

Дорн пожал плечами, смирившись с тем, что он остаётся – и боясь даже дышать громко, чтобы не спугнуть улыбку жены, такую мирную и тёплую.

– Прямо сейчас – ехать? – выдохнула Чиа, испуганно зажмурясь.

Дорн заметил едва различимое движение брови травницы, обнял Чиа и отнёс в двуколку. Усадил, зашептал на ухо о том, что уже скучает и что надо быть по пути осторожнее, и что в лесу замечательно, он бы так хотел всё бросить и убраться вон из города, который весь – каменная ловушка.

– Мы... до листопада обернёмся, – осторожно уточнил Шель, глядя на Улу.

– До больших холодов, – кивнула травница. – Но ты уж помни, главное ваше дело – найти лекаря для Голоса. И не только для него. Дорн пока слишком уж боевит, а поумнеет, тоже в путь отправится. Без сабли, – Ула со значением посмотрела на Дорна.

– Как будет велено, так и пойду, – согласился самый драчливый ноб столицы.

Голос подобрал вожжи. Шельма хлопнул себя по кошелю и подмигнул Дорну – мол, мы при деньгах, не пропадём. Затем добыл из воздуха пару метательных ножей и немедленно их снова спрятал, будто привиделись.

Лошадка фыркнула, переступила и стала продвигаться вперёд и вбок, разворачивая двуколку. Чиа сидела, прикрыв глаза, и вроде не замечала того, что её везут прочь от дома, дальше и дальше... Так и не оглянулась, не отметила прощальным вниманием мужа и дом, не подумала о сыне.

– Уехали? – Дорн рухнул на ступеньку рядом с травницей. – С ума сойти.

Только теперь он заметил, что у Улы дрожат пальцы, на лбу копится бисером испарина. Дышит травница редко и трудно. Дорн вскинулся, побежал в дом – за водой, полотенцем, пледом, подушками... свалил принесённое грудой и поставил на ступеньку кувшин. Сам замер, ожидая пояснений.

– Сколько раз я пробовала прочесть ту книгу, где вместо букв значки. И на картинках люди, а по телу у них точки разноцветные. Не поддавалась мне та книга, – пожаловалась травница. Тыльной стороной ладони отёрла пот, без сил откинулась на перила, не тронув ни кувшин, ни полотенце. – Сынок сразу главное углядел, а я вот... два года надрывалась. Все сны

мне та книга иглами истыкала, как есть – все. Но я одолела. Очнётся твоя ненаглядная, а столица уже ох как далече, и ветер зарю задул.

– То есть вы её... – охрип Дорн.

Ула кивнула и снова указала на хмель.

– А был ли у нас выбор? Выноси, что нельзя оставить. Будем жечь твой дом. Уж прости... поздно сберечь то, что корнями заплетено и тенью пропитано.

– Так плохо?

– Да померли бы вы к осени, так мнится мне, – без выражения заключила Ула. – Видишь, какой бес попался кривохожий. Книжку прислал мне, а гадость у вашего порога посадил. Бессонница, немочь для жил, ломота костная, крови порча, – бормотала Ула, продолжая настойчиво рассматривать хмель, такой весёлый и зелёный. – Как нарыв беды вызреет, так уж поздно сделается даже жечь. Неужто не видишь?

– Запах мне неприятен, голова болит. Но ловушка, надо думать, на вервров поставлена, а мы и есть вервры, – Дорн сказал и ощутил, как по спине продирает озноб. – Матушка, как же мне удержаться и не пойти его убивать?

– Сам думай, как. О сыне думай, – безмятежно посоветовала Ула и встала в рост. Немного отдышавшись, она удалилась в дом и вернулась, держа на руках наследника семьи Боув. – Вот всё, что мы берём из дома. Сабля при тебе? Более ничего не жаль?

Дорн усмехнулся, огляделся: стриженные кусты, старательно выкошенная трава, шиповник пяти оттенков, валуны для украшения садов – как теперь модно. Всё своими руками. И ничего не жаль. Он ощутил, как пропадает злость. Только где-то глубоко в душе осела горечь, жжёт... Если встать и заняться делом, уймётся и она. По крайней мере, пока. Не надо думать и злиться, Ула права. Куда важнее спуститься в подпол и рывком взвалить на спину бочонок с драгоценным, трижды перегнанным, настоем на травах. Душевно сделан, горит без дыма и остатка.

Удар кулака взломал дубовый бок бочонка. Сразу запахло лесом и волей, праздником и безрассудством... Дорн плескал на стены, на шторы, смаргивал влагу и усмехался криво, не понимая себя. Горечь не уходила. Да что ему этот сарай! Еще когда он был пацаном, сто раз представлял, как подожжёт ненавистное родовое гнездо, где он заперт один, где, даже будучи наследником покойного отца, он всем видится как выродок и отщепенец.

Когда дом загорелся, Дорн упрямо стоял так близко, что волосы трещали и пахли палёным, а румяное лицо, кажется, запекалось болезненной улыбкой... Рыжее пламя плясало, пьяно гудело. А горечь так и не могла выгореть, уняться.

Дорн отвернулся и пошёл по дорожке, прикрыв воспалённые глаза. Под ногами хрустел мелкий камень. Вдали перекликались люди: заметили дым и, пожалуй, уже со вкусом обсуждали удел графа-погорельца, от рождения и до сего дня столь нищего, что терять ему нечего. Но и сберечь ничего не получится: хотя в столице пять пожарных вышек, от ближней до графского сарая – неблизко.

– Неужто Лия не видела? – вдруг возмутилась травница.

Дорн вздрогнул, распахнул глаза. Рассмеялся, признал наконец: да, это не дым ел их, это самые настоящие слезы... Он, оказывается, умеет плакать. Ему, оказывается, жаль терять то, что было памятно. Даже свою детскую ненависть к отцу – жаль.

– Донго не бывали у нас с весны, – проглотив ком горечи, выговорил Дорн. – Мы сами наведывались. Лия гордится их новым домом и мы... потакаем. Хотя у них тесновато.

– Не станешь упираться, если приглашу пожить у нас? – осторожно спросила Ула.

– Лучшее место в мире – «Алый лев», – широко, безумно улыбнулся Дорн, шагая к дороге и уже различая её за опушкой парка. – Я там больше дома, чем здесь. Я хочу жить там. Или хотя бы гостить. Есть кому дать под дых. Есть Омаса, чтоб мне тоже стало больно. Весело. Просто. Душевно.

Он миновал прореху ворот без створок – и впервые с весны не споткнулся. С души наконец-то свалился камень, сделалось легко и светло. Дорн рассмеялся, обернулся к травнице... и резко смолк, уже с обнажённым клинком в руке.

Скакун Альвира был не чета Алому Пэму, и масть бледновата, и покорности в согнутой шее слишком много. До боли: вон как строгие удила пилят конские губы! Пена срывается розовая, пятнает глянец шкуры, скатывает в шарики дорожную пыль.

– Рассмотрела, – прошипел бес, глядя мимо травницы. – Опять успела и встряла.

Дорн в два прыжка оказался рядом с Улой, собрался её подвинуть, закрыть... и замер, не понимая себя и не споря со своим зверем.

Травница безмятежно смотрела – так же, как бес, мимо собеседника. Вернее, сквозь него. Она держала на правой руке малыша-Боува. А левую, пустую, медленно и с некоторым усилием поднимала. Так странно – не понять жеста, не уловить его смысла и не разобрать, отчего в движении копится угроза.

Дорн, заворожённый, следил за рукой. И бес следил.

«Так держат руку на охоте, ожидая хищную птицу с добычей», – вдруг пришло понимание. Только нет птицы! Нет – а рука дрогнула, будто приняла вес...

– В древней книге о белых лекарях сказано: держат смерть на левой руке своей, – выговорила Ула тоном, смутно напоминающим повествовательный говор Монза, когда он читает важную летопись. – До чего ж тяжкая она, ноша левой руки лекаря. Иной раз все силы надобно прикладывать, чтобы не сломаться.

Слабый ветерок качнулся, освежил лицо травницы, разжёл искры алости на кончиках волос Дорна – и погнал волну шелеста от кроны к кроне, всё дальше в графский парк. Волна убегала – а в другую сторону улетал, стихая, бешеный топот копыт.

«Альвир второй раз без оглядки сбежал от деревенской травницы, ох и тошно ему сейчас! Вот у кого горечь неуёмна и пылает, затмевая пожар», – вдруг сообразил Дорн.

Фамильный клинок скользнул в ножны. Дорн повёл плечами, ощущая, как загривок его медведя теряет ощетиненность. Захотелось зевнуть... и свернуть в конце ограды налево, к центру города, к большой торговой площади, где есть и мёд, и пряники.

– Я видел тень, – сообщил Дорн. Обернулся, подмигнул сыну, бережно принял его из рук Улы. – А ты видел птичку, хэш Боув? Вроде бы... ворон?

– Моего сына дружок, – Ула подумала и добавила: – Не знаю, что хорошего сделал мой мальчик, а только человек этой птицы бережёт его по мере сил. Я хотела бы увидеть этого человека. Он... похож на Омасу. Только крупнее и спокойнее. Да, вроде бы так.

– Тогда и я хотел бы его увидеть, – рассмеялся Дорн. – На Омасу похож, но крупнее. Тот бес сбледнул.

– Более он не явится стращать меня и книжек не пришлёт. Он всё обдумает без спешки, – тихо молвила Ула. – Что ж, я знала цену дня, ещё когда покидала свой двор.

– Он не уймётся, пока... – шепнул Дорн.

– Ох... Как унёсся-то! И сбледнул, вот уж верно, – травница рассмеялась, покраснелась, даже стёрла слезинку. Погладила Дорна по плечу, цокнула языком, развлекая малыша. – Так ведь и я не уймуся. Он... вроде бы разбудил меня. Прежде многие пробовали. Но я всё одно вроде как в полглаза дремала. Тихо жила и мало смотрела людям в глаза. Всё больше на руки, на ногти да жилы... Очень страшно поднять голову, деточка Дорн. Тебе скажу, тебе я могу пожаловаться, верно? Однажды подняв голову, понимаешь, что такое разогнуться. И понимаешь, чем за такое платят.

Ула тихонько рассмеялась. Поправила волосы и пошла – с гордо поднятой головой. Дорн шагал рядом и пытался вспомнить: а как она ходила прежде, при первой встрече в городе Тосэне? Вроде бы иначе. И казалась старой, Монзу под стать. А сейчас она под стать Лофру. Хотя ох, как трудно с ним держаться вровень.

– Теперь, кажется, не вы жалуетесь, а только вам, – удивился Дорн. – Даже я.

Путь беса. Никаких одолжений

– Красный! Красный. Так. И так. Ещё. И так.

Ана сопела, усердно выбирая кольца и насаживая их на толстую верёвку. Вербр терпеливо ждал завершения пытки. То есть он, конечно, знал с самого начала: казнь, придуманная проклятым Клогом хэш Улом, окажется тяжела. Но смел надеяться, что избежит хотя бы унижения. Сколько ему лет, веков, вечностей, непостижимых людям? Ведь для них всё, что за пределами личного горизонта времени – «история». Мёртвое каменное слово, готовое перетереть в своих жерновах ложь и правду, суть и смысл, причину и следствие... перетереть, обратить в пыль и развеять лживыми словами.

Он – вербр. Он невесть как долго жил и сам был – памятью. Памятью и болью, потому что пока настоящее сберегается, оно причиняет страдания. Затем он стал рэкстом и утратил прошлое, и узнал: забвение – тоже боль. Не меньшая. А сейчас он наделён двойной болью: не может вернуть память и не способен расстаться с надеждой обрести прошлое, восстать из пепла. Снова знать, кем был, с кем враждовал, о ком или о чем заботился. Почему сейчас принимает такие решения, так видит людей и по таким вот меркам оценивает их действия...

– Синий! И вот. И так. Синий.

Ана запыхтела усерднее, по всему понятно – слюни пустила, прикусив губу и скорчившись над своей верёвкой. Ана – та ещё казнь. Гнойная заноза, не дающая даже слепому сосредоточиться, уйти в себя, нырнуть в тёмные недра прошлого.

– Жёлтый! И вот... и вот... и ну...

Хотелось выть. Недавно ему примерещилось, что растить детёныша то ли людей, то ли атлов, не слишком трудно. Накорми, напои, закинь за спину и тащи на горбе. А всякие «гугу, тятя-тя, касиво-кусно» – слух быстро научается не допускать их в сознание, выметать как звуковой мусор.

– Желтый!

За минувший год дитя прибавило в весе и росте, но тяжкой ношей сделалось вовсе не потому. Ана повадилась думать. И принимать решения. И исполнять их, не считаясь ни с чем. Откуда-то, каким-то таким чудом она умудрилась усвоить, что её личный «тятя пама» – и что бы значило нелепое сочетание слов? – вынужден терпеливо таскать свою казнь на горбе, как бы его ни допекали детские затеи.

– Бант! Ещё бант! – счастливо провозгласила Ана, затянув третий узел на верёвке и украшая его кривой петлёй, которую она и назвала бантом.

Вербр обречённо вздохнул. Он не сомневался в дальнейшем. Три дня назад он яростно отказывался вытачивать кольца из разных пород дерева. Два дня назад он твердил с рычанием, что не купит краску и не будет вонять ею и лаком, что затея дурацкая, что он уж точно никогда... И вот кольца выточены, окрашены, отлакированы и нанизаны на пеньковую верёвку. И сбежать никак нельзя.

– Цветы, – счастливо хихикая, Ана попыталась втиснуть верёвку в крепко сжатые пальцы вербра. – Тебе. Тут красный, клён. Тут синий, дуб. Тут жёлтый, сосна. Дарю. Тебе. Видишь? Так – видишь? Ан!

– Цвета, – смирившись и надеясь на завершение пытки, поправил вербр.

– Цвета. Разные, – согласилась Ана. Хихикая и пританцовывая, оббежала вербра по кругу. Верёвку с бряцающими деревяшками она волокла за собой. А затем, конечно же, ловко набросила на шею жертвы детского произвола, именуемого «нежная забота».

– Носи!

Уже в которой раз за год вербр мысленно порадовался слепоте. Он хотя бы не видит себя со стороны. Не видит и не желает даже попытаться представить, как смотрится. В зала-

танной рубахе, в обтрёпанных штанах, босой. Пыльные волосы занавешивают изуродованное лицо с пустыми глазницами. Словно всего этого мало, теперь он украшен верёвкой со низкой надоедливо стучащих лакированных «баранок». Он – высший хищник. Он – бывший граф Рэкст, чьё имя наводило страх и считалось мерилом успеха, власти и богатства. Он – утративший всё, приговорённый...

– Красиво? – Ана запнулась и спросила жалобно, тихо.

– У каждого цвета свой запах. Я понял, так удобно видеть, – кривясь то ли в оскале, то ли в улыбке, выдавил вервр. – Вот синий а вот красный. Даже я не ошибусь.

Вервр бы под пыткой не признался себе самому: на душе тепло. Он бы и думать не стал, ни за что, о прелести дурацкого подарка и о том, как это приятно – когда для тебя что-то десять дней выдумывают и трое суток без сна и отдыха мастерят, тебя же вынуждая помогать.

– Тятя пама, – хихикнула Ана, потёрлась щекой о рукав. В одно ловкое движение вспрыгнула на шею. – Идём? Куда идём? Туда? Туда?

Она дёрнула то за правое ухо, то за левое. Привычный к подобному обхождению вервр уже не считал его обидным. Послушно поворачивал голову, принохивался и, приоткрыв рот, ловил на язык вкус ветра. Единственное, что он готов был даже вслух признать толковым в характере Аны – это её страсть к путешествиям.

День пёк макушку и сам был макушкой лета. День пощёлкивал первыми трелями кузнечиков и шуршал крыльями стрекоз. Настой пылицы колебался, заполнял весь мир, и был так густ, что, наверное, создавал видимую взгляду золотисто-зелёную дымку.

Слева, днях в трёх пешего пути, грохотали водопады у границы княжеств, чьи названия вервру было скучно вспоминать. Есть ли смысл уродовать настроение людскими условностями?

Справа, за перекатами пологих горных спин, за седловинами бесснежных перевалов, росли в небо действительно крупные горы, они держали северный ветер, искрящийся изморозью больших высот...

Впереди, днях в десяти бодрого хода, рыбьей чешуёй волн трепетало море. Западное, которое они с Аной навестили по весне и сочли достойным ещё одного взгляда. А ведь есть и море на юге, там город Корф и там...

Маленькая рука дёрнула верёвку, зашуршала кольцами и нащупала самое широкое синее, с небольшим сколом на месте заполированного сучка.

– Море? Ты решил? То или то?

– Мо-оре, – вервр потянул слово, сомневаясь, стоит ли его отпускать с губ. – Пусть будет море.

– Синее! – Ана победно потрясла кольцом.

Вервр мотнул головой и прижал уши. Отчего малявка всегда знает, к какому решению склоняются мысли? Как угадывает раньше, чем сам он? Ведь это он выбрал идти к *тому* морю? Он сам? Или его, как глупую лошадь, дёрнули за верёвку и направили?

В затылок ударила боль.

– А-ах...

Вервр прикусил язык, подавился солёным и замер, напрягшись, как струна. Он только что злился на свою тёмную память, способную сделать слепоту вдвое мрачнее? И вот – боль. Настоящая, древняя. Боль вспыхнула – и продолжает вламываться в череп боевой стрелой, норовя прорвать плену забвения.

– Держись, – приказал вервр, подчиняясь указанию боли и разворачиваясь на восток. – Так быстро мы ещё не бегали. Упадёшь, не стану подбирать. Поняла?

– Не упаду, не бойся, – пообещала Ана, обняла за шею и свела ладони в двойной замок.

Вервр вытряхнул заплечный мешок, быстро отгрёб в сторону лишнее, оставив только флягу, нож и хлеб. Ещё раз принохался, прислушался к далёкому чужому страху, совсем све-

жему – и невесть с чего всколыхнувшему древнюю боль в его душе. Руки тем временем споро упаковывали ничтожные остатки имущества, проверяли пояс, замок пальцев Аны. Всё готово? Всё надежно?

– Держись, – ещё раз велел вервр.

Он до сих пор сидел на краю глубокого ущелья, в тени роскошной сосны-одиночки. Ана пожелала низать кольца не абы где, а в красивом месте, и непременно с таким видом, чтоб дух захватывало. Сейчас у неё и правдахватило дух: вервр рушился со скалы, отсылая писк и собирая эхо, чтобы определить путь. Пальцы напряжены когтями, пыльные волосы вмиг обрели глянec, их кончики уже наверняка тлеют багряными искорками азарта.

– А-аа! – восторженно заверещала Ана.

Эхо сделалось ещё богаче, щедрее вернуло подробности дороги. Вервр рассмеялся, поправил падение коротким толчком о скалу – дотянулся до первой ветки, спружинил, превратив себя в стрелу, а дерево – в тугой лук. Тело сорвалось с гудящей тетивы, прынуло вперёд и вниз. Удар о новую ветку под нужным углом, отскок – и рывок с возросшей скоростью, и снова отскок, и опять...

Горная река – одно касание о камень на перекате. Прыжок на склон, руки-лапы крошат камень, оставляя отметину в четыре борозды.

Удобная ветка, рывок – и опять он мчится по лесу, рыча и улыбаясь. Оставляя позади долгую суматоху встревоженных птиц, шелест опадающих хвойных игл, стук летящей во все стороны смолистой сосновой щепы.

Можно странствовать с привычной людям скоростью. В конце концов, куда ему спешить, если впереди ещё лет пятнадцать до встречи с врагом Улом и завершения данной им казни? Куда спешить? Вот разве – за болью прошлого, досадно ускользающей, готовой пропасть. Отсюда до места зарождения чужого страха – дней пятнадцать пешего пути. Нынешним ходом он прорвётся туда к полуночи. Если Ана умеет держаться по-настоящему цепко.

Встречный ветер всё ту же натягивает кожу лица, рвёт волосы – и не вспомнить, когда прежде было так? Ан привык к миру примитивных людей и разучился спешить... Ведь ни разу не получал шанса вцепиться в столь лакомую дичь. Свежая, кровотокающая память, пахнущая страхом и древностью!

Слепота сейчас в пользу. Зрение отвлекало бы от следа. От боли. От надежды.

Рывок – на пределе допустимого, ствол хрустнул под ударом пружинящих ног и рук. Связки отозвались болью. Кожа на ладонях чешется, едва успевает нарастать и затягивать раны. Рывок... Ана прильнула к уху, пискнула, жалея и желая удачи. Ветер унёс слова, но доброта впиталась в кожу и прижилась.

И вервр Ан обрёл зрение! Не глазами – душой. Он мчался к своей цели здесь, в настоящем, и всё яснее и ярче различал в редящем тумане памяти иной день, иной мир, иного себя.

Свободный вервр, ещё не опороченный и не униженный выбором карты палача и клеймом раба-рэкста, мчался через лес. Он мог проскользнуть меж слёв мира и сразу попасть, куда надо – тогда он умел. Но было уже поздно. Он знал о своём опоздании и мчался, чтобы растратить боль и усмирить ярость. Он рвал когтями кору с деревьев, очень похожих на сосны. Рычал – и ощущал соль на прокушенном языке.

Он достиг цели и резко замер.

Поляна. Огромная, по верхушки сосен заполненная горячим настоем сладкой пыльцы и хвойной терпкости. В тени у дальней опушки смеются и гомонят люди. Самый властный спешился, поощрительно хлопнул борзую по изгибу тонкой спины. Нагнулся, в руке блеснул нож – и кровью запахло острее, громче.

Горло взрослого благородного оленя перерезать должен был, конечно, сам хозяин охоты. Он же заберёт главный трофей – рога. И это не важно. Боль вспыхнула раньше: когда вон тот

широкий матёрый человек с глазами волка сломал шею детёнышу лани. Боль угасла резко, ударом: когда другой человек вогнал клинок в испуганно трепещущее тело лани-матери, не так давно кормившей на этой поляне своего детёныша...

Вервр стравил сквозь зубы длинный, клокочущий яростью выдох. Отвернулся от жалкой охоты жалких людишек, не умеющих быть хищниками, не понимающих истинного смысла жизни и смерти в лесу. Падалышки. Отребье. Тявкающая стая злобной мелюзги.

Вервр не хотел смотреть туда, где возникла и угасла боль. Но – смотрел. На краю дальней от людской охоты опушки лежали трое. Двое не дышали. Третий еще жил, но уже выбрал свой путь и удалялся, и окликать было поздно, бесполезно...

Худшее произошло и не может быть отменено. Маленький сын вервра-лани увидел, как люди убивают животное, неотлично похожее на его второй облик. Принял боль и не смог вытерпеть насилия, творимого ради забавы. Шок отождествления себя с жертвой мгновенно выдрал малыша из жизни. Мать осознала, добежала, обняла – и нырнула следом, не думая и не рассуждая. В смерть... А отец ещё жил, по щеке катилась слезинка, губы шептали: «Лоэн»...

Что в мире может быть страшнее кротости? Что может быть беспросветнее неумения рвать врагов?

Взрослый вервр, подлинный высший хищник, снова покосился на людей, решая: прикончить их или не вмешиваться в дело, которому сам он – чужой? Лес заповедный, закон этого мира запрещает присутствие людей здесь, где рождаются и проживают первые годы кроткие вервры-лани. Закон требует: наказать сразу и жестоко, чтоб другим неповадно было.

Только это не его мир и не его закон. Это закон брата. А вот и он сам – законодатель. Услышал шёпот умирающего, явился. Белый дракон ворвался в безоблачное небо из ниоткуда, сразу атаковал. И не осталось от охоты ничего, никого... И пеплом развеялась трофейная добыча.

Вервр-гость отступил на полшага. Он не желал смотреть в глаза брата, заявившего невесть как давно свои права на этот мир. Но как раз теперь брат отделился от дракона и встал у его морды – человеком.

Было важно не смотреть и не приближаться. Он не хотел срываться.

– Ты доигрался, – по-прежнему не глядя на младшего, сказал вервр, который ещё не стал рэкстом. – Вот оно, идеальное общество без хищников и жертв? А ведь я просил начинать подобные игры с себя. Ты у нас в семье что, первая травоядная тварь? Или тебе можно кровушки, а им – нет?

Голос спустился в рычание, дрожью ползущее по траве. Вервр смолк, проглотил ком неразбавленной тугой ярости. Нельзя уродовать покой заповедного леса.

– Я ожидал иного, – шепнул брат, едва имея силы заставить себя смотреть на три трупа вервров-ланей. – Хотел дать им жизнь без страха.

– Ты желал любоваться несравненным собой, о величайший Лоэн, – прошипел вервр.

В один шаг он оказался лицом к лицу с братом. Лапа вскрыла грудину от живота до горла. Сочно хрустнул позвоночник, когда стали выламываться ребро за ребром... белый дракон дёрнулся было вмешаться, спасти своего вервра – и отпрянул. Такая рана не убивает. Лишь взрывает сознание болью, временно выжигает.

– Полегчало, братец Лоэн? – вкрадчиво прошелестел древний вервр, облизнулся и шевельнул ноздрями, обоняя родственную ярость в тонкой и сложной смеси с виной, обидой, жадной недостижимого превосходства над родичем – и благодарностью за физическую боль, которая чуть ослабляет душевную.

– – без звука нарисовали ответ белые, дрожащие губы брата, и память не сохранила выражение его лица.

«Да» – было первое слово ответа, вторым шло имя вервра. Увы, лёгкие Лозна тогда ещё не заросли, он не мог говорить. Жаль... Звук бы уцелел в столь ярком воспоминании. Наверняка.

Боль угасла.

Слепота нынешнего времени навалилась с новой силой. Ночь несколько скрашивала беспроектность жизни.

Вервр замедлил бег.

– Больно? – шепнула в ухо Ана.

Вервр споткнулся и побрел дальше. Страхнул Ану в траву, пошатываясь, сделал ещё несколько шагов, всем телом натолкнулся на могучий ствол. Ощупал смолистую кору, стер капли крови с рассечённого лба. В ушах звенело. В горле ядовитым ежом свернулся сухой крик. Он так долго бежал и так часто пользовался эхом, что исчерпал себя. Он пока не мог ответить. И, уцелей глаза, он бы плакал.

В воспоминании брат назвал его имя. Он не смог расслышать, не вернул важнейшее, что почти всплыло из глубин памяти – и снова погрузилось на недостижимое дно.

– Больно? – Ана догнала и дёрнула за руку.

Вервр нащупал флягу дрожащими пальцами. Открыл, выхлебал почти всю воду. Кое-как убедил себя оставить пару глотков Ане. Вдох, выдох. Горло восстанавливается. Ещё вдох. Слотнуть... да, всё в порядке. Голос, пожалуй, не будет хрипеть.

– Ты помнишь наше общее решение? Мы обсуждали выбор: опека и контроль – или воля и ответственность.

– Да. Воля.

– Мне надо уйти. Найди годных людей и прилепись к ним на время.

– Ан!

– Это не опасно. Обещаю. Не опасно мне.

– Иди, – едва слышно выдохнула Ана.

Напоследок Ана провела по ладони, по новой коже вервра, ещё чувствительной к щекотке. Затем девочка нехотя, но отпустила большую и надёжную руку. Подобрала свёрток с хлебом, флягу. Отвернулась и пошла прочь. Маленькая, сосредоточенная, с прямой спиной и опухшими от слез глазами. Нос сопел и шмыгал. Но Ана уходила, как велено. Она с весны выбрала волю и ответственность. Сложное решение в таком юном возрасте. Оказывается – осознанное. Вервр усмехнулся. Сейчас, коснувшись древней памяти, он сполна осознал, почему предложил такой выбор. Боль души стала теплее и глубже. Рука попыталась нащупать на шее верёвку с цветными кольцами. Судорожно сжалась... Нет веревки! Порвалась во время бега. Могло ли быть иначе?

– Ана! Я потерял твой подарок, прости, – выдавил вервр. – Сделаем заново. Обещаю.

– Другой придумаю, – сообщила Ана, не оборачиваясь.

По голосу понятно: и рыдает, и улыбается во весь рот. Ну что за нелепое создание... Обуза. Такая обуза, что и не отделаться. И не уйти без оглядки.

Вервр постоял, слушая, как удаляются детские шаги. Втянул воздух и направился к источнику страха, щедро изливаемого в ночь. Он был благодарен всем, без разбора: миру атлов, его людям и нелюдам... В четвертом царстве, сегодня, случилось чудо. Лань из породы вервров оказалась достаточно взрослой и сильной, чтобы пережить шок. Она упрямо дышала и пыталась бороться. Пока у неё получалось чуть лучше, чем у выброшенного из лодки котёнка с камнем на шейке. И все же – она жила!

Лес пах смертью и страхом. Зверье расплзлось, пряталось по норам и щелям. Большая охота у людей – праздник. Этого не понять не то что лани, это и высшего хищника ставит в тупик. Одно дело найти достойную добычу, загнать и взять, чтобы насытиться и утвердиться

в мире. Другое – выследить без разбора всё живое и сделать мёртвым. Не ради пропитания или шкур, а только для того, чтобы перестать быть человеком. На время. Так они думают – двуногие охотники. Мол, кровь одним движением удаляется с кожи, запах запросто отстирывается с одежды, ржавчина легко счищается с оружия... и всё это – бесследно.

– Людишки, – прошелестел вервр.

Он беззвучно тёр, скользил по перепуганному, замершему лесу. Он вдыхал запах смерти. Он ещё не решил, открыть сезон охоты на двуногих – или не тревожить Ану. Малышка близко. Уже нет сомнений, она настолько атл, что без ошибки ощущает кровь, стёртую с рук и отстиранную с одежды...

Вервр-лань дрожала, забившись под корни огромного дерева, в ворох прелых листьев, в гущу спутанного кустарника. Она уже вернула себе облик человека, но пока не смогла восстановить сознание. Она бессильно прикрывала глаза и затыкала уши, не желая знать то, что и так знала. Голая, окончательно беззащитная.

Пришлось заранее стащить рубаху. Подойдя бесшумно, Ан накрыл бедняжку тканью и приобнял, зажимая рот. Лань дёрнулась – и обмякла. Её сердце бешено билось, а тело осталось неподвижным, не годным даже к бегству. Наконец, лань вздохнула и расслабилась. Нашупала рубаху, дрожащими пальцами расправила. Невесть с какой попытки попала руками в рукава. Натянула ткань до колен, одёрнула. Лань не пыталась отодвинуться, наоборот – старалась ощущать кожей тепло, потому что рядом стоял соплеменник. Тот, кого лань вдруг приняла, как защитника.

– Как тебя там? Чиа... Ну и дура ты, – усмехнулся бывший рэкст, баюкая и успокаивая. – Учти на будущее: самые сильные умирают от удара в спину. Кому доверить место за спиной – вот главный выбор в жизни. Ты сейчас согласилась на первого, кто пообещал безопасность. Почему? Потому что от тебя несёт зеленью. Я чую яд второго царства, я опытен и знаю его. Проще всего медленно травить вервров, если у них предсказуемая пища. Тебе подсунули росток, как подарок. Ты сама укоренила его, и это наверняка был вьюн. Альвир бесхребетный, он и растения выбирает подобные. Вьюн давал запах и тень. Запах тревоги и тень сомнений. Ты стала хуже спать и утратила аппетит. Не знаю, кто смог вытащить тебя из отравленного дома. Он великий лекарь. Ещё бы дом сжечь. Как думаешь, догадается?

– Мой дом? – прошептала лань. Вздрогнула, плотнее прижалась спиной к защитнику. – Как всё это... невозможно! Вы спасаете меня. Вы?

– Посиди тут и помолчи, – приказал вервр.

Отстранился, прыжком одолел заросли и припал к траве у опушки. Люди азартно продолжали вытворять то, что им велено: резали дичь, полосовали её, живую – и хохотали, перепачканные в тёплой крови. Люди не давали зверю лёгкой смерти.

Вервр приближался к охотникам и не спешил. Он принял решение. Не важно, увидят ли его и узнают ли те, кто уже никому и ничего не расскажет.

Первым насторожился вожак человеческой стаи. Обернулся, грязно выругался и принял стойку для боя. Вервр принялся, заинтересованно улыбнулся и промурлыкал: «Какая ночь!». Тот самый никчёмный наёмник, однажды встреченный на постоялом дворе. Тот, кто приказал утопить слепого в ледяной реке. Тот, кому не пришлось отомстить сразу, чтобы не разрушить хрупкую, только что возникшую легенду о бесследном исчезновении графа Рэкста...

– Слепыш, ты чё, не сдох? – удивился памятный наёмник.

Вервр улыбнулся шире.

– Ты чё за тварь? – похолодел наёмник, отступая на шаг, пропитывая лес новым страхом. – Мертвяк? Болотник?

Вервр улыбнулся еще шире, и теперь это стало слишком похоже на оскал. Так легко вспомнить себя прежнего, знавшего толк в оттенках людского страха. Багряный бес обожал

ночные суеверия людишек, дополненные смутным осознанием неправоты перед неписанными законами мира. Так... пикантно. Холодный пот, его уже много и становится всё больше.

– Ты...

Вервр позволил себе едва слышный рык. Наёмник взвизгнул, споткнулся и рухнул назад и вбок, не переставая смотреть на свою смерть. Привлечённые шумом, теперь все людишки глядели с ужасом и обречённостью на голого по пояс «мертвяка».

– Вы?.. – ещё тише выдавил главарь и задохнулся своей последней догадкой.

Одно касание, судорога – и тишина... На такую гниль нет смысла охотиться, – знал вервр. Он лишь брезгливо устранял вредителей. Бешеных тварей, заразных и уже неизлечимых. Он убирал их медицински чисто. И, когда поляна обезлюдилась, вервр последний раз усмехнулся и стал спокоен.

– Чиа!

– Да, величайший, – дрожащим голосом отозвалась вервр-лань.

Почему братец Лоэн желал именоваться среди вервров-ланей «величайшим», вопрос к нему. Сейчас Ан не имел желания задать такой вопрос. Не ко времени, и без того злость сочится в сознание, отравляет душу.

– Я не Лоэн, мне не нужны титулы. Их и непрошенные навешивают на хищника, только уворачивайся. Лоэн пожелал искусственно создать мир без хищников. Он поплатился: застрял у вас, вынужденный оберегать нежизнеспособных. Мы много спорили о смысле двойственной природы вервра. Он планировал сокращать агрессивность через выбор зверя. Но сам оставался драконом. Я утверждал, что баланс важен, но две природы не должны создавать неразрешимого противоречия. Я за несовершенство. Борьба – это развитие. Бой – это жизнь. Встреча с врагом – способ понять себя. Презираю тех, кто убегает. Я отдал тебе рубаху потому, что ты пыталась найти силы для борьбы. Ты признала внутри: охотничков надо наказывать. Ты бы, может статься, справилась и без меня. Но при этом могла себя сильно поуродовать. Слишком всё резко поменялось. Да и зелень в тебе сидит глубоко.

Чиа, спотыкаясь на каждом шагу, выбралась из зарослей. Она старалась не смотреть на трупы. И смотрела. Она раздувала ноздри, с ума сходя от запаха крови оленя, от осознания смерти его убийц.

– Альвир желал отравить тебя сомнениями, и затем лишит веры в семью. Тогда он смог бы встать здесь и назваться защитником, – вервр подкрался к Чиа и оказался за её спиной, вплотную. – Вот так. Сдайся ты, прими его защиту, и в тот же день умерли бы сын и муж. А ты стала бы рэкстом. Это хуже смерти. Я знаю.

– Но я всего лишь...

– Запомни запах зелёного яда. Какого зверя выбрал Дорн? Ведь он выбрал?

– М... медведя. Вы...

– Труднее всего травить всеядных. Так что решение сильное, – вервр не стал дослушивать глупости. – Обманчивая неуклюжесть, атака без предупреждения. Поживи среди людей медведем и поймёшь, как интересны их города с нагромождениями берлог, их тяга к дармовому мёду и чужим малинникам. Тебе понравится.

– Но... – Чиа вздрогнула, когда израненный олень, последний из пяти жертв охоты, дёрнулся и затих. – Но я не смогу вернуться в город. Я поняла сейчас.

– Сможешь. Или боишься стать толстой, лохматой и косолапой? – промурлыкал вервр. – При твоём ничтожном опыте зверь – лишь тень. Тебе решать, что взять из его природы. Тебе решать, не сменить ли саму природу снова. Закон жизни вервра – воля. Мы нуждаемся в воле больше, чем в пище и отдыхе. Разве лань не ограничивала тебя? Мне видно: ты смертно устала от страха. Вон нож, верёвка. Могу дать яд. Нет сил жить, умри и не мучайся. Есть силы – принимай бой. Конечно, враг может оказаться сильнее, – вервр облизнулся. – Но без риска нет радости. Без поражений нет побед. Без угрозы смерти сама жизнь пресна. Без...

Ан смолк на полуслове. Пожал плечами: с чего он вообще взялся говорить такие нелепые, книжные слова? А просто молчать было горько. Стыдно признаваться себе же: ему жаль рубаху. Каждая заплатка памятна. Особенно две свежие на правом плече, их наметала через край, комкая ткань, Ана. Да за такую рубаху можно отдать что угодно!

– Я свихнулся, – едва слышно посетовал вервр, стаскивая куртку, а затем рубаху, с трупа подходящих роста и сложения. – Я хищник. Жизнь без боя пресна... и всё такое. Я прав. Прав же?

Чиа тихонько, несмело приблизилась. Переборолась, села рядом, отвернувшись от трупов. Долго молчала, не мешая Ану одеваться и осматривать наёмников, придирчиво подбирать пояс и заполнять кошель.

– Вы изменились, – прошептала она, наконец. – Благодарю. Вы вспомнили имя и зверя?

– Два раза нет, – пожаловался вервр. – Пока я зовусь Ан. Да, вот ещё, вспомнил только что: основателя рода твоего мужа звали Даррэйз Бойвог, иное произношение Боувог. Первое имя человеческого облика, оно сокращалось друзьями как Дар. Имя дракона сокращалось до Боув. Дар ушёл вместе с той, кого выбрал в жены. Состарился и умер. Не вздыхай, это совсем не грустная история. Дар поселился среди атлов, ему здесь было хорошо. Он уважал их решения и сам стал похож на них в способе мыслить, чувствовать мир. У той старой истории есть продолжение. Боув, дракон Дара, спит в этом мире с тех пор, как умер его вервр. А теперь подумай еще раз, насколько мудр твой муж, выбравший природу медведя. Может, однажды он проснётся настоящим хэшем Боувом.

– Дар был вам – друг?

– Он был мне... лучший враг, – мечтательно улыбнулся вервр. – Мы дрались при всякой встрече. Он умел достать меня. Ядовитейшая ночная тварь. Красноглазый убийца из мира тьмы, где слабаки не протянут и двух вздохов. Дар – один из тех троих, кто оставил мне право гостить в четвёртом царстве, что бы ни случилось со мной и миром. Его приглашение в силе, значит, он уже был совсем атл, когда приглашал. Значит, вот как сильно может меняться наша урожденная природа, если мы прилагаем усилия. Это всё, что я желал сказать. Прощай, медведица Чиа.

Вервр фыркнул, поправил пояс и скользнул в заросли, оставляя в прошлом случайную встречу. Ну, пропала рубаха... не беда. Лес велик, тут несложно разжиться древесиной клёна, сосны и дуба. И краску он найдёт. Будет снова злиться, но вытачивать кольца, полировать и слушать, как сопит Ана, нанизывая дурацкое ожерелье.

За спиной молчали. То ли думали, то ли по привычке боялись, притихнув и не решаясь принять новое.

– Ан, – шепнула Чиа, когда вервр уже скрылся в зарослях, – будете в столице, заходите в гости. Дорн бы точно сказал так.

– Семья наивных младенцев, – проворчал вервр, не замедляя бега.

Он приняхивался к ночи и уже знал, что в просторном лесу, занимающем все горы и ограниченном лишь низинными болотами, беспокойно. Ещё самое малое три наёмничьи охоты в эту ночь режут дичь. Наверняка по приказу свихнувшегося Альвира, не зря рядом вервр-лань, и она в ужасе... Что следует из таких мыслей? А то, что усердные людишки запросто и без колебаний изведут всё поголовье оленей огромного, по-настоящему дикого и прекрасного края. Опоганят и обеднят мир, который Ан назвал своим. Значит, надо ненадолго отвлечься от выращивания обузы-Аны и уделить внимание воспитанию взрослых. В их умение меняться вервр не верил. И предпочитал учить выживших на наглядном примере участи казнённых.

– А ведь подлец Клог прав. Я был готовый палач задолго до того, как взял карту из королевской колоды! Если я вообще брал карту... Ведь никто иной не мог вытянуть её – карту с драконом моего рода, – пробормотал Ан, ускоряя бег.

Далеко, очень далеко, мчался олень. Он уже дважды удачно отбил от нападающих собак. Он устал, но держался. Петлял, уводил охотников прочь от тех, кого старался спасти. Такой олень наверняка заслуживал права пережить ночь...

Утро улыбалось миру. Молочные реки тумана текли по склонам, прохладные и обильные. Зрячие сказали бы много красивых слов о цвете и редкостном узоре облаков, о прочем подобном, что люди именуют «красота».

Слепой вервр брёл по пояс в траве. Он был зол на эту красоту. Он не выспался, не поймал ни единого кролика, занятый охотой на людей. Он, исчерпав дела, извёл остаток ночи на остервенелую стирку пропахших кровью вещей. А после пришлось выскрести из-под ногтей сукровицу пополам с занозами. Туман красив? Нет, он подл! Туман осклизлый и вязкий, он топит запахи, как трясина.

– Жильё... Путники... одна лошадь, – бормотал вервр, напрягая слух и нюх. – Грибники... бросили всё еще вчера, едва из замка вырвалась конная охота. Дровосек... я нашёл его топор, а что с того? Не тащить же разяве и трусу то, что им самим брошено.

Вервр презрительно скривился, но нагнулся и подобрал топор. Немного подумал и взвалил на спину вязанку дров. След Аны тянулся, растрёпанный ветром, полустёртый туманом – туда, в низину, к ручью... и почти совпадал со следом дровосека.

Дом дровосека оказался крайним в селении. Сам мужик сидел на широком крыльце в одну ступеньку и тяжело, протяжно вздыхал. На ощупь вервр ещё по дороге понял: топор старый. Не иначе, память о ком-то в семье. Осталось проверить догадку, что он и сделал. Подошёл к крыльцу, молча свалил дрова и показал топор.

– Батюшкина память, – возрадовался дровосек. – Благодарствую, добрый человек.

– И всё? – тихо возмутился вервр. – Мне бы как-то пощупать благодарность. Где хлебсало, мясо-молоко? Да хотя бы вода.

– Бражка имеется, и кролика мы ещё в ночь приговорили, – оживился дровосек. Принял обеими руками топор, приласкал пальцами лезвие, расплылся в счастливой улыбке. – Заходи.

– Кролика... хорошее начало дня. А я ищу ребёнка. Девочка, светленькая, на вид четыре года или пять, она быстро растёт. Говорливая. Могла появиться тут в ночь.

Всё это вервр сообщил, минуя сени и направляясь напрямик к столу. Жена дровосека, грузная, но быстрая, уже стучала мисками, расставляя их для завтрака. От вида гостя вроде и не запнулась, и не покривилась.

– Моя спрашивает, – обещал дровосек. Он принёс кувшин, пахнувший пьяно и так же пьяно булькающий.

Жена плюхнула на стол чугунок с крольчатинной, бросила полотенце и пошла прочь из дома. Вервр блаженно принюхался и облизнулся.

– Я глазастый, но топора не нашёл. Выходит, самое оно выпить за твоё слепое везение, – по-деревенски прямо сообщил дровосек, наклоня кувшин сперва над одной здоровенной кружкой, затем над второй, третьей. Получается, и жену не забыл. – Знатный топор. Отец выменял его в городе. Торгаш врал, что вещь к нему попала за долги из дома алого ноба, во как. Что топор-то боевой. Цену набивал, а только не зазря, вот что скажу.

Вервр постарался припомнить топор, сжал ладонь, восстанавливая ощущения.

– Убивать им не убивали, но сталь дельная. Пожалуй, взят у толкового кузнеца. Может, у ноба с даром по железу. Есть такие. Боковой побег породы алых.

– Главное, что у меня не увели, – умиротворенно вздохнул дровосек.

Две кружки звякнули боками, отмечая правоту сказанного. Вервр с наслаждением напился. Выбрал в чугунке ребра с позвоночником и вгрызся, перемальвая и мясо, и кости. И его способ завтракать снова не вызвал удивления. Определено, этот дом стоило посетить.

– Вовсе одичало двуногое-то зверье, как не стало багряного беса, – посетовал дровосек, разливая повторно. – Медведя шатуна успокоить им недосуг, а нас обобрать или оленей извести – самое то... Да-а, нобы-то с жиру дурны на голову, им Рекст был негод. А вот наша деревенька всегда слала благодарности багряному. При нем эти, из замка, даже за убитую курицу платили, протрезвев. Да-а... вот уж кто порядок блюл. Оленей жаль.

Кружки снова согласно стукнулись боками. Вервр выбрал второй кус мяса, схарчил в единый миг. Облизнулся и откинулся, касаясь спиной добротных брёвен. Нашупал полотенце, чтобы вытереть жир с пальцев.

– Здесь лес грозовой, – вервр задал еще один важный вопрос. – Не было... странностей?

– У нас все знают, что перед замком Могуро иной раз молнии скачут в пляске, – согласился дровосек. – Что тут странного... разве то, что уже года три, как всё попритихло. Была памятная гроза, аккурат Вдову переломило. Самая рослая да статная сосна окрест, её ещё до нас Вдовой стали звать, потому что одна и рядом обломок от второй, давно обгоревшей. Вот Вдову переломило, и пришёл закону беса конец, да... С тех пор и тихо, и гадко. Барон жирует, вовсе стал свинья. И наёмнички его жируют.

– Временно, – повёл рукой вервр. – Мне отчего-то кажется, что одна особа найдёт замок для себя... удобным. Если решится подойти ближе и увидит гербы. Гербы вроде и стёрты, но с её глазами можно рассмотреть след на некоторых камнях.

– Ага, – оживился дровосек и снова разлил по кружкам.

– Замок вне столицы был бы ей в пользу, – промурлыкал вервр.

Он слегка сожалел, что не намекнул на что-то подобное, прощаясь с Чиа. Хотя стоит ли ждать многого от перепуганной лани, только что пережившей зрелище множественных, мучительных оленьих смертей...

Дверь хлопнула. Дородная хозяйка пронеслась через сени, мигом заняла лавку напротив вервра и в два глотка ополовинила кружку с брагой, дождавшуюся её.

– Дитя, говоришь? – пробасила достойная женщина. – Да бесово семя то дитя, во как! На постоялом дворе шалит. Ох, хватит у тебя ума мзду стребовать, так староста серебром приплатит, чтоб её отсель выдворить, и лучше до заката. И её, и прочих-разных.

– Благодарю за пищу и заботу, – кивнул вервр. Встал, потянулся. – Пойду и выдворю.

– Погодь, соберу обед, – рывкнула хозяйка. – Ты ж нас спас. Мы ж за тот топор вон, друг дружке по дюжине синяков в ночь отвесили, а днём бы и пуще разошлись. Тятин топор. «Пусти в дом отродье сиротское, ни прибыли, ни уважения не узнаешь», так тятя сказывал. А я душою-то проста да добра. Работящий, не ворует... и бражку варит гуще, чем в городе. Да-а...

– Бражка хороша, – согласился вервр. Задержался на пороге, принимая узел со съестным. – Вам как, от волков ограду... обвести? Или от коз?

– От кролей да зайцев, – взревела хозяйка. – Все яблони пожрали, косозубые недоби-тыши. Сволота изворотливая!

– То-то дрова у вас валяются, где попало, и всё больше вдоль забора, – хмыкнул вервр. – Бьёте без промаха, а?

– Ха, – гордо подбоченилась хозяйка.

– Ох-ох, – потёр бок дровосек.

Вервр шагнул с порога и побрёл вдоль плетня, ведя рукой по верхушкам кольев и облизываясь. Метки впитывались в древесину, незаметные людям – и ужасающие, непреодолимые для зверья.

– Кем меня сочли эти люди, если даже не указали, где искать постоялый двор? Кем, вот занятно, – мурлыкал вервр, принюхиваясь к сытному мясному духу собранного в дорогу обеда.

– А ничо так леший, деловитый, – догнал басовитый шёпот жены дровосека. Могучий вздох полетел над захламлённым двором. – Только пьющий. Как и ты, зараза.

– Да-а, – послушно поддакнул «сирота».

– Чё встал? Иди, поленницу собирай. Сказано: не жрать им отныне матушкиных яблонь.

Вервр, завершив обход просторного двора, прощально махнул рукой и заспешил прочь, по главной и единственной деревенской улице, к постоялому двору. Оттуда ветерок тянул запахи сухих и свежих трав, ссор и азарта. Под крышей гудело от голосов, шелестело шёпотами и вздохами.

– Троецарствие! – пискнул голосок Аны. И обуза залилась хохотом.

Вервр невольно улыбнулся: не пропала, никем не обижена. Хорошо.

– И кто тут еще шельма, – горестно вывел тихий, задыхающийся голосок там же, в большом зале постоялого двора.

– О, кисличная мята, она же ж! – обрадовался кто-то раскатисто и солидно.

– Попутал леший играть на серебро с продажи урожая, – вздыхал ещё кто-то. Сетовал он задушено, обречённо. – Так она ж дитя... Шутковал я! Так как теперь-то? Ох, беда... ох пропали мы...

Вервр скользнул в приоткрытую дверь и пробрался в главный зал, никем не замеченный. Пискнул и улыбнулся шире. Он любил разбирать брожение людских душонок и умишек. А тут и страхи, и досада, и свежие сплетни, еще не перетёртые в труху, и злость всех на всех, и радость из-под этой злости, ведь соседская беда – она воодушевляет! И посреди болота из мыслишек, как белая лилия в золотой пыльце, Ана с её детской чистой душой.

Не иначе, полдеревни столпилось возле большого стола. Все с ужасом следили за игрой в кости. Возле левого локтя малютки Аны грудилась кучка монет, справа в ряд выстроились кружки. Вервр принюхался: черничный, брусничный и земляничный морс. Что ещё? Пирожки, творог... И дальше на столе и на скамье: мотки пряжи, несколько чурок разносортной древесины, баночка с лаком, гладкая лента. А ещё связка сушёных грибов... это-то зачем?

– Троецарствие, – заверещала Ана, даже не метнув кости.

Кинула – и расхохоталась. Вервр по слуху понимал: падают, катятся, замирают... и толпа обречённо вздыхает. Еще бы, людям кости одинаковы, а верврву или атлу с их чуткостью нетрудно понять и малейший дефект развесовки, и создаваемое им поведение при броске. Тем более хитроватая Ана не кинула далеко, а перевернула ладонь над самым столом.

– Ана, а где твои родители? – спросил сидящий напротив кривоватый тощий человек, тот самый, что сказал про шельму. – Тебя, наверное, потеряли. Переживают.

– Тятя-пама не теряет, – гордо сообщила Ана, сгребла кости и снова скатила с ладошки. —Троецарствие! Хочу мёд. Липовый.

– Три раза в день пить, по полкружки, – загудел смутно знакомый голос. – Печёный лук прикладывать к нарыву, тёпленьким.

– Шельма? – не поверил вервр, вслушиваясь. – Вот от кого не ждал перемен даже я...

Теперь нового гостя заметили, к нему дружно обернулись... и охнули хором. Вервр демонстративно прочесал волосы назад, убирая от лица. И улыбнулся, огорчаясь обычности своих зубов.

– Леший, – выдохнули особо умные из дальнего угла.

– Вы и есть тот самый... пама? – обрадовался кривоватый человек. – А я зовусь Голос. Сразу видно, вы человек достойный. Будьте добры, не сочтите за труд спасти здешнего старосту. Он от забав вашей Аны вот-вот полезет в петлю. Он бы ещё в ночь полез, но я втолковал ему, что девочка шутит, серебро ей не требуется. Я прав? Она славная. Только такая, знаете... вольная.

– Воля! – кивнула Ана, снова выбросив на костях непобедимое в игре и почти невозможное «троецарствие».

– Я говорил ещё и про ответственность, – тихо напомнил вервр.

– Велел: прилепись, – надула губы Ана, всполошилась и смахнула кости на пол, подальше. Вцепилась в кружку с морсом. – Я вот... я леплюсь. Вот. И вот. И вот.

Она собрала ближе все кружки, покосилась на монеты и смущённо вздохнула. Тронула пальчиком ближнюю.

– Подарок. Новый. Тебе.

– Не ругайте её, – вступился Голос. – Она добрая, только сразу такого наворотила, что теперь не знает, как бы сбежать. А я взял с неё слово, что не побежит. А староста сам виноват, пьян был вусмерть и хвастался. Ну и мы хороши, стали жаловаться и отвлеклись... Вы не встречали молодую женщину? Мы разыскиваем её пятый день, всё без толку. Темноволосая, звать Чиа, она тихая и с людьми настороженная. Сиганула в лес, мы уж и звали, и искали...

В каждом слове Голоса звучала настоящая боль. Вербр удивился – надо же, душу человек вкладывает, переживает. Это не все умеют, даже для близких. И Шельма вздыхает солидарно, ему тоже тяжело. Хотя прежде выходки «честного вора», проклятого родней, были порой хуже деяний его знаменитой мамочки Белоручки. Кто дважды пробовал свести Алого Пэма прямо из конюшни? Кто на спор влез во дворец к канцлеру, устроил жуткий переполох и умыкнул породистого щенка? Кто пристегнул к единой цепи спящих на посту стражей и последним туда же, на общую сворку, добавил разъярённого кота?

– Надо же ж Чиа искать, а мы от кашля лечим, от чирья, – буркнул Шельма, глядя в упор на вервра. – Вот же ж вилы! Ана ж меня надула в кости! Да шагни я за порог, кого сунет в петлю обобранный до нитки староста? А? Вот же ж... шельма мелкая. Аж завидно.

– Ан, прости, – «обуза» принялась сопеть, готовя порцию спасительных слез.

– Ответственность, – строго, с нажимом выговорил вервр. – Ты не поняла?

– Поняла. Подарок же! – слезы покатались градом. – Тебе. Цветы.

Вербр поморщился. В нелепых спорах с Аной отчего-то он не оказывался прав так, чтобы вес правды не дотягивал до неоспоримости. Вот и теперь... разве он верно поступил, бросив ребёнка в ночном лесу? Разве он не знал, на что обрекает деревню... а затем и Ану? И себя – в худшем случае.

– За Чиа не переживайте, она сама найдётся. Ей надо еще немного побыть одной. И – спасибо. Я оказался должен вам, – покривился вервр, кивая поочерёдно Голосу и Шельме. – Ана, как быть с моим долгом?

– Спинка! – Ана ткнула пальцем в кривоплечего. – Лечи.

– Я не лекарь, – отмахнулся вервр. Задумался. – Хотя... кости умею и дробить, и перебирать, и составлять. Пошли, немочь. Ана просила за тебя. Значит, готовься к пытке, так тому и быть.

Вербр пошевелил пальцами, намекая, что в смысле правки позвоночника он очень даже зряч. Голос оживился, сполз с лавки и захромал вдоль стола. Староста протиснулся к вождьленному серебру, составляющему не его личное достояние, а ценность всей деревни. Было слышно, как мужик подгрёб монеты, лёг на них и завыл тихо, проникновенно. Не успокоился на этом, принялся вдумчиво драть бородёнку и красочно, рисуясь перед селянами, клясться не пить ни браги, ни настоек.

Для осмотра больного вервр выбрал полупустую кладовую, предложенную расторопным Шельмой. Как тот умудрился протиснуться вперёд, придержать дверь и поддеть на сгиб локтя Ану? Ловкий. Но – раздражения не вызывает. С прошлой встречи стал куда как занятнее, сложнее и глубже, – отметил вервр. Он сел у стены и стал ждать, пока всё нужное будет приготовлено трудами расторопного Шельмы и усердно мешающей ему Аны: соломенный тюфяк, покрывало, тёплая вода, полотенце, мази...

– Мать не простил? – спросил Ан, слегка удивляясь своему любопытству.

Шельма как раз укладывал Голоса на тюфяк и прибирал его рубаху, складывал с какой-то трогательной аккуратностью.

– Да ну её, – без злости буркнул Шельма, не усомнившийся, что спрошено у него. – Мы с Голосом перетёрли. Живая ж мать всяко лучше, чем никакой. Да и она ж... унялась, в мои дела не лезет, в свои не тянет. Ана, тебя ж моя мамка не обижала?

– После разберёмся, – вервр пересел к тюфяку.

Он быстро провёл кончиками пальцев по спине Голоса, повторно тщательно прощупал ребра и позвоночник. Задумался, растирая руки и грея их, а затем растирая изуродованную спину и тоже грея, готовя к работе.

– Кто выставил Чиа из города?

– Матушка Ула, – отозвался Голос. – То есть...

– Понял. Занятно, как сплетаются случайности в мире людей... и тем более атлов. Не скучно. Без боя не скучно... Как тебя? Голос, да? Я поправлю, но затем тебе понадобится белый лекарь. Не знаю, где они ещё есть. Раньше была семья на побережье, на юге. Сильная кровь, но вся вылиняла в новых поколениях. Дар был осознанно разменян за золото. Так я слышал.

Вервр снова прощупал позвоночник. Долго примерялся, решая, стоит ли ломать два плотно сросшихся ребра, разделяя их и причиняя большую, но неизбежную боль. Ана сопела, держала Голоса за руку и очень за него переживала. По вздохам слышно – аж до слез.

– Останусь на три дня, – решил вервр и сместил седьмой позвонок, сразу лишив жертву сознания. – Тут чутье нужно... звериное. Старые переломы, всё срослось и наслоилось. В мягкую, как делают лекари людей, поздно править. Ана, прекрати рыдать.

– Я болю, – пропищала та в ответ и снова заныла.

– За него? – удивился вервр.

– А-ай... Да. О-ох...

– И как тебя наказывать, – разделяя два сросшихся позвонка и разводя их в нужное положение, пробормотал вервр. – Ты умудряешься казнить хуже, чем казнил бы даже я, даже решившись. Ладно, боли. Где Шельма?

– Тут же ж! – выдохнули в затылок.

Вервр рассмеялся, запоздало опознав и подкравшегося Шельму, и нож у самой своей спины, и то, как дрожит приготовленная к удару рука бывшего вора.

– Меня тут назвали лешим. Согласен?

– А кто же ж с бесами спорит, – усмехнулся Шельма. – Леший, значит, леший. Твою ж чешую, да хоть мертвяк, только лечи!

– Весь в маму, – промурлыкал вервр.

– Так у неё ж тебя и видел, – добавил Шельма. Помолчал и уточнил: – Давно.

– Значит, с этим разобрались, – проверяя спину, отметил вервр. – Нужна толстая кожа, вроде седельной. Прутья железные и ивовые. Сапожные нитки. Топорик. Деревяшки наподобие черенков от лопат... Корсет будем делать. Эй, – вервр дёрнул уголок губ, изображая для Аны подмигивание. – Он исчезает почти так же ловко, как я.

– Леший-Шель! – пискнула Ана, мигом забыв про слезы. Снова согнулась от близкой чужой боли. – Ой-ой... Ай!

– Видно, всем атлам в детстве кто-то должен сказать: обещай не играть в карты и иные азартные игры. И они в ответ...

– Ни-ког-да! Ни-ни... От-вет-ственность, – кусая губы, выдавила Ана, сперва медленно, а затем скороговоркой, глотая слоги длинного трудного слова.

– Да. Важнее подарок. Но я опять получаюсь виноватым. Так что подарок с меня. Думай, что бы ты хотела?

– К деду Ясе в гости, – сразу отозвалась Ана.

– Ещё до зимы? И не пойдём к западному морю?

– В гости! И палку.

– Да, я обещал ему узорную трость, – припомнил вервр. – Договорились.

Правка позвоночника длилась и длилась. Ана рыдала и пищала. Шельма вздыхал...

Наконец, переживший шок и боль Голос зашевелился, тихонько застонал. Он очнулся – потный с головы до пят, измученный и бессильный шевельнуть даже пальцем. Он дрожал, стучал зубами в ознобе и не знал к своему счастью: это лишь начало чёрной полосы жизни, именуемой лечением. Иногда лучше – не знать. Вервр усмехнулся и промолчал. Ана всхлипнула и больно стукнула по колену. Она, кажется, снова угадала несказанное вслух.

– Вот же ж! – с грохотом сваливая в кучу запрошенное, рявкнул Шельма. – Думал, бесы убивать годны, и только же ж.

– Бессмерть третьего царства древние атлы звали левой рукой лекаря, – согласился вервр. – Мы чуем смерть. Это наше: смотреть ей в глаза. Спорить за добычу даже с ней. Никто не живёт полнее вервров. Однажды ощутив себя высшим хищником, уже нельзя отказаться от... предназначения. Ана, ты слышала? Воля и ответственность.

Малышка отпустила руку Голоса, едва тот забылся обморочно-глубоким сном, и перебралась за спину вервра, ловко вползла к нему на плечи и принялась плести косички из отросших волос. Это имело бы смысл, если бы волосы, падая на лицо, мешали взгляду. Но слепой вервр не спорил, а зрячий Шельма не замечал: гнулся над коробом со склянками и свёртками, перебирал запасы и старался придумать, как бы ещё ослабить боль друга?

Вервр принялся, пискнул и собрал эхо. Вечереет, туман копит впрок росу для травных ожерелий. Село засыпает... Сплетни временно иссякли, постоянный двор опустел. Только его хозяин вздыхает и учитывает ничтожный доход: много ли возьмёшь за морс? И с кого, если девочка оказалась под присмотром – страшно и подумать – лешего?

– Давным-давно к одной тете-глыбе пришёл... – вервр покривился, – ладно, прямо скажем, пришёл граф Рэкст. Ана, слушаешь? Это сказка. Рэкст получил приказ убить ребёнка. Было необоснованное подозрение на полную кровь, а еще большая игра одной ветви княжьей родни против другой. Он должен был убить. И никакого выбора. Он был зол. Что он – игрушка людям? Или оружие? Или их пёс?

– Плохая сказка! – засопела Ана.

– Рэкст навестил тётю-глыбу... Она та ещё зверюга, с чутьем... и Рэкст надеялся, что будет понят, не сказав лишнего. Ночью он взял большой нож и пошёл убивать. Но во дворце уже плакали. Говорили, ребёнок выпал с чердака, весь изломался, не узнать толком... и ещё его погрызли... не важно. Злая сказка. Это случилось шестнадцать лет назад. Рэкст не спрашивал, откуда тетя-глыба взяла труп ребёнка и куда дела живого, княжьего.

– Зачем... все это? – покривился Шельма и зло захлопнул короб.

– Тут начинается главная сказка, – вервр поднял палец, и Ана вцепилась в руку, дёрнула, требуя исправить всё плохое в истории. – Рэкст стал должником тёти. Годы шли. Однажды ему передали весть. Он помчался, – вервр усмехнулся и добавил для Аны: – и плащ его раздувался, как крылья, и волосы вбирали изморозь ночи, самой холодной за много лет. Рэкст видел, как тётя-глыба облила водой родного сына и выставила за дверь. Бес крался по крышам, пока мальчик мог идти. Босиком по льду... След получался кровавый, и сдирал пацан не кожу с пяток, а остатки тепла с души... Из-за старого долга перед тётей-глыбой бесу пришлось пристраивать её замёрзшего сына в дом хэша. Тот хэш выставил условие: Рэкст не переступит границ его владений, пока сам хозяин или его старший ученик не пригласят. И стал ворёнок жить на новом месте, и вырос из него человек. Кто бы мог такого ожидать, а?

Вервр замолчал. Ана пощекотала ладонь, хихикнула. Наклонилась и кувырком спустилась с плеч вервра, шмякнулась об пол, не особенно усердно пружиня руками и ногами. Ткнула Шельму локтем в бок – мол, хвали сказку! Бывший вор вздрогнул и очнулся.

– Вот же ж... я не сам допёр к Лофру? И мать моя же ж... во вилы! Эй, погоди. А дитя? Кровь княжья, тут не тьфу же ж, а прям плюха яду?

– Плюха яда. Именно. Незаконный сын якобы непорочной сестры якобы не претендующего на титул двоюродного брата нашего светлейшего выроodka, – в улыбке вервра наметилась ядовитость. – Таким детям не дозволено жить. Даже слух о таких уже проблема... У него кровь белого лекаря от отца и крохотная толика золота от матери. Белое золото само по себе приговор. И без людских козней подобные дети чахнут. Я знаю двух уцелевших. Лионэла хэш Донго жива трудами моего врага Клога. Но как, без помощи целителей, смог дотянуть до нынешнего дня твой дружок Голос? У меня нюх на кровь, – вервр обнял Ану и закинул на плечо, чтобы она снова скатилась на пол. И еще раз, и еще. Время вечерней тренировки... – Травница Ула обладает способностями, достойными восхищения. Она рассмотрела тебя и выправила, хотя Шельма тебе было не имя и не прозвище, а фамильное призвание и кровное наследство. Но ты упрямец. Особенный: ты позволяешь выжить тем, кто обречён.

– И Голос что ж, ноб? – кое-как выдавил ошарашенный Шельма.

– Разве я даю ответы даром? Разве тебе есть, чем заплатить? – ядовито прошелестел вервр, медленно пронёс кулаки и впечатал Ане в лоб, контролируя то, как она блокирует и отводит руку, как ныряет под новый захват. – Нет, не справилась, надо мягче обводить и отслеживать локоть. Ещё раз. Ана, не отвлекайся!

– Бум! Хряп!

– Очень страшно, – вервр утёк из-под ответного удара и провёл болевой захват. – Не советую рассказывать о прошлом Голоса. Рано или поздно новая склака князей потребует новых жертв. Не втравливай этого ребёнка в дворцовые игры. И проследи, чтобы твоя мама промолчала. У старого князя нет годного наследника. За рассказ о прошлом могут предложить очень много золота. А на самом деле заберут жизнь. Вот зачем я сделал для тебя явным то, что стоило бы держать в тени.

Вервр проверил пульс под челюстью Голоса. Вслушался в ровное, медленное дыхание Шельмы: оправился от удивления и всё обдумал. Быстро...

– Вот теперь я ж верю, ну – про левую руку лекаря, – серьёзно сказал Шельма. Встал, поправил рубаху и поклонился. – Мамку предупрежу. Что ещё?

– Сообщение Лофру, но прежде... – подался вперёд вервр. – С кем он сводит моего Пэма? Как готовит к скачкам? Кто седок и нет ли у него хлыста? Доволен ли мой конь кормом и уходом? Сядь и расскажи толком!

Путь Ула. Карта менялы

Ул обнаружил: сквозь ничто, оказывается, иногда трудно продрасться. Междумирье бывает тесным, душающим. Оно осознанно и яростно противится атлу-наследнику, идущему к выбранной цели... И все же пустота без цвета, вкуса, запаха и ощущения времени – преодолима. Медленно, нехотя она уступает. По капле... если уместно и возможно представить себя родниковой водой, способной сквозить, чтобы однажды победно вырваться родником на поверхность. В новый мир. Очередной! Бессчётный... Сколько мгновений или лет минуло дома? Где он – дом? Даже эхо маминых мыслей сюда не добирается. Только изредка тепло трогает плечи.

Итак, новый мир. Первый шаг дался проще, чем прежде. К чудесам можно привыкнуть? Поверить без причин, по опыту нескольких удач, что тело снова перестроится, что будет посильно дышать, что ощущение холода или жары, в первый миг выжигающее кожу, затем сделается терпимым. И зрение не подведёт. Он – атл. То есть он почти что человек... и вместе с тем пока ничто не сломило его.

Ул открыл глаза, осмотрелся. Пожал плечами. Бывают и такие миры, оказывается: организованные, продуманные до самой малой мелочи. Чем-то похожие на дом хэша Хэйда, каким он мысленно представлялся Улу. Всё подчинено удобству для тела и ума. Всё уместно без вычурности. Но всё так упорядоченно, что вызывает отвращение!

Солнце даёт ровный свет, как закрытая матовым стеклом лампа. Фоном для солнца служит пустое, без единого облака, сталистое небо с едва намеченным оттенком голубизны.

Под ногами совершенно гладкий камень. Полупрозрачный, молочно-белый с серебряными и черными прожилками. Мир вблизи – плоский, глянцево-парадный и пустой, как бальная зала в утро праздника. Ни пылинки... Мир просматривается насквозь – удобно для наблюдения. При этом сам наблюдатель незрим. Так и предпочёл бы Дохлятина Хэйд!

Пространство на десять шагов от Ула подобно залу, а далее начинается лабиринт низких стен без крыш, чтобы где-то у горизонта в него вписался еще один такой же зал, и еще. Весь мир – залы, помещения и коридоры. В помещениях одинаковые столы. За столами – одинаковые фигуры. Всегда двое, мужчина и женщина. Лица лишены выражения.

Ул покачнулся, осознал усталость и шагнул – решив, что выберет направление случайно. Какая разница, узор мира вроде паркетной мозаики, повторяется бесконечно... И люди за столами – часть узора. Одинаковые, однажды созданные и неизменные... Хотя нет: на их лицах – под кожей? В слое камня? – непрерывно вершится изменение. Чем ближе стол, чем пристальнее Ул вглядывается, тем полнее лица подстраиваются под привычку смотрящего. Тем они человечнее...

Ул миновал одну за другой десять комнат. И еще десять. Оглянулся, пожал плечами и двинулся дальше. Он скоро осознал, что лабиринт куда сложнее узора паркета, что сравнение ложное. Мир постоянно меняется! Вот солнце приобрело золотистый тёплый цвет, небо украсилось облаками, по стенам и полам побежали их тени, оживляя и наполняя бытие. Узор камня обрёл новые оттенки, в нем проявилось сходство с лучшими заглавными буквами, какие выходили из-под руки Монза или украшали его любимые книги. Прозрачность стен пропала, сами они сделались выше. Лицо мужчины за каждым новым столом всё точнее копировало черты Хэйда. А женщины... казалось больно узнать Лию. Каменную, холодную. Ул ощущал тошноту и брезгливость: мир тянул из сознания то, что ценно гостю, переваривал добытое, чтобы достоверно солгать: «Я – друг! Прими меня, расслабься. Присядь и дай себе отдых».

Если бы ощущение фальши не мешало, как соринка в глазу, Ул скоро остановился бы у одного из столов. Из любопытства, из вежливости или просто так, без причины. Но фальшь

раздражала. Чем детальнее мир копировал ожидания, тем большее отторжение вызывал. Ул шагал, невольно ускоряя движение. Всмотривался, хмурился – и бежал дальше.

Пока не увидел очередной стол. Точно такой, как прочие, но – настоящий. Почему, Ул сам не знал. Он остановился, именно желая найти ответ.

– Приветствую, – негромко выговорила лия.

Для себя Ул так её и назвал – «лия», не имя с большой буквы, а вроде как... порода? Эта лия не была личностью, как и все иные. Таких лий загадочный распорядитель мира мог соорудить бесконечно много.

– Вы мастер, – Ул поклонился существу, которое притворялось Хэйдом. – Ваш дар сродни дару синих нобов? Вы создаёте контур замысла, а после заполняете. Мой учитель Монз рисует кистями по бумаге. Сперва контур, затем детали, цвета, тонкие мелочи.

– Вы первый, кто сразу отличил оригинал от копии, – мастер ещё притворялся Хэйдом, но его голос и манера поведения отличались.

Может быть, – решил Ул, – незнакомцу понравилась личина? Хэйд всегда был не тем, кем казался, он умел играть в загадки. И в такой роли сейчас был более чем уместен.

– Вы помните своё имя? И лицо? – Ул вежливо поклонился. – Меня можно звать Клог. Мой друг выбрал мне такое имя. Я горжусь им.

– Другом или именем?

– Тогда... горжусь ими, – улыбнулся Ул. – О, мастер, позвольте приветствовать вас. Я всегда мечтал научиться рисовать и я восхищён вашим даром.

Ул склонился и замер надолго. Осторожно выпрямился, увидел кивок мастера – и присел в предложенное кресло. Каменная лия по ту сторону стола пропала, «Хэйд» менялся, терял знакомые черты и обретал чуждые, но, надо верить, подлинные. Свет солнца забагровел. Стол сделался ниже, украсился пёстрыми яично-черными разводами. Штрихи золота разделили стены на квадраты чернее тьмы, чередующиеся с вытянутыми прямоугольниками, содержащими живые и иногда объёмные картины.

Пока взгляд Ула блуждал и вбирал впечатления, мастер вполне изменился. Он теперь выглядел на голову ниже Монза – золотокожий, безволосый, трёхглазый: два карие ока взирали на гостя с прищуром внимания, пока третье, лазорево-золотое и помещённое в середине лба, дремало под полупрозрачным веком. Четырёхпалые руки мастера расслабленно лежали на столешнице. Безгубый крохотный ротик оставался сжат в плоский штрих молчания...

– Мастер О, можно так звать, – ротик округлился, нарисовал заглавье беседы. – Обычно гостям неуютно. Обычно они напуганы. Хотя бы удивлены. Но вы... рады? Это безрассудно. Вы понятия не имеете, в чем назначение этого места. В свою очередь я провёл первичные изыскания и предполагаю, что вижу наследника атлов. Я сообщил о вас тем, кто может быть заинтересован. Пока нет ответа. Значит, можем беседовать.

– Вы из первого царства, Мастер?

– Ответ положительный. Продолжу рассказ об этом месте. Я меняла. Таково моё нынешнее назначение. Я предоставляю просителям суррогат утраченного. Они взамен отдают то, что имеет ценность для...

Мастер О смолк, прикрыл оба карие глаза и распахнул лазоревый. Вмиг нанизал на ось внимания Ула – и тот дёрнулся от боли. Мозг взорвался, а затем вроде съёжился: взгляд проник в самую глубь сознания с полнейшей бесцеремонностью и рылся там... Так дядька Сото рылся бы вилами в стоге сена, – усмехнулся Ул, вытирая пот со лба и пробуя отдышаться.

Что вытащил на вилах этот О? Что увидел и кому об этом доложил?

– Ваш вопрос: «Зачем?» ложный и детский, – сообщил О, снова распахнув карие глаза и закрыв лазоревое око. – Есть иные, более важные. Вы хотите вернуться домой. Могу отправить. Цена обмена: ответ на один вопрос. Вам важно знать, живы ли мама и друзья. Могу выяснить. Цена та же. Вы хотите увидеть королеву. Могу создать копию с функциями речи

и частично личностным интеллектом... Здесь лучшее во всех мирах место для обмена. Некоторые говорят: я меняю судьбу и наделяю счастьем. Вернее, всеми формами успокоения, удовольствия и удовлетворённости. Вам понятно сказанное?

– Да. Но я вовсе не хочу...

– Все хотят, чтобы сбылись их желания. В том числе сокровенные, – покачал головой

О. – Не стоит обманывать себя и меня. Один ответ в обмен на одно желание. Готовы?

– Что за вопросы у вас ко мне?

– Приятно видеть разумный подход, – О изобразил улыбку и сразу убрал. – Набор первый.

Вопрос: что стало с тем, кто вам известен как Рэкст? Если вы уничтожили его, каким образом? Оплата ответа: возвращение домой или же возвращение к жизни человека, важного для вас или вашей семьи. Еще можно обратить время и перерешить решённое, сохранить любовь женщины, чьё лицо вы искали в безликих. Думайте.

Мастер тронул стол кончиком пальца без ногтя, вырастил из камня песочные часы. Золотой песок змейкой скользнул в верхнюю колбу и начал медленно пересыпаться вниз. Ул смотрел, как заворожённый. От слов и тона О – кружилась голова. Разве возможно вернуть маме Уле родного сына, погибшего в раннем детстве? Разве посильно отменить предательство и слабость кровной матери, чтобы не оказаться мёртвым младенцем в ледяной реке, чтобы вырасти в семье, как обычные дети? Разве способно чудо пересыпать песок времени, чтобы взгляд взрослой Лии был обращён к её цветочному человеку и наполнен для него солнечным теплом, как сейчас – для Сэна?

Ул поёжился. Сжал кулак, резко впечатал в столешницу. Костяшки заныли, отозвались горькой и целительной болью. Туман в голове проредился. Остро, почти непосильно, заболело сердце. Только каменные истуканы могут лгать так холодно и ядовито. Разве предав, пусть и врага – а Рэкст враг – можно получить что-то настоящее? Разве менялы способны дать то, что содержит тепло и боль жизни? Как сказал О? Он создаёт удовольствие. Пожалуй, именно и только – удовольствие...

– Мне неизвестна судьба Рэкста. Он мне враг, – не открывая глаз, выдавил Ул. – Я не желаю о нем слышать и говорить. Никогда. Значит, у меня нет ответа.

Песок в колбе сыпался, песок шуршал и усыплял... Когда Ул закончил говорить, этот звук иссяк одновременно с эхом голоса. Ул вздохнул и позволил себе открыть глаза. Часов уже не было, пропали.

– Второй набор вопросов, – начал О и чуть заметно качнул головой. Создал штрих молчания из маленького ротика. Задумался? Приоткрыл лазоревый глаз на краткий миг, снова причиняя боль и копясь в тайниках души... – Вы удивляете. Вы полны любопытства и рассеяли страх. Вам чужда страсть к удовольствию предложенного толка. Но тут вы неправы. Да, я не могу дать в копии то, что было в оригинале. Но я не создаю фальшивок, вы оскорбляете меня такими мыслями. К меняле приходят с разбитыми в прах мечтами и растоптанными надеждами. Приползают, когда сломан хребет чести. Я зашиваю, накладываю лубки. Я даю лекарство и костыль. Что станет после с костылём? Не мне решать. Одни не смогут его отбросить, они слабые. Другие не захотят, они жадные. Третьи вложат душу... и копия станет подлинником. Так бывает. Редко, но бывает.

– Вы – Мастер, – не оспорил Ул.

– Второй набор. Вопрос: как вы смогли пройти сюда? Нельзя ступить в исконные миры первого царства, обойдя усыпальницу короля. Нельзя пройти там, где тропы разрушены. Вы здесь. Вы прошли и не зная ничего вы просто не можете. Предлагаю выбрать ценность для возмещения. Время пошло.

– Я не знаю, что такое усыпальница! Граф Рэкст велел мне готовиться к испытанию, и вот я тут, – Ул вспомнил совет Ворона Теней. – Я хочу дойти до цели. Пройдя испытание, я смогу?

– Какова цель?

– Вы же знаете. Задать вопрос королеве. Так, наверное.

– Вы готовы войти в иерархию, то есть пересечь порог зала выбора? – бесцветным голо- сом произнёс О и распахнул лазоревый глаз.

– После испытания, да? – Ул сжался от боли. Вилы настороженного внимания так и шарили, так и кололи, нанизывали, просеивали...

Повисла тишина.

– Вы не обладаете ответом. Вы прошли сюда и сами не ведаете, как. Это невозможно, но верно, – удивился О. Прикрыл третий глаз. – Испытание устроит иерархию. Согласие на испытание уже ценность. Вы выбрали возмещение?

– Да, – вскинулся Ул, ликуя и чуть не подпрыгивая от своевременности озарения. – Да! Мастер О, я умею рисовать узоры заглавных букв. Я без ошибки повторяю готовые и создаю новые. Но я не способен изобразить ничего настоящего. Вот хоть... Лес, дорога уходит вдаль, дом у реки. Я вижу, помню... и не могу уложить на бумагу так, чтобы верить. Можете научить? Вы мастер. Я вижу, вы настоящий мастер!

– Один дурак на тысячу умников, – впервые крохотный ротик О сморщился в улыбке. – И даже реже. Только один просит научить, а не... удовлетворить. Возмещение будет предо- ставлено. Я научу тебя светотени и перспективе. Для начала довольно. Мои знания – костыль. Я хочу увидеть, станет ли он чем-то большим. Ты получишь возмещение немедленно. Затем будет испытание. Одно или не одно. Этого еще не решили.

Мастер О коснулся столешницы, поддел и потянул из неё новые песочные часы. Ул жадно следил за чудом и без слов приговаривал: «Больше песка, больше!»... загадочные светотень и перспектива будоражили воображение.

Ул расплылся в счастливой улыбке, когда осознал: времени мастер выделил не так и мало. Часы здоровенные, ведра на два песка, и сыплется он по пылинке, едва-едва.

Впервые от момента, когда родной мир остался позади, душу согрело лето... Мастер О более не казался каменным истуканом. В его нечеловеческом облике читались черты Монза. Не привнесённые ради обмана, нет! Иные, настоящие. Мастер О был синим нобом, даже если сам не знал о таком своём звании. Он был мудрым, лукавым, увлекающимся, беско- нечно преданным делу. Он принадлежал иерархии бессмертия и носил при себе карту, ско- ванную по рукам и ногам ненавистной ролью менялы... Но помнил о себе прежнем Мастер О больше, чем граф Рэкст и Ворон Теней. Или – не так? Те двое помнили бой и силу, забыв себя. Мастер О помнил присущее синему нобу – умение рисовать, например. Помнил ли он себя? Хотя бы имя... Ул зажмурился, усилием воли затоптал любопытство. Он делает вид, что не знает о колоде карт. Мастер О не замечает подвоха. Или не хочет искать? Совсем как Ворон Теней не пожелал выиграть бой.

– Я весь внимание, о учитель, – поклонился Ул.

– Итак, перспектива, – в карих глазах, Ул мог поклясться, блеснул азарт, совсем как у Монза, вступающего в библиотеку. – Обсудим стандартную трёхмерную, обратную иконопис- ную и особые случаи визуальных эффектов при переносе пространства материи и духа в двух- мерность.

– Да, – едва слышно шепнул Ул.

Голова кружилась от предвкушения. Песочные часы казались ничтожно маленькими. Мозг гудел, пробуя нащупать нечто, ценное для обмена и одновременно безопасное. Да пусть даже опасное! Еще немного – и к Мастеру О захочется вернуться любой ценой. Рискуя жизнью, отдавая её в залог.

– Я смогу рисовать, – шепнул Ул.

И ему показалось, что над миром уже расцветает золотое лето детства, безупречное, неза- бываемое. Повторимое и всегда живое – если его нарисовать!

Глава 4

В которой рассказывается о событиях весны 3217 года

Столичные истории. Вес правды

– Первая ноба княжеского протокола, Лионэла хэш Донго Тэйт, – нараспев прокричал глашатай. Позволил себе короткий вдох и продолжил в том же ритме, не жалея лёгких: – Её безупречность с нами!

Пока глашатай потел и старался, соблюдая тонкости правил приветствия, громоздкую парадную юбку «безупречности» сдавили с боков и выпихнули из кареты слуги, приставленные для помощи в подобных случаях. Справился бы и один, как следует потянув за специальные лямки. Почему помогали оба? Пять вёсен назад юная ноба тщеславно сочла бы это уважением. Года два назад, освоившись во дворце, она задумалась бы: нет ли у слуг тайного поручения от кого-то... и тщательно проверила складки платья. Год назад, утвердившись в высоком ранге, она уже смогла бы без ошибки прочесть намерения, коротко глянув в глаза и на руки.

Но сейчас не до мелких игр.

Знает ли замужняя ноба, что ей намерены признаться в любви еще до начала лета пять напористых юнцов? Конечно. Двое ищут место в службе князя, поскольку бедны и полны надежд. Им кажется, что «старуху» – так подобные зовут всех старше двадцати – запросто очаруют переписанные из книг чужие стихи. Еще двое – алые – отчаянно нарываються на бой с Сэном. Муж и в юности не позволял себе вспылить по пустякам, а сейчас стал исключительно серьёзен, зная и свою силу, и сложное положение Лии при дворе. Но драчуны не унимаются. Наконец, еще один... То ли придумал себе любовь, то ли искренне верит в неё. Жаль мальчика. Может, поискать ему партию?

– Не так усердно, – Лионэла уняла пыл глашатая и слуг. – Я не спешу, да и вам надрываться ни к чему.

Год назад мелкий прилипала из свиты беса пустил слух, что будто бы из-за небрежности слуг ноба хэш Донго споткнулась, покидая карету. И что её муж, узнав об этом, тихим голосом очень вежливого человека уточнил, насколько случившееся – случайно. А затем страшно избил слуг, чего еще ждать от алого, если он в гневе? Перечисляли имена пострадавших. Подробности гадкого свойства липли, как мухи на навоз... Отчего слабые и мнительные люди верят в напасти и множат слухи? Глупо спрашивать, когда сам вопрос содержит ответ, – усмехнулась Лионэла. Она как раз балансировала на широкой подножке, а слуги держали на весу платье и плавно смещали его из кареты. Подбежали по знаку распорядителя служанки с пуховками. «Можно подумать, я – ваза, по случаю праздника добытая из чулана», – мысленно посетовала Лия. И сохранила лицо безмятежным.

Перечень приёмных дат прописан на год вперёд, и она заранее знала, что нынешний день будет трудным. Очнувшись после ночного кошмара, поняла: еще и тёмным... Золотая ветвь дара наделяет предвидением угроз. Благо это или неразбавленный яд для души? Предчувствия сделали многих золотых нобов панически пугливыми, склонными искать врагов и отказываться от друзей, от смысла и радости жизни... Обезумевшие золотые нобы яростно ценят положение в обществе. Власть – их щит и меч. Ведь золото двояко: оно блестит или в сундуке, или в сердце. Поднимаясь по ступеням властной лестницы, Лионэла это понимала все полнее. Но у неё есть Сэн. Всегда рядом. И ей не требуется иной щит... Вот только в глазах Сэна порой читается невысказанное: «Зачем мы здесь? Зачем тебе игры дворца, Лия?».

Слуги без стука установили основание юбки. Склонились, выражая почтение и заодно позволяя себе передышку. Лионэла жестом оборвала суету с проверкой кружева и лент. Ненавистное платье надевается дважды в месяц. Хотя бы не чаще... это единственное его по-настоящему ценное качество.

– Оно делает вашу талию тонкой до невидимости, о безупречность, – с откровенной насмешкой прошелестел голос из-за спины, и незримый нож угрозы впился под лопатку. – Снова отослал букет. Я сохну по вам, это заметно?

– Со всем уважением... Я приняла бы цветы даже от вас, получи вместе с ними намёк на то, что способно сделать вас незаметным.

Лионэла грациозно развернулась: этот манёвр в платье такого веса и такой ширины юбки умела исполнять лишь она. Собственно, впервые развернувшись на балу, она и стала «безупречностью». Князь мог бы подарить цветок или комплемент, ведь они не более весомы и ценны, чем этот пышный, но невесомый титул... если не уметь им пользоваться. Если не сделать его ключом для входа в круг избранных. Говорят, лет сто назад дворцом управлял псарь княгини. Двадцать лет назад знать терпела пересадки и корчевание от «сановной садовницы». Для неё и придумали странное титулование, то ли в шутку, то ли издеваясь. Титул и ранг не важны. Можно быть князем – и ничего не решать... если ты не умеешь себя поставить.

– Вы столь грациозны, – шепнул бес, щурясь.

– Благодарю.

«Благодарю, но не тебя, а Сэна», – глядя мимо Альвира, подумала Лия. Муж истратил на обучение Лии год без малого. В боевых условиях взятое за основу движение именуется «силовое уклонение» и позволяет закрутить и повалить противника тяжелее себя. Платье – противник именно такой категории, но Лионэла научилась бороться, не теряя непринуждённую улыбку.

Зачем она здесь? Зачем ей быть в столице и при дворе? Грустный вопрос. И ответ безнадежный по срокам исполнения: чтобы бес не мнил себя хозяином мира! Ответ понятен Сэну... но горечи не унимает.

– Сам хэш Альвир, – мило улыбнулась Лия, искоса глянув на беса и тронув веер. – Позвольте склониться в восхищении, вы теперь сановный граф, что приравнивается к седьмому рангу. Право, неловко, вы ожидали у дверей, в оскорбительном для вас окружении слуг и псов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.